

Я.И. Рецкер

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Библиотека лингвиста

Р.Валент

Яков Иосифович Рецкер
1897–1984

Серия «Наше наследие»

Я.И. РЕЦКЕР

ТЕОРИЯ
ПЕРЕВОДА
И
ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ
ПРАКТИКА

*Очерки лингвистической
теории перевода*

Дополнения и комментарии
Д.И. Ермоловича

Москва
Р.Валент
2007

ББК -9*81.2

*Издательство «Р.Валент» выражает глубокую признательность
вдове Якова Иосифовича Рецкера Неждане Даниловне Янович
за разрешение переиздать эту книгу с дополнениями и комментариями
его ученика, профессора МГЛУ Д.И. Ермоловича*

Я.И. Рецкер. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/ Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. — 3-е изд., стереотип. — М.: «Р. Валент», 2007. — 244 с.
ISBN 978-5-93439-238-4

В книге рассматриваются узловые вопросы лингвистической теории перевода, имеющие прямое отношение к переводческой практике. Сопоставляя лексико-грамматические и стилистические особенности английского и французского языков с их функциональными соответствиями в русском языке, автор раскрывает логико-семантическую основу всевозможных преобразований в процессе перевода. Поскольку каждое теоретическое положение проверяется практикой, в книге широко использован богатейший опыт отечественной школы перевода.

Телефон издательства «Р.Валент»: (495) 916 67 03
e-mail: rvalent@online.ru
www.rvalent.ru

Воспроизведение и распространение данного произведения (полностью или частично) любым способом, в том числе путем перевода в электронные файлы и открытия доступа к таким файлам через коммуникационные сети и каналы связи, без договора с правообладателями запрещается и преследуется в соответствии со ст. 146 УК РФ и Законом РФ о защите авторских и смежных прав.

ISBN 978-5-93439-238-4

© «Р.Валент», 2004 г.

© Ермолович Д.И., дополнения и комментарии, 2004 г.

От издательства:

Авторский текст первого издания (1974 г.) оставлен без изменений. В нем исправлены только некоторые случайные ошибки, носящие характер явного редакционного недосмотра. Однако с учетом важных изменений в английском и русском языках, произошедших за тридцать лет со времени первого издания, а также интенсивного развития лексикографии и науки о переводе Д.И. Ермоловичем, учеником Я.И. Рецкера и профессором той же кафедры, где работал его учитель, написаны дополнения и комментарии к книге. Они включены непосредственно в текст книги и заключены в квадратные скобки. (Дополнения к списку литературы — издания, вышедшие после 1974 г., — особо не отмечаются.)

Вступительное слово

К читателю возвращается книга Я.И. Рецкера «Теория перевода и переводческая практика». Вышедшая впервые в 1974 году, она стала теперь чуть ли не библиографической редкостью. Ее переиздание — не только дань памяти этому замечательному человеку, оно необходимо для нового поколения студентов, преподавателей, переводчиков.

Конечно, книга Я.И. Рецкера — это прежде всего серьезный труд ученого, исследователя, переводчика и редактора. Но перечитывая ее, отмечаешь и еще одну особенность. Кажется, что ее страницы пронизаны обаянием личности этого человека. Могут возразить, что это своего рода «оптический обман» и так кажется только тем, кто его знал. И все же я надеюсь, что это возражение верно лишь отчасти, хотя именно те, кому посчастливилось учиться у Якова Иосифовича и работать с ним, могли в полной мере оценить его ум, широчайшую эрудицию, интеллигентность и доброжелательность. (Это последнее качество казалось у него поистине безграничным, но граница все-таки была: она появлялась там, где он имел дело с агрессивным невежеством и хамством.)

Общение с Яковом Иосифовичем на занятиях переводом доставляло удовольствие даже тем из нас, кому теория перевода казалась лишь нагрузкой к учебе и приятному времяпрепровождению в стенах московского инъяза. Яков Иосифович относился к таким людям довольно добродушно. Ни они, ни кто-либо другой не способны были поколебать его уверенность в важности и серьезности дела, которому он посвятил большую часть своей жизни, богатой событиями, но прежде всего — напряженной интеллектуальной работой.

Никогда не забуду тот день зимой 1968 года, когда Яков Иосифович вошел в аудиторию, где его ждали мы — студенты 205-й учебной группы. Группа была сильная, лоботрясами мы не были, но все же, пожалуй, не очень понимали, как нам повезло. Рецкер обходился без назидательных разговоров, менторский тон был ему абсолютно чужд. Но участь у него, всякий мало-мальски

серьезный студент проникался пониманием того, что перевод — дело ответственное, требующее не только овладения техникой переводческого ремесла, но и проникновения в его глубинные закономерности.

Суть подхода Якова Иосифовича к проблемам перевода ясно и сжато выражена в названии его книги — «Теория перевода и переводческая практика». Плоха та теория, говорил он, которая ничего не дает переводчику-практику. И даже те студенты, кто испытывал аллергию к теоретическим положениям, не могли не извлечь пользы из блестяще подобранных им примеров, переведенных либо им самим, либо мастерами художественного перевода, каждой находке которых он неизменно отдавал должное (вообще умение радоваться успеху коллеги, равно как и сколько-нибудь удачному переводу своих студентов, было одним из его многочисленных достоинств). Серьезного человека эти примеры и убедительные аргументы нашего учителя обязательно подводили к выводу: чисто интуитивный подход к переводу недостаточен ни для полноценного поиска наиболее адекватного варианта, ни для того, чтобы переводчик сумел обосновать свой выбор.

Одной из характерных черт натуры Якова Иосифовича была рациональность, убежденность в том, что ответы на вопросы, возникающие в любой сфере жизни, надо искать смело и творчески, но именно в сфере разума. Поэтому он настойчиво искал в процессе перевода рациональные, логические закономерности. Точным и рационально обоснованным было само выделение им основных разновидностей лексических трансформаций — дифференциации, конкретизации и генерализации значений, смыслового развития, антонимического перевода, целостного преобразования и компенсации потерь. В этой книге он показал новый и принципиально важный шаг в развитии своей теории — показал связь между логикой и переводом, между этими переводческими приемами и логическими категориями. В гуманитарных науках не так часто можно говорить об открытиях, но в данном случае это слово вполне уместно.

Английский язык был одним из нескольких иностранных языков, которыми владел Яков Иосифович, — и, кстати, даже не первым. Но в основу его теории положено именно сопоставление английского и русского языков. Он глубоко и тонко чувствовал оба эти языка. На страницах книги можно найти множество примеров этого, но особенно хотелось бы обратить внимание на разработку им проблемы передачи модальности в переводе. Соотношение средств выражения модальности в русском и английском языках разработано им подробно и, как всегда, продемонстрировано на ярких примерах. Переводчик, который «не проникся» пониманием того, насколько не совпадают средства выражения модальности в двух языках, неизбежно неточен в переводе, огрубляет направленность высказывания, а иной раз просто попадает не по адресу.

Одним из главных увлечений Я.И. Рецкера, занятием, которому он посвятил огромное время и колоссальный труд, были словари. О важности и необходимости работы с ними он мог говорить часами. Будучи автором великолепных фразеологических словарей, он знал лексикографическое ремесло изнутри. А среди двуязычных, толковых, синонимических, фразеологических, лингвострановедческих словарей, словарей цитат, афоризмов,

пословиц вряд ли был такой, который был бы ему неизвестен. Пожалуй, самым любимым из них был «Тезаурус» Роже, и я уверен, что буквально все ученики Якова Иосифовича благодарны ему за то, что он научил нас работать с ним. В этой книге читатель найдет увлекательный рассказ о том, какие словари нужны переводчику и как пользоваться ими. Можно сказать с уверенностью: эти советы не устарели и сегодня, в век электронных словарей и Интернета, возможности которого для переводчика Рецкер, наверное, оценит бы одним из первых.

Можно не сомневаться, что не оставит равнодушным читателя рассказ об уникальной переводческой экспертизе, в ходе которой Я.И. Рецкеру и его коллегам по кафедре перевода московского инъяза удалось убедительно доказать несостоятельность обвинений в плагиате, предъявленных в суде одним переводчиком другому. Интересно, что одним из инструментов анализа был переводческий эксперимент, проведенный с участием 52 (!) студентов трех факультетов института. Впечатляет объем работы, проведенный экспертами, но еще больше — тщательно продуманная и, как оказалось, в высшей степени эффективная концепция или, как модно сейчас говорить, идеология всей экспертизы, разработанная Рецкером и позволившая поставить точку в этой истории.

Цель этого вступления, конечно, не в том, чтобы пересказывать или представлять по ранжиру актуальности основные положения книги. Читатель сам разберется, что в ней особенно ценно для него сегодня. Очень хотелось бы, чтобы знакомство с этой книгой послужило стимулом для дальнейшего развития теории перевода и повышения качества нашей практической работы. Десятилетие 1990-х годов было в этом отношении, мягко говоря, не самым удачным. Спасала нас в лучшем случае инерция накопленного в прошлые годы. Перестали выходить «Тетради переводчика», публиковавшие работы Я.И. Рецкера, В.Н. Комиссарова, А.Д. Швейцера, Г.В. Чернова и других ученых, которые так много сделали для того, чтобы наша теория перевода была фундаментальной и подлинно научной дисциплиной. Приметы «смутного времени» и в том, как много переводческой халтуры издается и звучит с экранов кино и телевидения. Еще одно такое десятилетие — и ситуация может стать безнадежной. Но хочется верить, что этого не произойдет. У нас есть уникальные традиции и есть потенциал для сохранения созданной нашими предшественниками и учителями российской школы перевода.

Павел Палажченко

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Основы лингвистической теории перевода в нашей стране были заложены Андреем Венедиктовичем Федоровым в 1930-х годах в курсе лекций по теории перевода, читавшемся им в Московском литературном институте имени М. Горького. В его книге «О художественном переводе» (Л., Огиз, 1941 г.) показано, что успешное сочетание теории и практики перевода возможно лишь на широкой филологической основе. Работа эта уже намечала общие принципы лингвистического подхода к переводу текста, получившие дальнейшее развитие и уточнение во «Введении в теорию перевода» (1953 г.) и во 2-м (1958 г.) и 3-м переработанном и дополненном издании под названием «Основы общей теории перевода» (Лингвистический очерк) 1968 года.

В основу теории А.В. Федорова положено установление определенных закономерностей посредством сопоставления особенностей словарного состава и грамматического строя и стилистического использования языковых средств французского, немецкого, английского и русского языков, с одной стороны, и анализа переводческой практики, с другой стороны. Причем важнейшим положением этой теории является функциональный принцип установления таких соответствий. Это важно иметь в виду, ибо противники лингвистической теории перевода, в частности, один из создателей советской школы художественного перевода и воспитатель целой плеяды талантливых переводчиков И.А. Кашкин, обвиняли А.В. Федорова в формализме.

Между тем, создатель «реалистической теории перевода» И.А. Кашкин, положивший в ее основу познание действительности, стоящей за переводимым текстом, и проникновение в так называемый «затекст», сам признавал необходимость передачи оригинала равноценными средствами. Однако «реалистическая теория перевода» строилась на литературоведческой основе, конечно, необходимой для художественного перевода, но не обеспечивающей критериев равноценности языковых средств. Эти критерии, в функциональном разрезе, может дать лишь лингвистическая теория.

И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг, авторы «Основ общего и машинного перевода», вменяли в вину А.В. Федорову (и попутно автору этих строк) «нормативность» выдвинутой им теории перевода: «Наука о переводе, включая и упомянутые здесь работы Я. И. Рецкера и А.В. Федорова, строилась традиционно как дисциплина нормативная, главные цели которой были: установление результата процесса перевода и выработка критериев оценки качества перевода»¹. Трудно согласиться с тем, что теория адекватности (полноценности) перевода, основанная

¹ И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. М., «Высшая школа», 1964, с. 21.

на установлении функциональных, а не формальных соответствий между средствами различных языков, может быть названа нормативной. Нормативен в ней лишь метод анализа и синтеза, позволяющий исследовать пути реализации основной цели адекватного перевода: воссоздания единства формы и содержания оригинала средствами другого языка.

Можно сказать, что и другой упрек авторов «Основ общего и машинного перевода» А.В. Федорову в том, что его теория не является чисто лингвистической, поскольку он пользуется также данными литературоведения, свидетельствует скорее о достоинстве теории, нежели о ее недостатке, так как перевод не только художественного, но и публицистического текста не может быть теоретически осмыслен без учета его жанровых особенностей. Комплексный по своей сущности процесс перевода не может быть исчерпывающе описан без привлечения данных логики, психологии и стилистики. Поэтому трудно представить себе лингвистическую теорию перевода в химически чистом виде.

Авторы «Основ общего и машинного перевода» все же считают такую теорию осуществимой и подлинно объективной, т.е. научной, так как «подобная теория объективна в том смысле, что она не исходит от конкретного устройства двух сопоставляемых языков, а стремится к познанию перевода как естественного процесса, заложенного в самой природе речевого общения, независимо от воли людей, как и безотносительно к тому, участвуют ли в нем люди или машины, или сочетания усилий человека и машины»¹.

Нельзя отрицать притягательную силу теории перевода, свободной от привязанности к определенному языку и рассчитанной «на все времена, для всех народов». Такая теория несомненно нужна в век машинного перевода, а может быть и раньше, когда переводчики овладеют в достаточной степени навыками абстрактного математического мышления. Но едва ли она может быть использована многотысячной армией переводчиков — наших современников.

В течение более тридцати лет переводческой, редакторской и педагогической работы по преподаванию перевода в вузе, мне неизменно оказывала существенную помощь комплексная лингвистическая теория перевода, разработанная в трудах моего учителя — А.В. Федорова. Может быть, развивая и углубляя ее положения, я погрешил отклонениями в непредусмотренном им направлении. В частности, это может касаться разделов о переводческих трансформациях и о передаче модальности в переводе, как они изложены в настоящих «Очерках». Однако основа теории осталась прежней.

¹ И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг. Указ. соч., с. 22.

В предлагаемых на суд читателей «Очерках лингвистической теории перевода» рассматриваются лишь узловые вопросы теории, связанные с практикой перевода. Систематическое изложение теоретических положений дается в «Курсе перевода с английского на русский язык» (часть I), написанном для Московского педагогического института иностранных языков имени М. Тореза¹.

Теория перевода нужна не только обучающемуся переводу и начинающему переводчику, но и переводчику-профессионалу.

Перевод как учебная дисциплина не может существовать без теории, так как без теоретических обобщений преподавание сводится к трудному контролируемому развитию интуиции, а в худшем случае — к накатыванию. Кроме того, без теоретической базы не может быть научно обоснованной методики преподавания.

Едва ли можно оспаривать полезность теории и для начинающего переводчика. Сознательное отношение к выбору средств и приемов, основанное на знании теоретических положений, освоение опыта лучших переводчиков с определенных теоретических позиций, критическая проверка результатов своей работы — все это способствует росту будущего профессионального переводчика.

Наконец, нужна ли теория опытному переводчику, квалифицированному профессионалу, не получившему теоретической подготовки? Ответить на этот вопрос не так просто. Особенно, если говорить о переводчиках-практиках, выработавших в ходе многолетней работы определенные руководящие принципы и правила, хотя бы отчасти заменяющие теорию. Ведь значительная часть положений лингвистической теории перевода должна основываться на обобщении переводческой практики. Знание теории может оказать существенную помощь переводчику, защищающему свой вариант перед редактором и критиками. Овладев методом критического анализа переводов, профессиональный переводчик сможет плодотворней использовать передовой опыт в своей области и успешней развивать свое мастерство.

В середине 1973 года, когда настоящая работа уже была закончена и находилась в редакционной обработке, вышла книга В. Н. Комиссарова «Слово о переводе», где теории закономерных соответствий посвящен особый раздел (с. 168 и далее). Однако категории соответствий описаны без учета их функциональной основы, а в разделе «Факторы, влияющие на процесс перевода» эти факторы рассматриваются под углом зрения так называемой «коммуникативной модели» перевода. Выдвинутая В. Н. Комиссаровым теория уровней эквивалентности заслуживает серьезного внимания.

¹ Ныне Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ).

Более детально рассмотрена теория закономерных соответствий в книге А.Д. Швейцера, вышедшей из печати осенью 1973 года, «Перевод и лингвистика» (с. 18–28). Так же, как и в труде В.Н. Комиссарова, в этой книге мы находим интереснейший обзор новейших теорий («моделей») перевода и ценнейшую попытку связать собственную теоретическую концепцию с достижениями современного языкознания. Единственное, что представляется спорным в этих двух трудах, — это дробление теории перевода на якобы самостоятельные части: семантическую, ситуативную (в книге А.Д. Швейцера) и денотативную, трансформационную и семантическую «модели» (у В.Н. Комиссарова), тогда как практическая часть, обильно снабженная примерами из переводческой практики, подтверждает ту истину, что осмысление каждого переводческого акта в теоретическом плане требует учета и семантики языковых знаков, и ситуации, и описываемой в тексте реальной действительности. И даже этим перечнем не исчерпываются все элементы комплексного процесса перевода.

Глава первая. Основы теории закономерных соответствий

§ 1. Общие положения

Задача переводчика — передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности. Под «целостностью» перевода надо понимать единство формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является тождество информации, сообщаемой на разных языках, то целостным (полноценным или адекватным) можно признать лишь такой перевод, который передает эту информацию равноценными средствами. Иначе говоря, в отличие от пересказа, перевод должен передавать не только **то**, что выражено подлинником, но и **так**, как это выражено в нем. Это требование относится как ко всему переводу данного текста в целом, так и к отдельным его частям.

Оставляя пока в стороне вопрос о соотношении части и целого в процессе перевода, требующий особого рассмотрения, остановимся на понятии равноценности средств.

Большое значение для построения лингвистической теории перевода имеют исследования в области сопоставительного изучения языков. Как правило, эти исследования касаются одной из сторон языковой системы: грамматического строя, словарного состава, стилистики определенных языков. Таким образом, данные сопоставительного анализа могут служить материалом для частной теории перевода¹. При этом следует учитывать, что комплексный характер процесса перевода требует комплексного сопоставления. Переводчику важно сопоставление не отдельных грамматических форм или синтаксических конструкций, а структурно-семантических «узлов», составляющих единое понятийное целое. Голая, лишенная лексического наполнения, грамматическая структура так же мало показательна для переводчика, как железный каркас для будущих обитателей дома. Большое значение «Немецко-русских языковых параллелей»² и «Очерков по сопоставительному изучению французского и русского языков»³ для теории перевода состоит в комплексном, семантико-грамматическом характере

¹ Частная теория перевода — это теория, относящаяся к определенной паре языков.

² А.В. Федоров, Н.Н. Кузнецова, Е.Н. Морозова, И.А. Цыганова. Немецко-русские языковые параллели. М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1961.

³ В.Г. Гак, Е.Б. Ройзенблит. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., «Высшая школа», 1965.

сопоставлений. Равным образом в упомянутых работах, а также в «Сопоставительной стилистике французского и английского языков» Вине и Дарбельне¹ уже намечен целый ряд экспрессивно-стилистических факторов, входящих в частную теорию перевода.

Категории общей теории перевода строятся, с одной стороны, на обобщении данных частной теории, а с другой стороны,— на логико-семантической основе, общей для ряда языков, находящихся примерно на одном уровне развития. Теория закономерных соответствий должна устанавливать определенные параметры, внутри которых может осуществляться выбор вариантов перевода. Не давая никаких рецептов, теория соответствий вскрывает общие закономерности переводческого процесса, основанные на функциональной зависимости. При переводе с одного языка на другой приходится учитывать действие одних и тех же факторов логико-семантического порядка для передачи одного и того же смыслового содержания. При письменном переводе предварительное прочтение и анализ переводимого текста позволяют заранее определить характер содержания, идейную установку и стилистические особенности материала, чтобы иметь критерий для выбора языковых средств в процессе перевода. Однако уже в ходе анализа текста в нем выделяются такие «единицы перевода», будь то отдельные слова, словосочетания или части предложения, для которых в данном языке, в силу создавшейся традиции, существуют постоянные незыблемые соответствия. Правда, в любом тексте такие эквивалентные соответствия составляют незначительное меньшинство. Неизмеримо больше будет таких «единиц перевода», для передачи которых переводчику придется выбирать соответствия из богатейшего арсенала средств того или иного языка, но и этот выбор далеко не произволен. Конечно, он отнюдь не ограничивается показаниями двуязычного словаря. Никакой словарь не может предусмотреть все разнообразие контекстуальных значений, реализуемых в речевом потоке, точно так же, как он не может охватить и все разнообразие сочетаний слов. Поэтому теория перевода может устанавливать лишь функциональные соответствия, учитывающие зависимость передачи определенных смысловых категорий от действия различных факторов. Этот принцип действителен и при определении контекстуальных значений, и при осуществлении различных лексических трансформаций. Контекстуальные значения часто определяются путем интерполяции словарных значений. Трансформации подчиняются логико-семантическому принципу с учетом стилистических и экспрессивных факторов.

Таким образом, в процессе перевода выстраиваются три категории соответствий: 1) эквиваленты, установившиеся в силу тождества

¹ J.-P. Vinay, J. Darbelnet. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Nouvelle édition revue et corrigée. P., 1965.

обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов; 2) вариантные и контекстуальные соответствия и 3) все виды переводческих трансформаций. Между первой — эквивалентной категорией и двумя остальными есть принципиальное различие. Эквивалентные соответствия относятся к сфере языка, тогда как две последние — к сфере речи. Когда в процессе перевода отрезки речевого потока подвергаются переработке в соответствии с нормами переводящего языка, эквиваленты выделяются своим постоянством и относительной независимостью от окружения. Там, где между языками установлено традиционное эквивалентное соответствие, переводчик фактически лишен возможности выбора. Отказ от использования эквивалента в исключительных случаях должен быть оправдан особыми условиями контекста или обстановки.

Что же является критерием правильности выбора средств для достижения адекватности перевода? Поскольку критерием адекватности может быть лишь соответствие частице действительности, описанной в оригинале, равноценность средств определяется если не тождеством, то максимальным приближением полученного результата к воздействию оригинала. Анализ любого перевода, выполненного на высоком уровне мастерства, показывает, что основа установления равноценности языковых средств может быть только функциональная, а не формальная. В комплексный процесс перевода вовлечено слишком много разнородных факторов, чтобы можно было устанавливать формальные соответствия на уровне речи. Одна и та же языковая форма может выполнять различные функции в зависимости от сочетания различных языковых и неязыковых факторов. И хотя для правильного отражения мыслей, чувств, восприятий, содержащихся в подлиннике, переводчик вынужден прибегать к помощи логики, психологии, литературоведения, все же единственная опора его работы — текст, и основа лингвистического подхода к нему — функциональные соответствия.

Однако количество и качество факторов, составляющих основу функциональных соответствий, не может быть постоянной величиной для любого жанра переводимого материала. Общей будет лишь логико-семантическая основа, определяющая процессы анализа и синтеза, из которых складываются, как это будет показано далее, приемы перевода. Даже «проникновение в действительность», положенное в основу так называемой денотативной теории перевода, не может служить критерием адекватности перевода. Вполне возможны случаи, когда переводчик полнее и глубже знаком с отрезком действительности, описанным в подлиннике, чем сам автор. Но разве имеет право переводчик воспроизводить эту реальную действительность не так, как

она изображена в подлиннике? Такой подход искажает самую суть перевода и подменяет авторское видение действительности видением переводчика.

Принято делить все факторы на лингвистические и экстралингвистические. Это известное упрощение, так как многое из того, что относят ко второй категории, подсказывается переводимым текстом и опытом квалифицированного переводчика. Даже степень осведомленности переводчика в той области, о которой идет речь в переводимом материале, входит в число факторов, определяющих функциональную основу закономерных соответствий.

§ 2. Эквивалентные соответствия

В теории и практике перевода существует двоякое понимание эквивалента. Нередко под эквивалентом имеют в виду любое соответствие слову или словосочетанию подлинника в данном конкретном контексте, или, другими словами, любое правильно найденное соответствие микроединице перевода. Однако такое неконструктивное понимание эквивалентности сводит на нет существенное различие между категориями словарных соответствий. Эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста. Эквиваленты являются своего рода катализаторами в процессе перевода. Их роль трудно переоценить, особенно в процессе устного перевода. Именно эти единицы перевода, имеющие постоянное соответствие в родном языке, прежде всего проявляются в сознании переводчика и помогают ему понять значение окружающего контекста и всего высказывания в целом, даже содержащего незнакомые ему слова.

[Хотя Я.И. Рецкер не соглашается здесь с использованием термина *эквивалент* в значении «правильно найденное соответствие», именно такое понимание эквивалента стало преобладающим в теории перевода за годы, прошедшие со времени первой публикации этой книги. При этом оно распространяется не только на «микроединицы перевода» (слова и словосочетания), но и на более значительные отрезки текста вплоть до предложения, а в некоторых случаях — вплоть до сверхфразового единства. Такая трактовка термина *эквивалент*, или *эквивалентное соответствие*, хорошо согласуется с принципами теории уровней эквивалентности.

Читателю этой книги следует иметь в виду, что в этой книге под термином *эквивалент* подразумевается переводное соответствие с минимальной зависимостью от контекста. Для переводчика-практика стабильные словарные соответствия имеют большое значение. Они являются как бы опорными точками текста перевода (особенно устного), поскольку такие эквиваленты почти всегда можно использовать «готовыми», в неизменном или незначительно варьируемом виде, и это

дает возможность сосредоточить усилия на других, более сложных для перевода отрезках. Впрочем, это не освобождает переводчика от обязанности внимательно анализировать ситуацию и контекст, ибо они могут обусловить настолько нестандартное использование слова или словосочетания, что даже самый устойчивый эквивалент окажется неприемлем.]

Конечно, нельзя считать показания двуязычных словарей истиной в конечной инстанции. Однако словарь дает довольно точное представление о тех категориях слов и словосочетаний одного языка, которые имеют только одно, эквивалентное соответствие в данном языке. Эти эквиваленты — географические названия, собственные имена, термины любых отраслей знания. Но не только такие слова. На странице 400-й первого тома «Большого англо-русского словаря» под редакцией И. Р. Гальперина (далее — БАРС) несомненными эквивалентами являются: *doctrinarianism* (книжн.) *доктринерство*, *dodder* (бот.) *повилика*, *dodman* (диал.) *улитка*, *dog-bee* (энт.) *трутень*, *dog-bolt* (тех.) *откидной болт*, *dog-collar* *ошейник*.

По-видимому, словосочетания и сложные слова чаще имеют эквивалентные соответствия, чем простые слова. Подавляющее большинство слов в английском языке многозначно. Слова с прозрачной внутренней формой чаще получают одно закрепленное значение в языке и чаще приобретают единичное соответствие, как, например, те слова, которые приведены в этом перечне, где три последних построены на образе «собаки».

[Словарь БАРС, 1-е издание которого вышло в 1972 году, являлся первым двухтомным англо-русским словарем. Он был этапным для отечественной двуязычной лексикографии: если до него самый полный англо-русский словарь В.К. Мюллера включал около 70 тысяч слов, то в БАРС вошло 120 тысяч слов. В 1993—1994 годах на смену старому БАРС пришел трехтомный «Новый Большой англо-русский словарь», составленный коллективом авторов под руководством Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна (далее — НБАРС; все последующие издания этого словаря, по данным на конец 2003 года, были стереотипными). На титуле словаря значится, что он содержит около 250 тысяч слов — правда, методика подсчета слов к этому времени, вероятно, изменилась, так как этот словарь превышает БАРС по объему примерно на одну треть, но вряд ли вдвое. В наших комментариях приводимые Я.И. Рецкером примеры из БАРС будут в ряде случаев дополняться примерами из НБАРС.

Относя к эквивалентам имена собственные и термины, Я.И. Рецкер имеет в виду, конечно, далеко не все из них, а только некоторую часть этих лексических категорий. Кстати, из перечисления «географические названия, собственные имена» видно, что *собственные имена* понимаются автором в узком смысле как «антропонимы», «имена людей». В

современной науке принято использовать термин *собственные имена* в более широком смысле, понимая под ними любые имена и названия индивидуальных объектов (в том числе имена людей), служащие для специального выделения этих объектов из числа им подобных. Таким образом, географические названия входят в класс собственных имен.

Говорить о собственных именах как о словах, имеющих внеконтекстные эквиваленты в других языках, можно только с определенными оговорками. Таковыми они выступают тогда, когда используются для официальной идентификации отдельного лица или объекта. Однако в контекстном употреблении имена собственные могут нести разнообразные дополнительные коннотации (созначения), и их функция может состоять не только в идентификации, но и в характеристизации, в них нередко вкладываются метафорические, метонимические и иные смыслы. Поэтому передача имен собственных на других языках представляет собой сложную проблему, исследованию которой посвящено немало научных работ¹.

Что касается терминов, то многие из них действительно имеют устойчивые эквиваленты в других языках. Специалисты различных областей науки и техники стремятся унифицировать терминологический аппарат и дать терминам по возможности единообразные и однозначные определения. Но наука и промышленность находятся в постоянном развитии, да и не все термины одинаково актуальны для различных языковых сообществ, поэтому переводчикам специальной литературы постоянно приходится иметь дело с безэквивалентной терминологией и с отсутствием эквивалентов у каких-то новых значений терминов. Кроме того, большое число терминов многозначно и полиэквивалентно, примеры чего приводятся ниже.]

Эквиваленты могут быть полными и частичными, абсолютными и относительными. Все приведенные выше примеры являются полными эквивалентами, так как охватывают полностью значение всего слова, а не одного из его значений. *Dirt cheap* и *дешевле пареной репы* — относительные эквиваленты: они различаются стилистической и экспрессивной окраской. *Shadow* имеет частичный эквивалент в основном значении *тень*, так как английское слово имеет побочные значения: *полумрак* и *призрак*. Однако сочетание *the shadows of the gods* несомненно имеет абсолютный эквивалент, так как единственно приемлемое соответствие — *сумерки богов*. Традиция межъязыковых соответствий настолько упорна, что всякий иной перевод был бы ошибочным. Когда слово многозначно, как например, существительное *pin*, и даже в области техники имеет ряд значений: *палец*; *штифт*; *шпилька*; *шплинт*; и другой ряд специальных значений: *шворень*; *ось*;

¹ См., например, Д.И. Ермолович. Имена собственные на стыке языков и культур. М., «Р. Валент», 2001; А.А. Живоглазов. Реализация поэтической функции английских имен собственных личных. М., «Прометей», 1998.

цапфа; шейка (БАРС), то ни одно из них нельзя считать эквивалентным. Это — варианты соответствия. Эквивалентами будут 7-е значение слова *rip* — *вязальная спица* и 8-е — (муз.) *колок*.

Удобней всего проследить становление эквивалентов на примере перевода неологизмов. Когда в английском языке появляется новое слово, переводчики обычно ищут для него наилучшее и по возможности единственное русское соответствие. Особенно важно установить эквивалент в области терминов. Например, для *supermarket* первоначальный калькированный перевод *сверхрынок* оказался явно непригодным из-за своей двусмысленности и после также неточного *магазин без продавцов* установился подлинный эквивалент: *магазин самообслуживания*.

[Такова была ситуация с передачей слова *supermarket* к началу 1970-х годов. Уже вскоре в Советском Союзе стали строиться крупные магазины по образцу тех, что обозначались этим словом на Западе, и в русском языке возникло новое соответствие — *универсам* (сокращение от «универсальный магазин самообслуживания»). Однако эти магазины разительно отличались от своих западных аналогов по ассортименту товаров и организации торговли, поэтому слово *универсам* быстро превратилось в советскую реалию и не могло служить удовлетворительным эквивалентом. А с 1990-х годов, когда в России стала утверждаться рыночная экономика, в стране появились точно такие же магазины этой категории, как и за рубежом, поэтому неудивительно, что их название было заимствовано в русский язык по принципу транслитерации — *супермаркет*. Оно и стало подлинным эквивалентом английского слова, перейдя, кстати, из разряда торговых терминов в категорию общеупотребительной лексики.]

Для точности передачи значения иной раз приходится поступиться экономией языковых средств. Так, *brinkmanship* *балансирование на грани войны* и *policy of brinkmanship* — *политика балансирования на грани войны*. Политический неологизм *sell-out* также требует развернутого перевода: *предательство национальных интересов*. Нередко можно подобрать предельно краткое эквивалентное соответствие английскому словосочетанию: *administrative efficiency* *оперативность*, *joint thinking* *коллегиальность*, *spirit of discipline* *дисциплинированность*, *mail cover check* *перлюстрация*.

[Действительно, переводчик может считать удачей, когда ему удастся передать одним словом и кратким сочетанием более развернутое выражение или высказывание с иностранного языка. Ведь обычно русский перевод получается длиннее и многословнее оригинала. Я.И. Ренкер, в частности, считал одной из самых удачных находок приведенный им выше перевод выражения *administrative efficiency* как *оперативность*. Данный вариант перевода и вправду очень хорош, но, к сожалению,

сегодня его нельзя считать полным эквивалентом. Русское слово *оперативность* подчеркивает способность быстро реагировать и действовать, тогда как *administrative efficiency* связывается в сознании говорящих с популярной в наши дни темой организации управления (*administration principles*) и охватывает несколько более широкое понятие, включающее разумную организацию труда и меры по выполнению управленческих решений, а не только оперативность. Поэтому в некоторых контекстах *administrative efficiency* все же следует переводить как *эффективность управления* или *эффективное управление*.]

Нельзя признать эквивалентами насаждаемые некоторыми зарубежными корреспондентами наших газет иноязычные заимствования путем транскрибирования английских слов. Массовому читателю они непонятны. *Паблицити* вместо *рекламы*, *флибустьерство* вместо *обструкции в сенате США*, *истеблишмент* вместо *государственных устоев* и т. п. — все эти слова-паразиты засоряют русский язык.

Когда Дж. Кэтфорд вместо «перевода» предлагает термин «передача», это объясняется его отрицанием эквивалентности как возможности воссоздания значения слова исходного языка (ИЯ) средствами переводящего языка (ПЯ)¹. Его ссылка на мнение Фэrsa распространяет это скептическое отношение на перевод высказывания в целом. «Та точка зрения, что тексты на ИЯ и на ПЯ могут иметь одно и то же значение, не выдерживает критики». Но приводимый Кэтфордом пример в подтверждение этого вывода не оставляет сомнения в ошибочности последнего. *I have arrived* не равняется *я пришел*, так как ни грамматические, ни лексические элементы этих предложений не совпадают. Отсутствие эквивалента, т.е. постоянного и равнозначного соответствия, отнюдь не мешает адекватной передаче содержания высказывания другим способом, а именно вариантным соответствием: *я пришел*, *я приехал*, *я прилетел* и даже, в определенной ситуации, *я прибыл*.

Наличие в индонезийском языке девяти личных местоимений вместо английских семи и отсутствие в английском языке соответствия финской *sauna* *баня* или слову *спутник* с его русскими коннотациями, т.е. несовпадение отдельных лексических единиц, на которое ссылается Кэтфорд, никоим образом не исключает возможности адекватной передачи любой мысли в переводе на любой язык. Сам же автор в дальнейшем разрешает это противоречие, подразделяя процесс перевода на две категории: *restricted translation* и *total translation*, что можно было бы передать как «микрорепервод» и «макрорепервод», причем первый — это передача лексических единиц и грамматических форм, а второй — это «переводческие сдвиги» (*shifts*), т.е. переход

¹ См. J. C. Catford. *A Linguistic Theory of Translation*. Lnd., 1965, p. 35.

с одного языкового уровня на другой и из одной категории в другую¹. Эти «переходы» с полным основанием можно приравнять к переводческим трансформациям, независимо от приятия или неприятия теории языковых уровней, подвергшейся в последнее время справедливой критике². Ведь перевод осуществляется в сфере речи, и пользование межъязыковыми соответствиями для него не обязательно. Сам же Кэтфорд приходит к спасительному выводу, отмечающему все установленные им ранее рогатки, что «обязательным условием эквивалентности перевода является отнесенность к одной и той же сущности»³. Заменив неопределенную «сущность» «элементом действительности», можно полностью согласиться с автором.

Все же, несмотря на примат целого, т.е. кэтфордовского «макроперевода», обязанность переводчика передать не только то, что сказано в оригинале, но и как это сказано, приводит к необходимости аналитической стадии в переводческом процессе. Если исходить только из целого, действуя методом дедукции, то не может быть и речи о равноценности каждого средства, избранного переводчиком для передачи содержания, экспрессивных и стилистических особенностей подлинника. Без тщательного, кропотливого анализа языковых средств подлинника не может быть полноценного воссоздания единства содержания и формы в переводе. Отсюда — необходимость внимания к «микрпереводу», к лексическим соответствиям — эквивалентным и вариантным.

§ 3. Вариантные соответствия

Вариантные соответствия устанавливаются между словами в том случае, когда в языке перевода существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова. Существительное *soldier* имеет по меньшей мере четыре соответствия в русском языке: *солдат, рядовой, военнослужащий, военный*. Было бы ошибкой считать на этом основании, что слово *soldier* многозначно. Даже в тех, довольно многочисленных случаях, когда русские соответствия не являются синонимами, это далеко не всегда дает основание для признания многозначности соответствующего английского или французского слова. По существу, очень многие лексические единицы этих двух языков являются недифференцированными, т.е. обозначают широкое понятие, не охватываемое в русском языке одним словом. Такие английские и французские слова относятся большей частью к категории абстрактных понятий.

¹ См. J. C. Catford. *A Linguistic Theory of Translation*. Lnd., 1965, p. 52.

² См., например, работу С.Д. Кацнельсона «Типология языка и речевое мышление». Л., «Наука», 1972.

³ См. J. C. Catford. Указ. соч., p. 72.

БАРС дает четыре соответствия существительного sincerity: *искренность, чистосердечие; прямота, честность*. Аналогичное ему французское sincérité тоже имеет значения: *искренность, чистосердечие*. Однако прилагательное sincère представлено в БАРС восемью значениями: 1) *искренний, неподдельный*; 2) *истинный, подлинный, настоящий*; 3) *прямой, честный, праведный*. Эти значения подтверждаются в словаре примерами словосочетаний, в которых, например, sincère friend переводится: *истинный (настоящий) друг*, а sincère life *честная (праведная) жизнь*. Это приводит нас к выводу, что все эти восемь русских соответствий являются вариантами лексического значения слова sincère, т.е. вариантными соответствиями.

Не подлежит сомнению, что ни в английском, ни во французском языке слово justice не является многозначным. Однако при переводе на русский неизбежно приходится выбирать одно из трех вариантных соответствий: *справедливость, правосудие, юстиция*. БАРС дает также *законность*. Department of Justice, конечно, — *Министерство юстиции*. Но далеко не всегда можно с уверенностью решить, какое из двух слов — *справедливость* или *правосудие* — точнее соответствует подлинному значению английского justice в конкретном контексте. Вчитываясь в содержание пьесы и рассказа Джона Голсуорси под таким заглавием¹, можно с полным основанием усомниться в правильности того, что пьеса называется «Правосудие», а рассказ «Справедливость». По существу, и в пьесе, и в рассказе ставится вопрос о жестокой несправедливости закона, который требует беспощадного подавления малейшего посягательства на «священную» частную собственность (в пьесе) и допускает возможность развода только для богатых (в рассказе). Даже заключительную фразу рассказа: «И из года в год вы будете проникаться все большей гордостью за свою страну, достигшую таких высот справедливости...» вполне можно было бы изменить, поставив вместо *справедливости* слово *правосудие*.

Фактически вынужденная дифференциация, дробление значений в переводе обедняет смысл слова justice, совмещающего два понятия, которые в английском и французском языках часто нерасторжимы.

Наиболее характерны для соотношения между словарным составом русского и английского языков вариантные соответствия, состоящие из однокоренных русских синонимов. Например, слова, соответствующие одному и тому же английскому определению writing: *пишущий, письменный, писчий, писчебумажный* (writing hand *пишущая рука*, writing table *письменный стол*, writing paper *писчая бумага*, writing materials *писчебумажные принадлежности*).

¹ Джон Голсуорси. Правосудие. Трагедия в четырех действиях. Собр. соч., т. 14, Библиотека «Огонек». М., изд-во «Правда», 1962, с. 211; Справедливость, т. 11, с. 256.

Аналогичный ряд вариантных соответствий имеет и определение flying: *летающий, летательный, летный, летучий* (flying saucers *летающие тарелки*, flying apparatus *летательный аппарат*, flying weather *летная погода*, the Flying Dutchman *Летучий Голландец*). Конечно, никакой многозначностью слово flying не обладает, его значение едино, так же как и слова writing. Все дело в том, что в русском языке, в зависимости от определяемого слова, употребляется более дифференцированное определение, чем в английском.

Не следует думать, что частые случаи дифференциации значений при переводе с английского дают основание для вывода об абсолютном превалировании более дробных и конкретных значений в русском языке. Ведь даже среди самых распространенных определений английского языка мы сталкиваемся с примерами, когда одному русскому слову соответствуют два английских: big и large *большой*, little и small *маленький*, high и tall *высокий*.

Можно отметить и примеры, когда одному русскому существительному соответствует несколько английских в том же значении. Например, слову *этаж* — floor и storey; слову *грязь* — dirt, filth, mud. Правда, это далеко не полные синонимы; относясь к общему широкому понятию, каждый из них отличается особым второстепенным признаком, и особенности употребления каждого раскрываются в стандартных словосочетаниях. Например, filth в переносном смысле значит моральное разложение (см. Русско-английский словарь под общим руководством проф. А.И. Смирницкого).

Аналогичные явления можно отметить и в английской фразеологии.

В первой главе «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева о ненавистном ей лгуне и сплетнике Гедеоновском Марфа Тимофеевна говорит:

— Да вот он, кстати, легок на помине...

В переводе Бернарда Айзекса:

"But here he comes — talk of the devil."

А в тридцатой главе та же Марфа Тимофеевна говорит Лаврецкому:

— А Лизу видел? Нет? Она сюда хотела прийти... Да вот и она; легка на помине.

"But here she comes — talk of the angel."

Здесь devil и angel четко дифференцируют в английском языке одинаковые по смыслу, но полярно противоположные по экспрессии выражения, которым в русском языке соответствует одно, нейтральное в экспрессивном отношении.

Но все же, как поступить переводчику, когда эти два разных по экспрессии выражения сталкиваются в английском тексте:

"Was Tony Hawker there?"

Before Poirot could answer, the door opened and Hawker and Sheila Grant came in...

"Hullo, people, we've come in for a drink. Tony's flask is dry."

Poirot murmured: "Talk of the angels — "

Pam Grant snapped: "Devils, you mean." (A. Christie. *The Labours of Hercules*. "The Horses of Diomedes")

Единственная возможность, которой располагает в подобных случаях переводчик, — это компенсация (см. § 12). В данном случае можно перевести, очевидно, так:

Пуаро прошептал: «Легко на помине».

«Принесла нелегкая», — буркнул Пам Грант.

§ 4. Раскрытие контекстуальных значений в переводе

Контекстуальные значения возникают в процессе употребления слов в речи, в зависимости от окружения, и реализуются под действием узкого, широкого и экстралингвистического контекста. По степени частотности можно различать *узальные* (повторяющиеся) и *оказиональные* (случайные, индивидуальные) контекстуальные значения. Первые с течением времени, по мере накопления наблюдений, переходят в разряд вариантных соответствий. Вторые могут появляться и исчезать как проявление субъективного употребления слов тем или иным автором и чаще всего встречаются в художественной литературе.

«Преобразование «оказионального» употребления слова в «узальное» является одним из наиболее частых путей развития многозначности¹. Х. Касарес приводит ряд причин, побуждающих говорящего отбросить «общепринятое слово, которое вертится у него на языке», и заменить его другим, «употребленным в необычном для него значении». Это, в основном, внезапная ассоциация представлений, душевное возбуждение (очевидно, состояние аффекта), стремление к экспрессивной насыщенности, к достижению комического эффекта или просто желание обратить на себя внимание слушающего или читателя². Именно okazjiональное, необычное употребление слова и причины, побуждающие к этому, должны обязательно учитываться переводчиком.

Лишь некоторые словари указывают узальные контекстуальные значения.

Сопоставление данных словаря Мюллера в 14-м издании с БАРС свидетельствует о том, что словарь может фиксировать и контекстуальные значения, если это словарь не только *вокабул*, но и *словосочетаний*. Например, прилагательное *academic* в словаре Мюллера имеет только вариантные соответствия: *академический, университетский*,

¹ Х. Касарес. Введение в современную лексикографию. М., Изд-во иностранной литературы, 1958, с. 73.

² См. там же.

академичный. БАРС с помощью устойчивых словосочетаний раскрывает и дополнительные, контекстуальные значения этого слова: *academic year учебный год*, *academic failure неуспеваемость*, *academic argument чисто теоретическое доказательство*. Вполне уместно было бы добавить и *academic question теоретический вопрос*.

[В современном английском языке контекстуальное значение «теоретический», «абстрактный» стало узуальным. Это зафиксировал и НБАРС, который во втором значении этого слова выделяет два подзначения: 1) *академический, чисто теоретический, отвлеченный, оторванный от практики*; 2) *неодобр. не имеющий никакого практического значения, праздный* (о вопросе и т. п.).]

Однако контекстуальные значения не привносятся извне, а являются реализацией потенциально заложенных в слове значений. Это можно установить из смысловой структуры слова.

«Определение лексического значения слова через раскрытие его смысловой структуры как системы двусторонних минимальных лексических единиц — лексико-семантических вариантов слова позволяет учитывать обычно ускользавшие из поля зрения исследователя такие факторы, определяющие лексическое значение, как: 1) общественно осознанные и отстоявшиеся (системные) контексты употребления слова; 2) принадлежность данного слова к определенному семантическому или лексико-грамматическому разряду слов; 3) конкретные лексические связи с другими словами, обусловленные присущими данному языку моделями семантической сочетаемости словесных знаков; 4) семантические соотношения слов с синонимами и другими близкими по значению словами в системе языка в целом»¹.

В приведенном выше определении, данном А.А. Уфимцевой, содержится перечень факторов, определяющих характеристику слова как базисной единицы языка, фиксируемой вокабуляром, и как минимальной единицы речевого потока. Однако это не совсем полный перечень, так как в нем отсутствуют показатели стилистической и экспрессивной характеристики слова как единицы языка.

Упомянутые в последнем пункте «соотношения слов с синонимами и другими близкими по значению словами в системе языка в целом» свидетельствуют о необходимости широкого понимания синонимии для полноты раскрытия смысловой структуры слова. Именно такое понимание синонимии устраивает переводчика. Что касается лексикографии, то далеко не всегда двязычный словарь может

¹ «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., «Наука», 1972, с. 419.

полностью отразить смысловую структуру иноязычного слова. И уж конечно, даже точный перевод не может раскрыть место, занимаемое этим словом «в системе языка в целом».

Ни в одном англо-русском словаре еще не зафиксированы типичные для общественно-политической литературы значения следующих прилагательных: *ruthless бессовестный, беззастенчивый, ни перед чем не останавливающийся*; *cynical скептический*; *cold-blooded коварный, wanton зверский* (в сочетании *wanton murder зверское убийство*).

[Замечание об отсутствии приведенных соответствий в англо-русских словарях остается справедливым и сегодня: в НБАРС они также не вошли.]

Возникает вопрос: являются ли эти значения объективной языковой данностью или контекстуальными значениями? Несомненно то, что все перечисленные прилагательные имеют именно эти значения в определенных словосочетаниях. Например: *the ruthless War Secretary Stanton не брезгающий никакими средствами военный министр Стэнтон*, *cold-blooded plans коварные планы*, *cynical appreciation of economic set-up скептическая оценка экономической конъюнктуры*, *wanton murder of Negroes зверское убийство негров*. [Об изменении коннотации слова *Negro* в современном английском языке подробнее говорится ниже, в нашем комментарии на стр. 30–31.] В ряде случаев можно, видимо, говорить о «сочетаемости» значений слов¹.

Нередко раскрытие контекстуального значения слова зависит от широкого контекста, от контекста соседнего предложения или даже от содержания целого абзаца. Очень четко обнаруживается эта зависимость, когда в соседних предложениях встречаются близкие синонимы различной интенсивности, и переводчик решает задачу сохранения такого же соотношения между русскими синонимами.

The press proprietors have taken the Tories' point and for many years the noisy presses of Fleet Street have skilfully maintained an almost total silence on Irish affairs. It was an effective blackout. (Labour Monthly)

Магнаты прессы усвоили точку зрения консерваторов, и на протяжении многих лет крикливые органы печати Флит-стрит не обмолвились ни словом о положении в (Северной) Ирландии. Это был настоящий заговор молчания.

Конечно, вполне возможен и вариант: *хранили молчание о положении в Ирландии*, но и в этом случае *blackout* все равно потребует более «сильного» слова в переводе, чем *молчание*. В английском языке это

¹ См. Ю.Д. Апресян. О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики. «Вопросы языкознания», 1971, № 1, с. 25.

существительное продолжает обогащаться новыми значениями, и в данном тексте оно имеет значения, впервые зарегистрированные словарями в 1960-х годах: *засекречивание*, *цензурный запрет*¹. Однако здесь речь идет о неофициальном решении замалчивать напряженное положение в Северной Ирландии, о сговоре между газетными магнатами, который с полным основанием можно назвать заговором молчания. Это контекстуальное раскрытие значения слова фактически осуществлено приемом экспрессивной конкретизации (см. § 25), и законность его можно подтвердить лишь в результате анализа стилистических особенностей всей статьи.

Нелегко установить контекстуальное значение глагола *resent* и его производных. *Негодовать*, *возмущаться*, *обижаться* (БАРС) [те же самые соответствия приведены и в НБАРС] не исчерпывают всех отрицательных эмоций, охватываемых смысловой структурой *resent*. Поскольку это слово отличается высокой частотностью употребления в художественной литературе, легко убедиться в том, что оно способно выражать целый ряд других эмоций.

В романе Ричарда Олдингтона «Все люди — враги» Тони Кларендон вскоре по окончании Первой мировой войны, когда воздух воевавших стран еще был насыщен ненавистью и подозрительностью, попал в Швейцарию и с легким сердцем шел по улицам Базеля.

Никто не провожал его пристальным взглядом, когда он шел по улице, никто не спрашивал у него документов, никто, по-видимому, не злобствовал на него за то, что он иностранец. (Пер. О.А. Ефимовской. Ред. М.П. Богословская. М., 1959)

В подлиннике мы читаем:

Nobody stared at him as he walked, nobody asked for his papers, nobody seemed to resent him as a foreigner. (R. Aldington. *All Men are Enemies*)

Здесь *resent*, конечно, не выражает ни негодования, ни возмущения, ни обиды. Абсолютно точно найдено значение *злобствовал*.

Этот же оттенок значения выражен прилагательным *resentful* в другой сцене романа, где Тони Кларендон встречается со своим бывшим товарищем, переметнувшимся из социалистов в лагерь твердолобых консерваторов:

¹ В списке новых слов "Chambers's Shorter English Dictionary", Lnd., 1963 приводится новое значение *blackout suppression of news* *замалчивание*. В словаре Мюллера (14-е изд., 1969) есть 6-е значение: *засекреченность*. Однако в БАРС (1972 г.) это значение не вошло. [НБАРС (1993 г.) отразил данное значение следующим образом: *запрет на публикацию сообщений*.]

"But are you still a Marxian Socialist?" asked Tony point-blank.

The old resentful light jumped into Crang's eyes at this blunt question, but he replied with a wonderful show of urbanity...

— Но вы, по-прежнему, социалист и последователь Маркса? — спросил Тони в упор.

Злобный огонек снова сверкнул в глазах Крэнга при этом бестактном вопросе, но он с преувеличенной любезностью ответил...

А вот в другом контексте того же романа Кларендон, уцелевший после трех лет пребывания на фронте, в первые дни после перемирия с отвращением слушает в Лондоне напыщенную болтовню окопавшихся тыловых крыс:

Antony found some difficulty in maintaining these conversations; and rather resented it after the easy friendliness of the line.

Энтони было трудно поддерживать такого рода разговоры; после простых товарищеских отношений в армии эта напыщенная болтовня раздражала его.

Бесспорно, здесь контекст и обстановка диктуют с максимальной вероятностью значение *раздражала*.

В том же романе существительное *resentment*, выступая в ином контексте, раскрывает еще одну новую грань, семантически близкую приведенным выше:

...whenever Margaret was with Helen Marsland, Harold's sister, they immediately formed a feminine alliance against him, trying to push him into the same class as the schoolboys. He found it impossible to get up any resentment against this childish female cheek, as was apparently expected.

...когда Маргарет бывала с Элен Марслэнд, сестрой Гарольда, они тотчас же объединялись против него в женский союз и всячески давали ему понять, что они ставят его на одну доску с мальчишками. Он не мог сердиться на эту ребячливую женскую заносчивость, а им, по-видимому, ужасно этого хотелось.

Сердиться — новое значение слова, причем и английское существительное, и соответствующий русский глагол выражают признак, точно характеризующий душевное состояние человека.

Наконец, можно встретить в том же романе и наречие *resentfully*.

"What! Filomena, be careful what you are saying! Is this true?"

"Per Bacco! Why should I deceive a friend?" answered Filomena proudly and resentfully.

— Что? Филомена, вы думаете о том, что вы говорите? Это правда?

— Per Bacco! Зачем мне обманывать друга? — гордым, негодующим тоном возразила Филомена.

На этот раз контекст и ситуация с несомненностью подсказывают значение негодования, возмущения.

Мы проследили использование слова, выражающего сложный комплекс отрицательных эмоций, в форме глагола, существительного, прилагательного и наречия и убедились, что, кроме словарных соответствий — негодования и возмущения, оно может выражать и широкое понятие — неприязнь, и более конкретные чувства злобы, раздражения и рассерженности.

Не всегда показания двуязычных словарей — кратчайший путь к установлению контекстуального значения слов. Вместо подлинной многозначности переводный словарь нередко регистрирует мнимую многозначность английского слова, отличающегося широкой семантикой. В таких случаях лучше ориентироваться на данные толковых англо-английских словарей.

Некоторые из них пытаются, наряду с частными значениями, определить и ядро значения слова. Так, словарь Аннандейла "The Concise English Dictionary" наряду с *глубоким чувством обиды и негодования, вызванным причиненной несправедливостью* дает и обобщенное *резкое недовольство*. Таким образом, все перечисленные выше частные, а также общее значение *недовольство, нетерпимость* входят в число вариантных соответствий слова resentment.

Лучшей проверкой действенности показаний словарей, конечно, может служить переводческая практика. Ведь все без исключения русские соответствия рассмотренных выше глагола и существительного представлены в английском языке отдельными словами: *негодовать* to be indignant, *возмущаться* to be exasperated, *обижаться* to be hurt, *испытывать досаду* to be annoyed, *быть недовольным* to be displeased, *быть нетерпимым* to be intolerant. И все же, например, в хорошем переводе рассказа Чехова «Переполох» слово *обида* дважды передано посредством resentment.

И к этому чувству обиды присоединился еще тяжелый страх: что теперь будет?! (А. П. Чехов. Собр. соч., т. 3. М., 1961)

And to this feeling of resentment was added an oppressive dread of what would come next. (50 Great Short Stories. Edited by Milton Crane. Bantam Books, Inc. 1952)

...и от всего этого — от страха, стыда, от обиды — началось сильное сердцебиение, которое отдавало в виски, в руки, глубоко в живот.

...all this terror, shame, resentment, brought on an attack of palpitation of the heart, which set up a throbbing in her temples, in her heart, and deep down in her stomach.

Надо думать, что переводчица Констанс Гарнетт, посвятившая сорок лет своей жизни переводу русских классиков, не случайно выбрала столь емкое слово как resentment для передачи слова *обида*, так как в данном конкретном случае к обиде девушки — гувернантки в богатом доме — примешивалось и негодование, и возмущение

бесцеремонностью хозяйки, рывшейся в ее вещах и белье в поисках пропавшей брошки. Здесь важно было дать английское слово, выражающее весь сложный комплекс эмоций.

Однако при переводе на русский язык, поскольку в нем не существует слова с такой же широкой семантикой и, что самое главное, с таким же точно составом смысловых компонентов — сем, как английское *resentment* или соответствующий глагол *resent*, естественно невозможно предвидеть все потенциальные коннотации значений этих английских слов в речи и перечислить русские вариантные соответствия им в двуязычном словаре. Поэтому, как мы увидим далее, в главе 2, нередко возникает необходимость в лексических трансформациях для раскрытия контекстуальных значений упомянутых слов.

Конечно, *resentment* и *resent* далеко не единственные единицы словарного состава, которые, будучи использованы в часто повторяющихся, стандартных значениях, имеют определенные вариантные соответствия в русском языке, и наряду с этим, в контекстуальных значениях требующие каждый раз трансформационной передачи при помощи различных приемов лексической трансформации.

§ 5. О так называемой «единице перевода»

Проблемой установления «единицы перевода» продолжают заниматься многие теоретики, но сопоставление различных точек зрения убеждает в том, что для письменного перевода такой проблемы не существует. Авторы «Сопоставительной стилистики французского и английского языков» Вине и Дарбельне стремятся доказать, что нельзя считать единицей перевода слово. Во-первых, не всегда ясны границы слова (например, рассматривать ли как слово английские сложные слова, которые в Англии пишутся с дефисом, а в США — без такового). Во-вторых, в силу слияния слов в устной речи. В-третьих, и что самое главное, в слове «выступает недостаточно ясно двойственная структура знака, и обозначающее оттесняет на задний план обозначаемое»¹.

[Здесь уместно сделать небольшое отступление по поводу отмеченных Я.И. Рецкером расхождений в орфографии сложных слов между британским и американским вариантами английского языка. В настоящее время эти расхождения во многом стерлись, так что теперь и в Англии орфографическим стандартом большинства сложных слов стало их написание без дефиса — либо в одно слово, либо в два. Четких правил на этот счет нет, поэтому в случае сомнений лучше всего обращаться к авторитетному словарю (см. главу 7). Дефис сохраняется главным образом в сложных прилагательных и глаголах, например, в прилагательном *double-entry*, образованном от выражения *double entry* *двойная бухгалтерия*, или глаголе *date-stamp* (*проставить дату штемпелем, проштемпелевать дату*), образованном от выражения *date stamp*

¹ J.-P. Vinay, J. Darbelnet. Указ. соч., p. 37.

штемпель с датой; а также в ряде существительных, образованных в основном от глагольно-объектных сочетаний, например *breast-beater любитель бить себя в грудь, кликуша* (т.е. “человек, который демонстративно и громко выражает свою скорбь, раскаяние или другие подобные эмоции”). Впрочем, в данной категории сложных существительных часто встречается также написание в одно слово без дефиса, например *tuskraker разгребатель грязи* (что означает, например, “журналист, публикующий скандальные разоблачения”, а также — во множественном числе — “представители одного из социально-критических течений в американской литературе и публицистике начала XX века”).]

Теория, как и истина, проверяется практикой. Отвергнув слово как единицу перевода, авторы «Сопоставительной стилистики», предназначенной для переводчиков, выдвигают как основную единицу перевода «единицу смысла», т.е. фактически словосочетание. Однако, изложив и обосновав теоретически свою точку зрения в развернутом введении, они забывают о ней в первой же главе «Лексика», посвященной сопоставлению особенностей французской и английской лексики. И на протяжении всех трехсот страниц своей книги авторы сопоставляют, наряду с словосочетаниями и целыми предложениями, и отдельные французские и английские слова.

Несомненно, выделение определенных «единиц перевода» имеет большое значение для машинного перевода, а также для синхронного и последовательного устного перевода. В «Основах общего и машинного перевода» совершенно справедливо отмечается, что единица перевода зависит от «той пары языков, которые участвуют в переводе: то, что является единицей при переводе с русского на французский, может не быть единицей при переводе на немецкий»¹. Таким образом, «единица перевода выделяется как отрезок текста ИЯ по отношению к системе ПЯ. При таком подходе, анализируя, например, английское существительное с предлогом *by*, ему сразу приписывают русский признак «творительный падеж» и т. п.»².

Авторы находят, что «единицей перевода может быть и отдельная морфема. Это происходит, например, в том случае, когда морфема выражает значение модальности и ставится в соответствие отдельному набору элементарных смыслов в языке-посреднике, а затем отдельно-му отрезку текста в ПЯ»³.

Упоминание о языке-посреднике означает, что все сказанное относится к машинному переводу. Но как бы то ни было, приравнивание сочетания «предлог *by* + существительное» к русскому творительному падежу является неоправданным упрощением, так как соот-

¹ И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. М., «Высшая школа», 1964, с. 117.

² Там же, с. 116.

³ Там же, с. 117.

ветствует лишь одной из 12 функций предлога *by* в переменных словосочетаниях. Достаточно открыть том I «Большого англо-русского словаря» на с. 204, чтобы убедиться в этом. Только третья, орудийно-инструментальная функция предлога передается в русском языке творительным падежом, что лишний раз доказывает необходимость функционального подхода к установлению соответствий между языками.

[В данном обзоре взглядов на проблему единицы перевода можно упомянуть и точку зрения Ю.Н. Марчука, рассматривавшего этот вопрос в аспекте автоматизации перевода. Он считает единицей перевода многоуровневое образование, опорой которого является слово либо различные комбинации из слов и других признаков, также приведенных к словам. По мнению исследователя, единица перевода существует, но она «не соответствует единицам анализа ни на каком из (лингвистических — Д.Е.) уровней». ¹]

Фактически в процессе письменного перевода единицей перевода может быть и слово, и словосочетание, и синтагма, и целое предложение, и абзац, и весь переводимый текст.

Когда переводится художественный текст (рассказ, роман или пьеса), то перевод каждого слова, каждой реплики, каждого предложения зависит от идейно-художественного замысла автора, от особенностей его индивидуального стиля, от интонации и ритмомелодики целого и отдельных частей повествования, от речевых характеристик персонажей. Ряд перечисленных слагаемых перевода присущ и работе над публицистическим текстом, фельетоном, художественным очерком. Это ставит добросовестного переводчика перед необходимостью исходить из содержания, стиля и идейно-художественной направленности всего переводимого текста в целом. Иной раз даже перевод отдельно взятого слова зависит от всего переводимого целого. Поэтому, прежде чем приступить к переводу, приходится не один раз перечитывать от начала и до конца оригинал и в процессе работы вновь возвращаться к уже переведенным частям, чтобы как можно лучше и точнее передать «голос» автора.

И все же чаще всего даже при соблюдении перечисленных условий на практике возникают затруднения при передаче значений отдельных слов, и большинство переводческих задач решается в рамках предложения. Но это не дает основания считать ни «проблемное» слово, ни предложение, в котором оно находится, самостоятельной единицей перевода. В конечном счете может оказаться, что найденное в рамках предложения решение придется пересмотреть, чтобы привести данную часть переводимого текста в соответствие с целым.

¹ Ю.Н. Марчук. Методы моделирования перевода. М., «Наука», 1985, с. 69.

Такая тесная взаимосвязь между частью и целым при переводе наблюдается, хоть и реже, и в переводе научно-технического и специального текста. При описании какого-нибудь открытия или технического новшества могут встретиться слова и выражения, значение которых, поскольку они отсутствуют в словарях, можно и нужно понять и передать, исходя из содержания всего текста и пользуясь справочниками, литературой по этому вопросу и консультацией специалистов. Так поступают, например, переводчики-неспециалисты при переводе стандартов и патентов.

Однако в публицистике и газетном материале тоже могут встретиться термины и реалии, не зарегистрированные в словарях. Еще в 1968 году в английской и американской прессе появился термин *tokenism* в сочетании *tokenism in Negro movement*. Промелькнувший в нашей печати перевод *символизм в негритянском движении* ни в коей мере не отражает подлинного значения термина. В статье речь идет о попытке правящих кругов США убедить общественность в том, что негры якобы пользуются равными правами с белыми, ссылаясь на наличие в стране кучки богатых и занимающих видное положение негров. В действительности *tokenism* — это нечто напоминающее нашу «показуху» или «потемкинскую деревню», пожалуй, можно было бы перевести как *политика парадного фасада*.

[Встретившееся выше в примере слово *Negro* уже в 70-е годы XX века стало приобретать в английском языке негативный оценочный оттенок, и в настоящее время рассматривается как оскорбительное. Вместо него по-английски теперь рекомендуют употреблять слова *black* и (более официально) *Afro-American*, каждое из которых может выступать как прилагательное и как существительное. Однако это не означает, что в русском языке следует в таком же свете рассматривать слова *негр* и *негритянский*. Эти единицы русского языка нейтральны по своей оценочной характеристике, хотя сейчас в русской журналистике наблюдается тенденция, под влиянием американской «политкорректности», использовать слова *черный* и *афроамериканец*. В этом есть даже определенный комизм, поскольку слово *черный* в качестве этнической характеристики как раз и может звучать неуважительно в русской речи. Думается, что у переводчика на русский язык нет лингвистических оснований избегать слов *негр* и *негритянский* в переводе и, наоборот, есть веские причины для того, чтобы с предельной осторожностью употреблять вместо них слово *черный*. Единственная ситуация, в которой можно, пожалуй, воздержаться от слова *негр*, — это ситуация устного перевода, когда вас слышит не только русская, но и англо-американская аудитория: так как звучание этого слова по-русски напоминает слова *Negro* или *nigger*, слушатели могут по незнанию решить, что прозвучало обидное для них слово. В подобных случаях самым «безопасным» в указанном смысле является, пожалуй, слово *чернокожий*.]

Не всегда даже содержание всего переводимого целого помогает определить значение отдельного слова — термина или реалии, особенно, когда это касается неизвестного переводчику события. Так, в декабре 1972 года лондонская «Таймс» писала: *Something like a Concorde riot would be most unlikely now*. Что же такое а Concorde riot? В статье речь шла о предстоящих всеобщих выборах во Франции. Одновременно в мировой печати уже с начала 1971 года обсуждался вопрос об отказе американцев допускать на свои аэродромы самолеты англо-французского производства типа Concorde. В газете «Морнинг стар» от 14 февраля 1973 года появилась заметка об угрозе массового увольнения рабочих авиационного завода, выпускавшего самолеты этой конструкции.

В другой заметке в этой же газете от 15 февраля 1971 года указывалось, что бывший министр промышленности Энтони Веджвуд Бенн вылетел в США улаживать конфликт с властями штата Нью-Йорк, запретившими посадку самолетов «Конкорд» якобы из-за превышения ими предельно допустимого уровня шума. Основываясь на этом материале, переводчик уверенно перевел фразу из «Таймс»: «Теперь едва ли возможно нечто подобное бунту из-за самолетов «Конкорд». И, конечно, допустил грубую ошибку. Выясняя какую-либо французскую реалию, следует пользоваться справочными материалами, касающимися Франции. Легче всего найти искомое название или собственное имя в таких изданиях, которые снабжены алфавитным именным и предметным указателями.

В книге Александра Верта о де Голле (в алфавитном указателе) мы находим слово Concorde с отсылкой на страницу 83:

The year 1934 saw the rise of various brands of fascism in France, as exemplified by the Concorde riots of 6 February. (A. Werth. De Gaulle. A Political Biography)

В 1934 году во Франции наблюдался подъем различных фашистских организаций, вылившийся в путч 6 февраля на площади Согласия.

Таким образом и фраза из «Таймс» может быть переведена так:

В настоящее время маловероятна возможность выступлений, подобных беспорядкам на площади Согласия.

Случайное совпадение названий парижской площади и самолета показывает, что хотя слово и не является «единицей перевода», оно, это злополучное слово, которому некоторые лингвисты даже отказывают в праве на самостоятельное существование, может сконцентрировать, как в фокусе, все усилия переводчика. Тот факт, что в данном примере «единицей перевода» явилась ситуация, несколько не противоречит положению, которое слово занимает в системе каждого языка. В языках аналитического строя, вроде английского или французского, зависимость слова от предложения значительно выше, чем в русском языке, но это дает себя знать на стадии, которая предшествует переводу, а именно на стадии понимания.

Когда смысл высказывания в целом становится ясен, наступает стадия переключения на родной язык. Опыт показывает, что это переключение у отдельных переводчиков происходит по-разному. Многие начинающие переводчики, не будучи в состоянии охватить смысл всего английского предложения в целом, вынуждены сначала переводить его дословно, как бы фотографируя английский текст. При таком подходе часто создается опасность синтаксического буквализма, который, как правило, приводит не только к нарушению норм русского языка, но и к искажению смысла. Совершенно очевидно, что здесь единицей перевода должно быть единство не менее предложения.

§ 6. О природе и опасности буквального перевода

Лингвистическое обоснование природы и сущности буквального перевода было дано Л.С. Бархударовым. «Буквальным переводом называется перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который достаточен для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ»¹.

Исходным положением такой трактовки буквализма является утверждение, что «единица любого языкового уровня может оказаться единицей перевода»².

Фактически, перевод осуществляется не в сфере языка, а в сфере речи. И минимальной «единицей перевода», если она существует, является предложение. Правда, Л.С. Бархударов отмечает, что перевод на уровне фонем «встречается в весьма ограниченном количестве случаев», но его примеры явно указывают на то, что речь идет о передаче собственных имен, географических названий и английских реалий посредством транскрипции. В самом деле, русские соответствия *Черчилль*, *Ливерпуль*, *трайбализм*, *спикер*, *леди*, приводимые в качестве примеров перевода на уровне фонем, являются такими же заимствованиями, как и примеры перевода на уровне морфем *председатель* и *односторонность*. Эти слова были переведены когда-то на русский язык, некоторые из них не с английского, а с латыни или французского и, закрепленные лексикографами, стали единицами словарного состава русского языка. Посредством пофонемного или поморфемного калькирования иностранных слов происходило и происходит обогащение словарного состава многих языков, в том числе и русского, но если в конце XVIII — начале XIX века благодаря Карамзину появились такие кальки, как *промышленность* или *влияние*, из этого не следует, что можно поставить знак равенства между происхождением, этимологией слов и их переводом.

¹ Л.С. Бархударов. Уровни языковой иерархии и перевод. «Тетради переводчика», № 6, М., 1969, с. 10.

² Там же, с. 4.

Но если даже стать на точку зрения Л.С. Бархударова, то можно выделить целый ряд случаев, когда буквальный перевод осуществляется не на более низком, а на более высоком языковом уровне, например, на уровне морфем вместо уровня фонем. Например, *Worcester Ворчестер* вместо правильного *Вустер*, *Leicester Лейсестер* вместо *Лестер*, *Walter Вальтер* вместо *Уолтер* и т. п., т.е. дается транслитерация вместо транскрипции.

[Эта мысль нуждается в пояснении. С помощью приведенных примеров Я.И. Редкер стремится показать, что, по Л.С. Бархударову, правильная передача таких названий, как *Worcester* ['wustɜ], — Вустер осуществлена на уровне фонем, тогда как неправильная буквальная передача — транслитерация *Ворчестер* — на уровне морфем. Если это так, то получается, что буквальный перевод осуществлен на более высоком уровне, чем необходимо (уровень морфем выше уровня фонем), и следовательно, определение буквального перевода, данное Л.С. Бархударовым (см. начало этого параграфа), не оправдывается.

В этой аргументации присутствует посылка, с которой можно спорить, а именно, что в рамках концепции Л.С. Бархударова транслитерацию типа *Worcester* — *Ворчестер* можно рассматривать как перевод на уровне морфем. Думается, что Л.С. Бархударов все же не имел этого в виду, так как анализ морфемной структуры приведенных имен собственных не соотносится с принципом транслитерации. Ведь транслитерация — это попытка передать название на другом языке методом побуквенных соответствий. Если и можно говорить о каком-либо языковом «уровне» применительно к транслитерации, то это будет, видимо, «уровень» графем. Говоря еще точнее, и фонемы, и графемы относятся к одному и тому же аспекту слова — его форме, или плану выражения, и представляют две различные его ипостаси (устную и письменную).

В разных языках используются разные принципы передачи формальной стороны слова: одни языки отдают предпочтение письменной (графической) его форме, другие — устной (фонетической). В современной русской традиции, если европейское имя или название необходимо передать по-русски (не оставляя его в тексте в оригинальном написании на исходном языке), принято опираться на фонетическую оболочку слова, т.е. передавать его максимально близким по звучанию соответствием (практической транскрипцией).

Иначе обстоит дело с заимствованием нарицательных слов. Часть из них передается по-русски также на основе транскрипционного принципа (*мерчандайзинг*, *скинхед*, *пирсинг*, *скейтборд*, *органайзер*, *супрефект*), а другая часть — с использованием принципа транслитерации (*дистрибутор*, *кондиционер* — его дополнительное значение «вид шампуня» вошло в русский язык недавно, примерно с 1990-х годов). Тот и другой принцип может сочетаться с элементами поморфемного перевода (*custodian кастодиальный банк*, *decompiling декомпиляция*).

Как бы то ни было, Я.И. Редкер не считал транскрипцию и транслитерацию примерами буквального перевода, о чем он и пишет ниже.]

Трудно согласиться и с тем, что «вольным переводом называется перевод, осуществляемый на более высоком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ»¹. Прозаический перевод стихов принято считать вольным переводом, но из этого нельзя сделать вывод, что прозаический перевод (например, перевод «Отелло» М.М. Морозова) можно считать переводом на более высоком языковом уровне, чем поэтический перевод.

[Здесь приходится отметить, что тезис, согласно которому «прозаический перевод стихов принято считать вольным переводом», разделяют немногие. Дело в том, что, как правило, прозаический перевод стихотворного произведения выполняет функцию подстрочника, служащего основой либо для научного анализа, либо для поэтического переложения писателем, не владеющим языком оригинала.

По определению подстрочник есть вид дословного и часто буквального перевода. Автор подстрочника иногда сознательно нарушает нормы языка перевода, с тем чтобы приблизить читателя к формальным характеристикам оригинала, которые в поэзии играют не меньшую роль, чем содержательные. У буквального перевода поэзии были свои идеологии, и как раз в начале 1970-х годов, перед выходом первого издания этой книги, в кругах литературоведов прошла бурная дискуссия о допустимости и целях буквального перевода поэзии².]

Приводимые Л.С. Бархударовым примеры вольного перевода скорее показывают или прием экспрессивной конкретизации (*мистер Скиннер озабоченно сдвигал брови вместо хмурился*), или безудержной «отсебятины», когда Иринарх Введенский вместо *я поцеловал ее* (у Диккенса) дает присочиненное им самим: *я запечатлел поцелуй на ее вишневых губах*.

По вопросу о буквальном переводе не существует единого мнения. Так, Альфред Мальблан, разделяя все виды перевода на две категории — прямой и косвенный (*traduction directe, traduction oblique*³), ставит буквальный перевод в один ряд с двумя другими видами прямого перевода — калькой и заимствованием. Однако ни транскрипцию, ни транслитерацию нельзя считать буквальным переводом. По существу это беспереводное употребление иностранного слова, которое может быть усвоено языком перевода и стать заимствованием.

¹ Л.С. Бархударов. Уровни языковой иерархии и перевод. «Тетради переводчика», № 6, М., 1969, с. 11.

² Эта дискуссия началась со статьи М. Гаспарова «Брюсов и буквализм» в сборнике «Мастерство перевода». Вып. 8. М., «Сов. писатель», 1971 и была продолжена в последующих сборниках этой серии.

³ См. A. Malblanc. Stylistique comparée du français et de l'allemand. 2e éd., P., 1963.

Существуют два источника и два типа буквализма. Первый, более примитивный тип, своего рода «детская болезнь» начинающих переводчиков, коренится во внешнем сходстве иностранных и русских слов, сходстве графическом или фонетическом. Это буквализм этимологический. Внешнее сходство далеко не всегда означает идентичность или даже близость значения. Можно привести длинный список английских и французских слов, имеющих «этимологические» соответствия в русском, которые на самом деле оказываются мнимыми. Такие слова, сходные по написанию или звучанию, принято называть «ложными друзьями переводчика»¹.

Конечно, есть немало подлинно интернациональных слов-терминов, и с каждым годом их становится все больше благодаря международному сотрудничеству специалистов и ученых, вырабатывающих согласованную международную терминологию на съездах и конференциях. Но следует отличать от них псевдоинтернациональные слова, относящиеся к категории «ложных друзей».

В «Англо-русском и русско-английском словаре «ложных друзей переводчика», изданном в 1969 году под общим руководством В.В. Акуленко, рассматривается свыше семисот русских слов, имеющих примерно 300—350 мнимых соответствий в английском языке. Как правило, это английские слова с широкой семантикой, лишь одно из значений которых аналогично русскому. Например, существительное *record*, кроме аналогичного *рекорд*, имеет десяток других значений. Менее часты случаи, когда похожие английские и русские слова вовсе не имеют общего значения, как например, *magazine* *журнал*, *complexion* *цвет лица*, а не *телосложение*, *decade* *десять лет*, *compositor* *наборщик* (в типографии).

[К сожалению, с тех пор новые словари или пособия по «ложным друзьям переводчика» почти не издавались. Автору этих комментариев известно лишь одно такое издание.²]

В нашей прессе сообщалось, что в результате землетрясения в Никарагуа столица Манагуа «практически» разрушена полностью. Этого буквализма не было бы, если бы переводчик потрудился заглянуть в упомянутый словарь-справочник, где под 4-м значением слова *practically* указан перевод *почти*. Кстати говоря, это наиболее распространенное в английской и американской прессе значение слова *practically*.

¹ См. M. Koessler, J. Deroquigny. *Les faux amis ou les pièges du vocabulaire anglais*. 5-e éd., P., 1961.

² Л.И. Борисова. *Ложные друзья переводчика. Общенаучная лексика. Английский язык. Учебное пособие по научно-техническому переводу*. М., НВИ-Тезаурус, 2002.

[Из данного примера видно, как изменились нормы русского языка за 30 лет. В наши дни и русское слово *практически* широко употребляется в значении «почти», а словосочетания *практически полностью*, *практически ничего* стали устойчивыми оборотами речи.]

К сожалению, в списке «ложных друзей переводчика» читатель и переводчик публицистики и газеты не найдет некоторых очень нужных слов.

Второй тип буквализма, более сложный и коварный, чем буквализм этимологический, состоит в использовании переводчиком наиболее распространенного значения слова вместо контекстуального или перевод фразеологизма на основе отдельных значений его компонентов. Повторное *hear! hear!* вовсе не означает *слушайте! слушайте!*, т.е. призыв к вниманию на собрании, а горячее одобрение: *правильно! правильно!* Хотя приведенное значение уже было зафиксировано в Англо-русском словаре Мюллера в 1960 году (7-е издание), это не мешало даже опытным переводчикам ошибаться и в последние годы. Так, например, в переводе повести Тамары Хови «Стремления маленькой мошки» читаем:

... — Стоит нам заговорить о политике, как у тебя делается этакий высокомерный вид...

— Никакого у меня нет высокомерного вида. Просто меня не интересуется политика.

— Слушайте, слушайте,— сказала студентка с археологического. («Иностранная литература», 1969, № 12)

Как можно видеть из приведенных примеров, и этимологический, и семантический буквализм одинаково приводят к искажению смысла в переводе.

Более ста лет тому назад Ф. Энгельс приводил пример буквалистической ошибки переводчика, когда в немецком отчете о состязаниях в гребле оксфордских студентов было сказано, что *краб зацепился за весло одного из гребцов*¹. Между тем, *to catch a crab* означает «завязить» весло, «поймать леща» (БАРС). По-видимому, немецкий репортер не только был плохо знаком с английским языком, но и не знал, что крабы в Темзе не водятся. Однако через много лет (в 1937 г.) та же ошибка была повторена в русском переводе романа Голсуорси «Сдается в наем». Повторена, несмотря на то, что данная фразеологическая единица уже была зафиксирована в англо-русских словарях.

¹ См. «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. I, М., «Искусство», 1957, с. 86.

§ 7. Предметная обстановка и речевая ситуация

Важнейшими составными частями так называемого «экстралингвистического контекста» являются предметная обстановка и речевая ситуация, разграничение между которыми установлено В.Г. Гаком. Под предметной обстановкой следует понимать время и место, к которому относится высказывание. Предметная обстановка (ситуация — по В.Г. Гаку) охватывает «предметные отношения: предметы и связи между ними, описываемые в высказывании»¹.

Наряду с этим необходимо учитывать при переводе и речевую ситуацию, т.е. «обстановку и условия коммуникации, отношение говорящего к адресату и окружению, общую направленность высказывания»².

Далеко не всегда из содержания отдельных частей текста или даже всего переводимого целого может быть ясна идейная направленность произведения, идейная позиция автора. Это относится в особенности к материалам буржуазной прессы и некоторым произведениям художественной литературы. В подобных случаях идейную направленность текста приходится устанавливать при помощи экстралингвистического контекста. Из приведенной выше цитаты следует, что она как бы составляет часть «общей направленности» подлинника. Однако могут быть и такие случаи, когда идейная установка выясняется уже из предметной обстановки высказывания, из того, к какой стране или к какой эпохе относятся лишенные сами по себе определенной идейной установки высказывания автора. Таким образом, идейная направленность высказывания, судя по обстоятельствам, связана и с предметной обстановкой, и с речевой ситуацией.

Существенный элемент предметной обстановки — страна, к которой относится высказывание. В книге Ф.Л. Аллена «Только вчера» о вытеснении автомобилем других средств транспорта говорится:

The interurban trolley perished, or survived only as a pathetic anachronism. (F. L. Allen. *Only Yesterday*)

В Англии trolley означало бы *троллейбус*, но в США троллейбусов не было и нет, и trolley значит *трамвай*.

Нельзя раскрыть значение существительного abolitionist без знания страны и эпохи, к которым оно относится. В словаре Мюллера оно вообще отсутствует, а абстрактное понятие abolitionism переводится *аболиционизм* (движение в пользу освобождения негров в США). БАРС не переводит abolitionist, а интерпретирует: *сторонник отмены, упразднения (закона и т.п.)*. Как же перевести the abolitionist Al. Smith, если имеется в виду кандидат от республиканской партии на президентских выборах 1928 года?

¹ В.Г. Гак. О моделях языкового синтеза. «Иностранные языки в школе», 1969, № 4, с. 20.

² Там же, с. 19.

Конечно, в Америке 1920-х годов речь могла идти только об отмене «сухого закона».

А вот в английской прессе 1950–60-х годов нередко упоминалось имя Сиднея Сильвермена — the oldest abolitionist in the House of Commons — старейшего поборника отмены смертной казни в Англии, автора соответствующего законопроекта. Без знания обстановки перевод был бы невозможен.

Только учет особенностей газового освещения, предшествовавшего появлению электричества (а об этом в тексте ничего не говорится), поможет переводчику раскрыть смысл следующей фразы из книги Фернеса.

The very simplicity and silence of electricity made it inconspicuous.
(J. C. Furnas. *The Americans. A Social History of the United States*)

Если попытаться представить себе шипящие газовые рожки и дуговые лампы, станет вполне понятно, что «простота в обращении и бесшумность электричества помогли ему незаметно войти в быт».

Речевую ситуацию составляют следующие элементы:

- 1) отражение личности автора (или говорящего);
- 2) отражение источника, в котором опубликован переводимый материал;
- 3) отражение адресата или аудитории, к которой обращено высказывание;
- 4) назначение переводимого материала, ожидаемый эффект, который он должен произвести на читателя или слушателя.

Все перечисленные компоненты речевой ситуации выходят за рамки текста, но каждый из них может в той или иной степени быть выражен и лингвистически. Так, в драматургическом произведении не только то, что говорит действующее лицо, но и как оно это говорит, т.е. его речевая характеристика, тоже является элементом речевой ситуации. Например, в ряде пьес Бернарда Шоу, и, скажем, в его «Тележке с яблоками», высказывания действующих лиц служат их характеристикой в большей степени, чем их поступки. Полное раскрытие характеров требует понимания «подтекста», существенную часть которого составляет речевая ситуация. Впрочем, сам автор, учитывая это, сопровождает свое произведение предисловием, немного уступающим по размеру самой пьесе. Из сказанного приходится заключить, что в понятие речевой ситуации могут и должны входить и элементы литературоведческого плана.

В статье о кризисе 1929 года У. Фостер пишет:

The period of apparent prosperity may be said to have ended in 1928.

Прилагательное apparent может иметь одно из двух диаметрально противоположных значений: *очевидный, явный* — с одной стороны, и

кажущийся, мнимый — с другой. О каком же процветании идет речь? Далее, на протяжении всей статьи, автор ни разу не упоминает о процветании и, следовательно, приходится искать ответа в экстралингвистическом контексте. Однако здесь вполне достаточным фактором, определяющим выбор слова в переводе, является личность автора. Покойный ныне председатель Коммунистической партии США Уильям Фостер не мог считать подлинным процветанием хваленое «процветание» времени Кулиджа (1924—1928 гг.), когда резервная армия безработных превышала один миллион. Можно, не колеблясь, перевести эту фразу так: «Можно сказать, что период мнимого процветания закончился в 1928 году».

Характер источника, в котором опубликован переводимый материал, имеет большое значение при переводе материалов из периодической печати. Если статьи из «Морнинг стар» или «Дейли уорлд» всегда имеют четкую идейную направленность, отражающую точку зрения компартий Великобритании или США на данную проблему, то иное положение наблюдается в органах буржуазной прессы. И в редакционных статьях буржуазных органов печати, и в статьях отдельных авторов в этих газетах переводчику придется не раз столкнуться с нарочито расплывчатыми формулировками и более или менее завуалированными идеями. В особенности это характерно для буржуазных газет на английском языке, независимо от того, издаются ли они в Англии, Америке, Канаде, Австралии или даже в некоторых странах Азии или Африки.

[Возможно, следует пояснить некоторым читателям, почему в книге проводится такая резкая грань между коммунистическими и «буржуазными» газетами. В Советском Союзе из числа зарубежных периодических изданий общедоступными являлись исключительно органы иностранных коммунистических партий. На английском языке таких изданий было немного: в Великобритании — газета «Морнинг стар» (The Morning Star, выходит по сей день) и журнал «Лейбор мансли» (Labour Monthly, издавался до 1981 г.); в США — газеты «Дейли уоркер» (The Daily Worker, издавалась до 1957 г.), «Дейли уорлд» (The Daily World, издавалась в 1958—1986 г.) и теоретический ежемесячный журнал «Политикал афферс» (Political Affairs, издается по сей день). Все остальные общественно-политические издания официально квалифицировались как «буржуазные» и, соответственно, «реакционные». Конечно, тезис о зависимости лексических средств, используемых в тексте, от идеологической позиции автора или источника публикации нельзя понимать чересчур прямолинейно. Но между ними существует определенная взаимосвязь, что и показано в дальнейшем на примерах в этой книге.]

Может ли в подобных случаях переводчик руководствоваться известной рекомендацией К.И. Чуковского: «Неясное в оригинале

должно оставаться неясным в переводе»? Едва ли. Во-первых, совет К.И. Чуковского относится к художественной литературе, где «образы изменчивых фантазий, бегущие, как в небе облака»¹ должны оставаться неуловимыми и в передаче на другой язык. Но в газетной статье и публицистике уточнение неясности оригинала может быть продиктовано даже большей конкретностью, свойственной русской лексике. Во-вторых, чтобы русский читатель смог прочесть между строк то, что доступно пониманию английского или американского читателя на его родном языке, мысль автора должна быть выражена в переводе яснее, чем в оригинале, за исключением тех случаев, когда неопределенность является целью высказывания. И наконец, существенное значение имеет установка на получателя перевода, о чем речь будет далее.

Влияние источника на перевод можно проследить на примере перевода материалов из английской газеты «Гардиан», поддерживающей партию либералов, уже давно утратившую свой политический вес, но упорно борющуюся за существование. Эта газета, как и сама партия, занимает промежуточное положение между консервативным и лейбористским лагерем и иногда выступает с критикой «на два фронта», однако без достаточно четкой собственной программы.

[Сегодня газета «Гардиан» (The Guardian) уже не ассоциируется с какой-то определенной партией. Что касается либеральной партии Великобритании, то в 1988 г. она объединилась с социал-демократической, образовав либерально-демократическую партию.]

В статье “Business as Usual” содержится такой вывод относительно вступления Англии в Общий рынок: The political parties must consider again the nature of public interest in this transformed economy. По существу, эта фраза является уравнением с двумя неизвестными. Public interest можно понять и как *государственный интерес*, и как *выгоду для населения*, а transformed economy как довольно неопределенную *преобразованную экономику*, или же *национализированную часть народного хозяйства*. [Здесь необходимо отметить, что термин «народное хозяйство», в советское время синонимичный слову «экономика», в наши дни несколько устарел.]

Учитывая тенденцию этой передовой статьи и общую тенденцию газеты либералов лавировать между двумя сильнейшими противниками, очевидно, придется и в переводе придерживаться установки на неопределенность.

Учет адресата высказывания. При переводе прямой речи с английского специфической трудностью является передача личного местоимения you. В свое время переводчики-формалисты считали, что в переводе с английского вообще нельзя пользоваться обращением

¹ Валерий Брюсов. Сонет к форме. «Стихотворения, поэмы». М., Гослитиздат, 1958, с. 15.

«на ты». Здесь трудно установить твердые правила. Выбор между «ты» и «вы» зависит от внеязыковых факторов: социальных, психологических, культурных и ситуационных. Конечно, нужно учитывать и эпоху, так как в прошлые века, особенно в Англии, было принято более церемонное обращение.

В отличие от русского и французского языков по-английски принято говорить в обществе о присутствующем *he* или *she*. Даже в пьесах Оскара Уайльда и Артура Пинеро персонажи из великосветского общества говорят о присутствующих уважаемых людях, называя их «он» или «она». Так поступает, например, секретарь лорда Иллингворта в пьесе «Женщина, не стоящая внимания», говоря о своем патроне. Конечно, в русском переводе личное местоимение заменено словами «лорд Иллингворт». Такая замена необходима и закономерна. Нередко можно видеть, что журналисты в американских газетах называют президента Никсона просто «Ричард». Это совершенно недопустимо в переводе. Может быть, по-американски это воспринимается как любезность, но по-русски это амикошонство. Пожалуй, в переводе поправка необходима не только для правильного отражения отношения к тому, о ком говорится в высказывании, но и для адекватной передачи воздействия информации на читательскую аудиторию.

[Сейчас речевые традиции изменились. В советское время перевод с английского статьи, где американский президент или британский премьер назывались бы просто по имени, шокировал бы читателя русского перевода, совершенно не привычного к подобному способу именования не только высших руководителей государства, но и любого должностного лица. Более того, недопустимым считалось и сочетание только имени и фамилии официального руководителя (например, *Леонид Брежнев*), которого следовало упоминать в текстах либо с использованием отчества (*Леонид Ильич Брежнев*), либо с указанием двух инициалов (*Л.И. Брежнев*), либо — как минимальный вариант — по фамилии с добавлением слова *товарищ* (*товарищ Брежнев*). Надо добавить, что это касалось только руководителей и чиновников государственно-партийного аппарата. В то же время в газетах и других средствах информации считалось вполне уместным именовать только по имени и фамилии (без отчества) деятелей науки, искусства и культуры, особенно артистов, а также ведущих программ радио и телевидения.

Такова была традиция, и она влияла и на перевод. С 1977 г., когда на пост президента США вступил Джимми Картер, контакты между СССР и США активизировались. При этом интересно было наблюдать, как по-разному именovali президента США американские и советские источники. Если в своей стране он был известен как Jimmy Carter и именовался так в любых ситуациях, в том числе вполне официальных, то советские газеты испытывали неловкость в использовании имени *Джимми* и заменяли его на *Джеймс*. А в официальных письмах

руководителей СССР американскому президенту использовалось также и среднее имя Картера, никогда не упоминавшееся по-английски: согласно публикациям советских газет, эти послания адресовались *Джеймсу Эрлу Картеру*. В этом явно проглядывало влияние русской и советской традиции уважительного именованья высокого должностного лица по имени-отчеству — за отсутствием отчеств у американцев эту роль в официальном русскоязычном речевом этикете играло среднее имя президента, не известное почти никому у него на родине.

Как известно, после 1985 года вместе с кардинальной перестройкой общественной жизни в нашей стране резкую ломку претерпели и речевые традиции, и этот процесс еще, видимо, не закончился. На сегодняшний день вполне нормативным является именование политических и государственных деятелей, президентов компаний и других известных личностей только по имени и фамилии, без отчеств (за исключением ситуации прямого обращения к ним).

Интересным нововведением в сфере массовой культуры оказалась непредставимая в прошлом тенденция — некоторые певцы и артисты сочли возможным именоваться просто по имени (без фамилии), например, *Валерия, Витас, Лолита, Юлиан*. Возможно, это произошло под влиянием зарубежной культуры, где артисты стали называть себя так тоже с не столь давних пор (например, *Cher, Sandra*)¹.

В свете этих тенденций прежние культурные ограничители уже не действуют, и от современного переводчика ожидается (как общее правило), что в своем переводе он приведет тот вариант именованья лица, который используется в оригинале.]

Особенно часто приходится переводчику учитывать экстралингвистические факторы при передаче прозвищ и бранных слов. Так, в романе Харпер Ли «Убить пересмешника...» девчонку прозвали Scout (по аналогии с boy-scout), но «разведчица» совершенно не соответствовало бы ее внешнему облику и характеру, и переводчицы очень удачно окрестили ее «Глазастиком». Там же Boo-Radley превращен не менее удачно в «Страшила Рэдли».

Чрезвычайно распространенное и довольно широкое по диапазону бранных оттенков *bastard* переводится как *гад*, то как *обормот*. Когда муж ругает изменившую ему жену: *you, swine!*, то в переводе вполне закономерно появляется: *шлюха*.

Отражение установки на получателя перевода. В переводе романа Фицджеральда «Великий Гэтсби» мы читаем: *Я окончил Йельский университет в 1915 году*. Между тем в подлиннике как будто совсем иное.

I graduated from New Haven in 1915. (F. Scott Fitzgerald. The Great Gatsby)

¹ Об исключениях из этого принципа см. Д.И. Ермолович. Имена собственные на стыке языков и культур. М., «Р. Валент», 2001, с. 42–54.

Дословный перевод *Я окончил высшее учебное заведение в Нью-Хейвене* ничего не сказал бы рядовому читателю романа в русском переводе. Е.Д. Калашникова предпочла конкретно указать название, тем более, что Йельский университет в Нью-Хейвене (штат Коннектикут), основанный в 1702 году, — старейший американский университет. Не подлежит сомнению, что для американского читателя это географическое название является «общественно осознанным и отстоявшимся контекстом», с которым ассоциируется Йельский университет. Замена ориентирована на так называемый прагматический аспект перевода — на аналогичное восприятие обозначаемого словом понятия в ПЯ.

Как важно учитывать «равнодействующую» «общественно осознанного контекста», можно видеть и из следующего примера, тоже в переводе Е.Д. Калашниковой, для творчества которой вообще характерно стремление приблизить переводимое ею художественное произведение к советскому читателю.

The chauffeur, a Russian tsar of the period of Ivan the Terrible. (F. Scott Fitzgerald. Tender is the Night)

В данном случае дословный перевод был бы просто нелепостью: какие другие «цари» могли быть в России в период правления Ивана Грозного. Да и вряд ли внешность шофера могла напоминать царственную особу вообще. Очевидно, для американского читателя слово *tsar* имеет коннотации, не свойственные соответствующему русскому слову. И здесь поправка на «общественно осознанный контекст» вполне закономерна.

Шофер — настоящий русский боярин времен Ивана Грозного.
(Скотт Фицджеральд. *Ночь нежна*).

Весьма существенным обстоятельством, требующим большого такта от переводчика, является его обращение с грубыми, подчас нецензурными словами и выражениями, бытующими в современной английской, американской и французской беллетристике и даже попадающими на страницы периодической печати. В нашей советской литературе и прессе элементы «заборного» лексикона не допускаются, и эта здоровая тенденция, несомненно, уходит корнями в традиции русской классической литературы, которой всегда была чужда чрезмерная грубость языка.

[Сегодня в новой русской литературе, бульварных газетах и журналах, даже на телевидении и в театрах, не говоря уже о вольнице Интернета, запреты на бранную лексику пали. Однако высокая нравственная планка русской классической традиции еще сохраняет свое значение для тех изданий и публикаций, которые рассчитаны на основную массу образованных и культурных читателей, слушателей и зрителей, не желающих, чтобы их унижали грубым словом.

Переводчикам, которые уважают свою профессию и тех, для кого предназначен их труд, мы, вслед за Я.И. Редкером, настоятельно советуем избегать в переводах матерщины и даже народных эвфемизмов типа *долбаный*, *грёбанный*, *заколебать*, *звезданутый* и тому подобных, через которые непечатная лексика проступает уж слишком явно. Это не значит, что перевод обречен быть сухим и бесцветным. Ресурсы русского языка столь богаты, что позволяют, не впадая в вульгарность, сочно и ярко выразить самую «забористую» иноязычную фразу. Сомневающимся в этом можно отослать хотя бы к классической кинокомедии семидесятых годов «Джентльмены удачи», авторы которой сумели без помощи грубых вульгаризмов достаточно ярко отразить жаргон закоренелых уголовников, причем так, что цитаты из этого фильма вошли в поговорки и до сих пор бытуют в речевом обиходе.]

Глава вторая. I. Лексические трансформации и формально-логические категории

§ 8. Общие положения

Раскрытие контекстуальных значений в процессе перевода часто подчинено определенным логико-семантическим закономерностям. Логическая основа переводческого процесса ясна уже из того, что в двух сопоставляемых языках тождественность значения слов или высказывания зависит от тождественности передаваемого ими понятия. Связь между логикой и переводом определяется в курсе логики следующим образом: «Неявными определениями мы пользуемся, например, и тогда, когда при чтении книг нам требуется определить значение незнакомого термина. Этого мы достигаем с помощью анализа того контекста, в котором употребляется данный термин. В процессе этого анализа мы устанавливаем различные смысловые связи и отношения между термином, значение которого требуется определить, и другими словами, значение которых нам хорошо известно. Подобные случаи очень часто встречаются при переводе с иностранного языка на родной язык»¹.

Приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным, принято называть лексическими трансформациями. В семантическом отношении сущность трансформаций заключается в замене переводимой лексической единицы словом или словосочетанием иной внутренней формы, актуализирующим ту слагаемую иностранного слова (ту сему), которая подлежит реализации в данном контексте.

Хотя не всегда можно четко классифицировать каждый пример перевода из-за переплетения категорий, в общем можно выделить семь разновидностей лексических трансформаций:

- 1) дифференциация значений;
- 2) конкретизация значений;
- 3) генерализация значений;
- 4) смысловое развитие;
- 5) антонимический перевод;
- 6) целостное преобразование;
- 7) компенсация потерь в процессе перевода.

¹ «Логика». Под ред. Д.П. Горского и П.В. Таванца. М., Госполитиздат, 1956, с. 63.

Нередко отдельные приемы трансформаций совмещаются. Особенно часто это наблюдается в отношении первых двух категорий, которые сочетаются друг с другом.

Как показал в своей работе на материале французского языка В.Г. Гак, все лексические трансформации основываются на формально-логических отношениях между понятиями¹. Различия внутренней формы слов, обозначающих одни и те же понятия в разных языках, обуславливают необходимость учета особенностей каждого языка при выборе приемов трансформаций. Однако все перечисленные категории трансформаций наблюдаются при переводе с любого языка на любой. Универсальными являются и формально-логические категории как приемы логического мышления. Таких категорий насчитывается пять: отношения равнозначности, подчинения, контрадикторности, перекрещивания и внеположенности.

Однако поскольку всякий перевод реализуется в сфере речи, независимо от того, какими средствами он осуществляется, и всегда должен приводить к равнозначности, очевидно, можно считать, что приемы трансформаций базируются на четырех формально-логических категориях.

Приемы трансформаций имеют творческий характер, но, если результат равнозначности приобретает в силу своей оптимальности абсолютное значение, он может быть зафиксирован в словаре как эквивалент. Конечно, оптимальность и постоянство соответствий может устанавливаться, как правило, лишь в узких контекстах, поэтому закрепленные в словарях примеры трансформационного перевода редко выходят за пределы словосочетаний. Чаще всего это эквивалентный перевод фразеологических единиц.

§ 9. Приемы дифференциации, конкретизации и генерализации и формально-логическая категория подчинения

«Отношение подчинения между понятиями имеет место., когда объем одного понятия составляет лишь часть объема другого понятия»². Эта формально-логическая категория является основой трех взаимосвязанных приемов лексических трансформаций: дифференциации и конкретизации значений в переводе посредством сужения и генерализации значений посредством расширения понятий. Логико-семантическая основа трансформаций четко определена в

¹ См. В.Г. Гак. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. «Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования». Под ред. А. А. Леонтьева. М., «Наука», 1971. с. 78.

² Д.П. Горский. Логика. М., Учпедгиз, 1958, с. 56.

упомянутой работе В.Г. Гака: «Что же касается типов семантических изменений при переименовании («переименованием» В.Г. Гак называет процесс перевода — *Я. Р.*), то поскольку обозначаемый предмет остается прежним, изменение наименования объясняется взаимосвязью понятий, которые в сознании говорящего могут соотноситься с одним и тем же отрезком действительности. Таким образом, в основе переименования (семантических трансформаций), так же как и (в семиологическом плане) в основе изменений значения, таких как, например, расширение, сужение, различные виды переноса, лежат формально-логические закономерности мышления, отношения между понятиями»¹. Распространенность приемов дифференциации и конкретизации при переводе с английского на русский объясняется обилием в английском языке слов с широкой семантикой, которым нет прямого соответствия в русском языке. Обычно приемы дифференциации и конкретизации значений сопутствуют друг другу. Когда переводится столь модное в английской и американской беллетристике наших дней слово, как *drink*, то чаще всего неизбежна его дифференциация, не осуществимая без конкретизации. Так, при переводе *and ordered a drink* (W. Somerset Maugham. *The Bum*) словарные соответствия: *питье, напиток, спиртной напиток* оказываются явно неприемлемыми. Переводчик упомянутого рассказа (в сборнике «Дождь»), вынужденный конкретно указать, что именно было заказано, перевел: *Он заказал виски*. Естественно, виски является лишь частью понятия «спиртные напитки», и здесь налицо сужение понятия.

Дифференциация без конкретизации возможна, когда нужно передать значение широкого абстрактного понятия без его уточнения в переводе. Неправильно конкретизировать то, что намеренно завуалировано в подлиннике.

Дифференциация значений. Как уже указывалось, в английском и французском языках многие слова с широкой семантикой не имеют полного соответствия в русском языке. Двуязычный словарь обычно дает ряд частичных вариантов соответствий, каждое из которых покрывает лишь одно из частных значений иноязычного слова. Однако даже все словарные соответствия в их совокупности не охватывают полностью широкой семантики слова ИЯ.

Определение *ruthless* может употребляться как недифференцированный усилитель признака, качества. В таких случаях и в переводе оно остается простым усилителем, без конкретизации. Описывая усилия газет Херста и Пулицера, направленные на развязывание войны с Испанией из-за Кубы, автор «Социальной истории США» Фернес называет эту кампанию *the orgasmic acme of ruthless newspaper jingoism*,

¹ В.Г. Гак. Указ. соч., с. 82.

где ruthless, конечно, не имеет словарного значения *безжалостный, беспощадный*, а означает *разнузданный, оголтелый, махровый* шовинизм. В то же время orgasmic асте также потребует трансформации, скорее всего приемом целостного преобразования, в результате чего мы получим в переводе: *вакханалия оголтелого газетного шовинизма*.

Когда Сомерсет Моэм говорит: "Affection is the best substitute of love", то ни одно из словарных соответствий (*привязанность, расположение, любовь* — см. БАРС) не подойдет, так как если бы автор имел в виду *привязанность*, он бы избрал слово attachment. Довольно расплывчатое значение слова affection, пожалуй, так же неопределенно может быть передано *душевной склонностью* или *душевным расположением*. Эти примеры свидетельствуют о том, что дифференциация значений возможна и без их конкретизации.

Конкретизация значений. В отличие от дифференциации, которая возможна и без конкретизации значения, последняя всегда сопровождается дифференциацией и невозможна без нее. Как правило, лексике русского языка свойственна большая конкретность, чем соответствующим лексическим единицам английского или французского языков. Это неоднократно отмечалось лингвистами. Слово meal имеет соответствия: *принятие пищи, еда* (БАРС, Мюллер). Однако при переводе фразы Have you had your meal? никак нельзя использовать эти словарные соответствия. В зависимости от времени дня придется сказать: *Вы уже позавтракали? Пообедали? или Поужинали?* Больше того, если фраза встречается в английском романе или рассказе, то понадобится знание реальной обстановки (прежде всего, социальной), так как для англичанина из зажиточной буржуазной семьи время обеда почти совпадает с часами ужина для рабочей семьи.

[В русском языке есть также слово *трапеза*, которое довольно точно совпадает по объему значения с английским meal; но, будучи устаревшим, это слово принадлежит к иному стилистическому регистру и может быть использовано в переводе лишь тогда, когда архаизация текста не вступит в противоречие с речевой ситуацией и стилем оригинала.]

Существительное mount по словарю Мюллера — *лошадь под седлом*. БАРС дает более широкое и конкретное раскрытие значения этого слова: *лошадь, мул, верблюд* и т. п. (*под седлом*). И это «и т. п.» вполне оправдано, так как Christ on his mount — *Христос на ослиати*. В списке картин русской батальной живописи, выставившихся в Лондоне в 1940-е годы, переводчик столкнулся с таким названием в каталоге: Napoleon on his mount visiting the plague stricken in the streets of Jaffa. По-русски никак нельзя обойтись без конкретного указания животного, на котором ехал Наполеон. Не знакомый с данным полотном переводчик написал: «Наполеон верхом на коне» и попал впросак, так как Наполеон восседал на верблюде.

Во французском языке также есть немало слов с широкой семантикой, требующих дифференциации и конкретизации при переводе на русский язык. Например, существительное *monture* (английское *mount*) *животное под седлом*. Поговорку *Qui veut aller loin ménage sa monture* обычно переводят: *Кто отправляется в дальний путь, должен беречь своего коня*. Но это же слово в статье Луи Мадлена о Египетском походе Наполеона относится к другому животному: *Il ne quittait pas sa monture*¹. *Он не слезал с верблюда*. В 1799 году на улицах Яффы чума косила людей, и Бонапарт считал более надежным держаться подальше от земли, на спине верблюда.

Глагол *vider* имеет основное значение *опорожнить, опростать, очистить* (место), но при переводе на русский язык очень часто уточняется, конкретизируется.

Il alla chercher sa propre serviette, la vida de son contenu... et y fourra les liasses. (G. Siménon. *Le train de Venise*)

Кальмар взял свой портфель..., вытряхнул из него содержимое и засунул туда пачки денег. («Иностранная литература», 1967, № 8)

Характер действия уточнен в переводе глаголом более конкретным, чем французский *vida*, путем применения одновременно дифференциации и конкретизации значения (*засунул* — одно из вариантных словарных соответствий слова *fourra*).

Наглядным примером недифференцированного употребления слов с широкой семантикой может служить существительное *student*, которое в английском языке используется в значениях *студент, учащийся, ученый* (БАРС). Однако в переводе на русский язык часто необходима конкретизация значения.

Even the greatest authors have written a number of very poor books. Balzac himself left a good many out of the Comédie Humaine, and of those he inserted there are several that only a student troubles to read. (W. Somerset Maugham. *The Summing Up*)

Даже у величайших писателей бывали очень слабые книги. Бальзак, например, сам не захотел включить многие свои вещи в «Человеческую комедию», да и среди включенных им есть несколько таких, которые способны читать только литературоведы. (У. Сомерсет Моэм. *Подводя итоги*)

БАРС дает также значение *изучающий что-либо*, и в переводе этого примера конкретизируется именно это значение.

В правилах приема в американские вузы это же слово *student* употребляется в другом значении:

¹ «La revue des deux mondes», 1936, № 9.

Preparation for college in the United States involves a succession of choices. The student does not have to make a choice at an early age as to whether or not he will "go to college."

Здесь student, конечно, не *студент*, а *учащийся средней школы*. Но далее, в тех же правилах приема, то же слово используется неоднократно в значении *студент*. По-видимому, контекст не дает возможности спутать ученого или студента со школьником, и стремление к экономии средств побуждает англичан и американцев пользоваться одним и тем же словом.

Всякая лексическая трансформация требует от переводчика чувства меры и досконального знания переводимого текста и связанной с ним обстановки.

Генерализация значений. Прием генерализации значений диаметрально противоположен приемам дифференциации и конкретизации, так как он заключается в замене частного общим, видового понятия родовым. При переводе с английского или французского языка на русский он применяется гораздо реже, чем дифференциация и конкретизация. Это связано с особенностями английской и французской лексики. Слова этих двух языков чаще имеют более абстрактный характер, чем русские слова, относящиеся к тому же понятию. Иногда генерализация применяется в соответствии со стилистическими нормами, принятыми в русском языке и литературе. Например, в художественных произведениях на русском языке не принято с пунктуальной точностью указывать рост и вес персонажей, если это не связано с спортивными соображениями. A young man of 6 feet, 2 inches в переводе окажется *молодым человеком выше среднего роста*. Не принято разграничивать и такие слова, как foot и leg, hand и arm. Wrist-watch наручные, а не «кистевые» часы.

Необходимость генерализации может быть вызвана и опасностью искажения смысла при переводе слова или словосочетания его словарным соответствием. Так, в течение целого ряда лет английский парламент обсуждал законопроект об отмене смертной казни. Английские газеты неизменно называли его No Hanging Bill. Но *Законопроект об отмене повешения* скорей всего был бы понят как замена одного способа казни другим, например, расстрелом. Единственно правильным в данном случае является генерализующий перевод: *Законопроект об отмене смертной казни*.

Одно и то же слово может подвергаться лексической трансформации в противоположных направлениях: в сторону сужения и расширения значения, т.е. может быть как объектом дифференциации, так и генерализации. Характерным примером могут служить рассмотренное в § 4 существительное resentment и глагол resent. По данным толковых английских словарей, центральное, наиболее широкое значение этих

слов — чувство неудовольствия, неприязни. Частные нормативные значения довольно точно раскрываются и в двуязычных англо-русских словарях с помощью вариантных соответствий. Естественно, могут быть случаи, когда контекст и ситуация требуют недифференцированного выражения общего понятия, и тогда может понадобиться прием генерализирующей трансформации.

... the Doremus family used to spend their summers on Cape Cod, too. They weren't as important in the government, or rich, but I guess they saw the Kennedys sometimes. Dave resented the Kennedy boys, he says, but then he got to know... John Kennedy. (Vance Bourjaily. *The Man Who Knew Kennedy*)

Доримусы тоже проводили обычно лето на мысе Код. Отец Дэйва не из богачей и не такой уже большой пост занимал в правительстве, однако они были знакомы семьями. Дэйв мне говорил, что ему мальчики Кеннеди не нравились, это уже потом он ближе узнал ... Джона Кеннеди. (В. Бурджейли. *Человек, который знал Кеннеди*. Пер. Е. Калашниковой и М. Лорие)

(Дэйв узнал Кеннеди, когда они раненные лежали в госпитале морского флота.) Ясно, что в указанной ситуации глагол *resented* не может выражать определенного, конкретно обоснованного чувства, и в переводе с полным основанием дано генерализирующее *ему не нравились*.

§ 10. Прием смыслового развития и формально-логическая категория перекрещивания

Прием смыслового развития заключается в замене словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним. Сюда относятся различные метафорические и метонимические замены, производимые на основе категории перекрещивания. «Отношения перекрещивания имеют место, когда лишь часть объема одного понятия входит в объем другого понятия и, в свою очередь, часть объема второго понятия входит в объем первого понятия»¹.

[Нужно заметить, что в теории переводческих трансформаций наряду с термином *смысловое развитие* используются термины *логическое развитие* и иногда *метонимический перевод*. Можно спорить о большей или меньшей удачности каждого из этих терминов, но все они подразумевают один и тот же прием.]

Если учесть, что все знаменательные части речи делятся на три категории: предметы, процессы и признаки, то в ходе перевода наблюдается поразительное разнообразие замен как внутри каждой категории, так и между различными категориями. Для передачи одного и того же содержания средствами другого языка часто безразлично,

¹ Д.П. Горский. *Логика*. М., Учпедгиз, 1958, соч., с. 50.

какой формой слова будет выражено это содержание. Предмет может быть заменен его признаком, процесс предметом, признак предметом или процессом и т.д. Под процессом имеется в виду действие или состояние. Рассмотрим следующую газетную фразу: *The Liverpool by-election was an acid test for the Labour candidate.* Едва ли можно перевести: *Дополнительные выборы в Ливерпуле были испытанием на кислотность для кандидата лейбористской партии.* Очевидно, процесс придется заменить его атрибутом — *лакмусовой бумажкой*, в соответствии с нормой русского языка. Это смысловое развитие — замена процесса предметом — протекает в рамках категории переименования: лакмусовая бумажка является лишь частью испытания на кислотность, и само испытание не покрывает целиком возможностей использования лакмусовой бумажки.

Когда прием смыслового развития применяется при переводе глагольных сочетаний, можно наметить четкие закономерности замен и установить взаимосвязи между процессом (действием или состоянием), его причиной или следствием. Тогда, по теории пермутаций, сочетания двух элементов из трех возможных могут иметь шесть следующих вариантов:

причина → процесс → следствие

- 1) замена процесса его причиной,
- 2) замена процесса его следствием,
- 3) замена причины процессом,
- 4) замена причины следствием,
- 5) замена следствия причиной,
- 6) замена следствия процессом.

Конечно, эта схема отражает лишь технику приема смыслового развития, но не вскрывает его корней. Каждая замена прямого перевода трансформационным связана с глубокими расхождениями в лексике, логической структуре предложения и образности двух сопоставляемых в процессе перевода языков. Проследим некоторые разновидности приема смыслового развития на конкретных примерах.

Нужно иметь в виду, что не все приводимые далее примеры равноценны. В некоторых из них лексическая трансформация является вынужденной, как единственный способ точной передачи смысла английского или французского предложения. В других случаях применение трансформационного перевода подсказано стилистической нормой русского языка.

Many South African sanctuaries are readily reached from Johannesburg. (Land of Safaries. The NewYork Times)

До многих южноафриканских заповедников рукой подать от Йоганнесбурга.

В переводе процесс (*легко добраться* — в прямом переводе) заменен его причиной — близостью расстояния. Отношение перекрещивания здесь выражается тем, что доступность какого-либо географического пункта лишь частично объясняется близостью его местонахождения и, в свою очередь, близость — это лишь часть понятия доступности, если существуют естественные или искусственные преграды.

"I don't think she's living here at the moment. Her bed wasn't slept in." (A. Christie. *Third Girl*)

— Я думаю, она не живет здесь в настоящее время. Ее постель не смята.

Говорящая утром зашла в комнату и увидела, что постель, которую она обычно сама убирала, не смята. Вместо прямого перевода: *она не спала в своей постели* естественно отмечен результат. Процесс заменен его следствием.

Нужно учесть, что аналогичная ситуация, как правило, передается в английском языке пассивной формой глагола с предлогом.

Например, в 16-й главе «Ярмарки тщеславия» Теккерея:

"...oh, miss, something must have happened — there's nobody in Miss Sharp's room; the bed ain't been slept in..." (W. M. Thackeray. *Vanity Fair*)

— О мисс Бриггс! Наверное, что-то случилось: в комнате мисс Шарп никого нет, и ее постель не смята...

Это говорит горничная, Бетти Мартин, и, конечно, несмятая постель может служить указанием на то, что на ней не спали, лишь в том случае, когда постель убирает прислуга. Таким образом, эти понятия лишь частично перекрывают друг друга.

Прием смыслового развития нередко может быть продиктован различием сочетаемости слов в английском и русском языках. Словарное соответствие фразеологической единицы *to stick one's neck out* — *ставить себя под удар*. Однако, чтобы сохранить образность, можно применить прием смыслового развития в переводе:

Few U. S. presidents dare stick their necks out in midterm poll. (*The New York Times*)

Мало кто из американских президентов рискует подставлять свою голову под удар во время промежуточных выборов.

По-русски не говорят «подставлять шею», но метонимическая замена логически оправдана. По существу это тоже замена действия его следствием.

I gave the horse his head. (A. Conan Doyle. *Adventures of Gerard*)

Я отпустил поводья.

И здесь соблюдается четкая метонимическая связь: *голова лошади* и *поводья* — замена действия его причиной на базе логического отношения перекрещивания.

По условиям сочетаемости слов русского языка нередко приходится заменять в переводе причину явления самим процессом или его следствием. О человеке, онемевшем от волнения и затем овладевшем собой, в романе Агаты Кристи говорится:

At last he found his voice. (A. Christie. The Double Evidence)

По-русски нельзя сказать: *он обрел голос*. И даже *к нему вернулся голос* означало бы восстановление временной потери голоса у певца. Очевидно, следует заменить причину процессом: *Он наконец-то обрел дар речи*. Отношение перекрещивания здесь проявляется во взаимном пересечении понятий *голос* — *речь*.

[Кстати, в том же значении используется выражение *find one's tongue* и его варианты. Например, в рассказе Э.М. Форстера «Паника» читаем:

When we reached it <the clearing>, our tongues broke loose.

Речь идет о том, что герои не смогли удержаться от возгласов (они увидели лежащего на земле мальчика). В дипломной работе, содержащей перевод этого рассказа, была допущена комичная ошибка:

Когда мы добрались до места, от усталости языки у нас были на плече.

Этот перевод, конечно, неудачен стилистически, но главное — это то, что переводчик не вник в смысловые связи оригинального текста и построил ошибочную логическую цепочку, решив, что выражение *our tongues broke loose* (буквально «наши языки вырвались на свободу») характеризует усталость персонажей после тяжелого подъема в гору, а не эффект, произведенный на них увиденным на вершине, о чем в тексте говорится далее. Этот пример показывает, что, применяя прием смыслового развития, переводчик должен учитывать не только предшествующий текст, но и последующий.]

§ 11. Прием антонимического перевода и формально-логическая категория контрадикторности

Антонимический перевод, который является, по существу, крайней точкой приема смыслового развития, представляет собой замену какого-либо понятия, выраженного в подлиннике, противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой всего высказывания для сохранения неизменного плана содержания. Антонимический перевод полностью основывается на формально-логической категории контрадикторности.

«Отношения контрадикторности (или отрицания понятия) имеют место между понятиями, которые получаются друг из друга путем операции отрицания»¹. В логике с помощью понятий «А» и «не-А» образуют два суждения: 1) А не есть не-А; 2) Не-А не есть А. Однако, как будет ясно из дальнейшего, при антонимическом переводе категория контрадикторности включает не только отрицание, но и противопоставление.

В большинстве случаев использование противоположного понятия в переводе влечет за собой замену утвердительного предложения отрицательным или отрицательного — утвердительным.

The woman at the other end asked him to hang on. (Stan Barstow. *The Raging Calm*)

Женщина на другом конце провода попросила его не класть трубку.

I had myself awakened every morning at six and wrote with perseverance till hunger forced me to break off and have breakfast. (W. Somerset Maugham. *The Summing Up*)

Я просил будить меня в шесть часов утра и работал, не отрываясь, пока голод не гнал меня завтракать. (У. Сомерсет Моэм. *Подводя итоги*. Пер. М.Ф. Лорие)

В приведенных примерах утвердительная конструкция оригинала заменена в переводе отрицательной. Менее естественно было бы сохранить в переводе структуру подлинника: *Женщина... попросила его подождать у телефона* или во втором примере: *я упорно продолжал работать*, как будто кто-либо или что-либо мешало работе писателя.

No man is wise at all times.

На всякого мудреца довольно простоты.

В переводе этой пословицы отрицательная структура заменена утвердительной². Однако антонимический перевод возможен и без изменения типа конструкции. Это происходит, когда при переводе противопоставляется не только понятие, выражающее признак, но и носители признака. Например:

The adoption of the defensive does not necessarily mean weakness or inferiority of our troops.

Переход к обороне не обязательно означает слабость наших сил или превосходство войск противника.

¹ Д.П. Горский. Логика, М., Учпедгиз, 1958, соч., с. 55.

² Важность антонимического перевода была особо отмечена К.И. Чуковским, приводящим в своей книге «Высокое искусство» ряд английских пословиц, переводимых антонимически: A word spoken is past recalling. *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь*. Let the sleeping dog lie. *Не буди лихо, пока спит тихо*. Every cloud has a silver lining. *Нет худа без добра*.

Слово *inferiority* в 1-м значении — *более низкое положение, качество* и т. п. (БАРС) не имеет однословного соответствия в русском языке, и поэтому вполне закономерна замена слова *inferiority* противоположным понятием *superiority*. Но так как и *our troops* заменены *войсками противника*, отпала необходимость в изменении конструкции. В данном примере, в отличие от предшествующих, антонимический перевод неизбежен. Чаще всего он является, однако, факультативным и диктуется стилистическими соображениями.

Антонимическим может стать и словарное соответствие. Антонимичен целый ряд русских соответствий глаголу *keep off*: *не приближаться, не подпускать близко, не касаться, не подходить*. Еще разнообразней ряд антонимических соответствий глаголу *keep out* в сочетании с разными дополнениями: *Shut the window to keep cold air out. Закройте окно, чтобы не напустить холода. Keep children out of mischief. Не позволяйте детям шалить. Keep foreign goods out. Не допускать ввоза иностранных товаров. He kept us out of war. Он не дал вовлечь нас в войну.* (Под этим лозунгом демократы добивались переизбрания Вудро Вильсона в президенты США в 1916 году.) Антонимичен и перевод глагола *keep in*:

The windows of the workshop were closed to keep the cool air in...
(Nevil Shute. *A Town Like Alice*)

Окна мастерской были закрыты, чтобы туда не проник раскаленный воздух...

Применение антонимического перевода может диктоваться и соображениями экстралингвистического порядка. В английском языке о долгожителях или людях, проживших долгое время вопреки зловещим предсказаниям врачей, часто говорится с должным уважением к умершему: *he (she, they) did not die till... (until...) он жил до ...* Совершенно очевидно, что прямой перевод на русский язык (*такой-то не умирал до ... года*) воспринимался бы как издевательство над покойным. (Конечно, эта формула речи может употребляться и в ироническом смысле, что можно определить лишь из обстановки высказывания.)

[Вообще следует отметить, что конструкция со сложным союзом *not... until* может осмысляться по-английски по-разному и представляет собой одну из амбивалентных синтаксических конструкций английского языка, другие примеры которых подробно рассматриваются в § 19. В одних случаях английская фраза действительно означает, что какое-либо действие откладывается или происходит позднее возможного, и в этом случае может использоваться аналогичная русская конструкция *не (делать что-либо) пока (до того как, до тех пор пока)*, например:

But let's not talk about it until we're out of here.

Давайте не будем говорить об этом, пока не выйдем отсюда.

Однако еще чаще конструкция с *not... until* служит для того, чтобы эмфатически подчеркнуть момент совершения или начала какого-либо действия. По-русски тот же эффект достигается чаще всего утвердительным предложением с использованием усилительных частиц *только, лишь*. Это типичный случай антонимического перевода. Например, шутивная фраза:

Not until we're married!

(которую в прошлом невеста могла сказать жениху, добивавшемуся близости с ней до официального вступления в брак) звучит по-русски так: «Только после свадьбы!»

Вот еще пример использования этой конструкции — афоризм Марка Твена, который можно перевести антонимически:

Not until you become a stranger to yourself will you be able to make acquaintance with the Friend.

С Другом можно познакомиться лишь после того, как отдались от себя самого.

Иногда одна и та же фраза допускает двоякое толкование и, соответственно, перевод:

Bill didn't say another word until he came home.

1) Больше он не проронил ни слова всю дорогу до дома.

2) Только придя домой, он заговорил снова.

Как видно из примеров, антонимический перевод предложений с данной конструкцией позволяет передать эмфазу обстоятельства времени.]

Эффективность и закономерность антонимического перевода подтверждается практикой его двустороннего применения: переводом с английского и французского на русский и обратно. БАРС дает соответствия разговорному выражению *to sit up* не *ложиться спать, бодрствовать, засиживаться допоздна*. (Второе из них — *бодрствовать* — отнюдь не разговорное.)

Так, в романе «Дворянское гнездо» Михалевич говорит Лаврецкому:

— Я, брат, — промолвил он, — завтра должен ехать; сегодня мы, ты уж извини меня, ляжем поздно.

Констанс Гарнетт дает антонимический перевод:

"I must set off to-morrow, my dear fellow," he observed, "to-day, if you will excuse it, we will sit up late."

И в другом переводе, Бернарда Айзекса, эта фраза также передана антонимически:

"... today, however, with your permission, we will stay up late."

Та же картина наблюдается при переводе с французского языка на русский. Французское модально-ограничительное включение *tout court* обычно переводится на русский язык противоположным понятием:

La politique économique des Etats-Unis est aussi préjudiciable aux intérêts de la France que leur politique tout court.

Экономическая политика Соединенных Штатов направлена в меньшей степени против интересов Франции, чем их политика в широком смысле слова.

В широком смысле слова является антонимом *tout court*, и все же в данном контексте совершенно точно передает смысл высказывания. Это расширительное значение вполне закономерно в переводе, так как *tout court* снимает ограничение, накладываемое на предмет или понятие признаком (в данном случае прилагательным *économique*).

Антонимический перевод может быть единственной возможностью правильной передачи мысли, когда прямой перевод приводит к абсурду.

Which of the dead are most tenderly and passionately deplored? Those who love the survivors the least, I believe. (W. M. Thackeray. Vanity Fair)

Чья смерть оплакивается всего искреннее и усерднее? Мне кажется, смерть тех, кто сам менее всего любил своих близких, оставшихся в живых. (В. Тэккерей. *Ярмарка житейской суеты*. Пер. Л. Гей. Спб., 1908)

Оставшихся в живых когда? После смерти оплакиваемого? Но и в следующем переводе, через четверть века, нелепость дословного перевода еще усилена:

Каких покойников оплакивают всего нежнее и горячее? Мне кажется, тех, которые всего меньше любили оставшихся в живых. (У. Теккерей. *Ярмарка тщеславия*. Пер. В.И. Штейна. Л., 1929)

Только антонимическая замена *survivors* делает эту фразу осмысленной в переводе.

Кого же из умерших оплакивают с наибольшей скорбью и печалью? Мне кажется, тех, кто при жизни меньше всего любил своих близких. (У. Теккерей. *Ярмарка тщеславия*. Пер. под ред. Р. М. Гальпериной и М. Ф. Лорие. М., 1953)

Фактически, если бы в первом переводе вместо запятой поставить точку и вычеркнуть оставшихся в живых, он был бы приемлем, так как близкие люди в этом предложении являются одновременно и субъектом, и объектом. Но оказывается, что уже в раннем переводе «Ярмарки тщеславия», впервые опубликованном И. Введенским в «Отечественных записках» в 1851 году, задача была решена правильно при помощи антонимического перевода:

Каких покойников жалеют всего больше и оплакивают всего искреннее и нежнее на «базаре житейской суеты»? Тех, я думаю, которые, при жизни, всего скорее могли забыть нас. (Вильям Теккерей. *Базар житейской суеты*. Пер. И.И. Введенского. Спб., 1885, том II)

В сложных случаях существенную помощь при осуществлении антонимического перевода может оказать словарь синонимов или английский толковый словарь, содержащий синонимические ряды.

§ 12. Приемы целостного преобразования и компенсации и формально-логическая категория внеположенности

В курсе логики говорится, что «отношения внеположенности имеют место, когда объемы двух понятий полностью исключают друг друга и при этом не исчерпывают области предметов, о которой ведется рассуждение. Объемы же понятий исключают друг друга в тех случаях, когда множества, соответствующие понятиям, не имеют общих элементов»¹.

Отношения внеположенности иллюстрируются там же следующим образом: «Допустим мы рассуждаем о рыбах. Понятия «окунь» и «каrp» в этом случае являются внеположенными, поскольку нет такой рыбы, которая бы была одновременно окунем и карпом, и в то же время окуни и карпы не исчерпывают всех рыб»².

Эта формально-логическая категория является основой двух приемов лексической трансформации — целостного преобразования и компенсации. Как отмечает В.Г. Гак, «отношения внеположенности лежат в основе процесса смещения, т.е. использования для наименования данного понятия названия смежного понятия в пределах одного родового понятия»³.

Так, например, в переводе на французский язык названия фильма «Летят журавли» произведена замена на основе отношений внеположенности. Поскольку французское слово *grue* (журавль) гораздо чаще употребляется в значении *проститутка*, советский фильм известен во французском прокате под названием «*Quand passent les cigognes*», т.е. «Когда летят аисты». Неизбежная в этом случае замена *журавлей аистами* может рассматриваться как своего рода компенсация, вполне приемлемая в сюжетно-стилистических рамках фильма и продиктованная особенностями французской лексики.

¹ Д.П. Горский. Логика. М., 1958, соч., с. 49.

² Там же, с. 49.

³ См. В.Г. Гак. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. «Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования». Под ред. А.А. Леонтьева. М., «Наука», 1971, с. 83.

Своего рода компенсацией можно считать и замену чисел в переводе следующей сцены из упомянутой выше пьесы Голсуорси:

James. Give me the cheque-book... What's this ninety?

Walter. But look here, father, it's nine I drew a cheque for. (John Galsworthy. Justice. Act I)

Джеймс: Дай мне чековую книжку... Что это за восемьдесят фунтов?

Уолтер. Но послушай, отец, я выписал чек на восемь фунтов. (Дж. Голсуорси. Правосудие)

Служащий фирмы, чтобы спасти любимую женщину, подделал чек, добавив две буквы и тем самым переделав *nine* на *ninety*. Но русское *девять* нельзя переправить на *девяносто* добавлением букв, без подчистки, которая в денежных документах не допускается, зато *восемь* легко переделать на *восемьдесят*. Поэтому в переводе подделавшему пришлось удовольствоваться более скромной суммой. В переводе на французский неизбежно еще большее урезывание этой суммы, так как только *cinq* можно переделать добавлением пяти букв на *cinquante*.

Прием целостного преобразования также является определенной разновидностью смыслового развития, но в отличие от антонимического перевода обладает большей автономностью и обнаруживает в значительно меньшей степени логическую связь между планами выражения ИЯ и ПЯ. Этот прием осуществляется в рамках либо перекрещивания, либо внеположенности. Прием целостного преобразования можно кратко определить как синтез значения без непосредственной связи с анализом. Преобразуется внутренняя форма любого отрезка речевой цепи — от отдельного слова, большей частью сложного, до синтагмы, а порой и целого предложения. Причем преобразуется не по элементам, а целостно, так, что видимая связь между внутренней формой единиц ИЯ и ПЯ уже не прослеживается. Это, конечно, не означает, что процесс целостной трансформации лишен логико-семантической основы, в противном случае замена внутренней формы в процессе перевода привела бы к нарушению адекватности. Этой основой служит отнесенность исходной и преобразованной единицы перевода к одному и тому же отрезку действительности. Если не всегда можно проследить до конца весь ход замещения сем в процессе целостного преобразования, то эквивалентность плана содержания и адекватность планов выражения каждый раз должны свидетельствовать о закономерности применения этого приема трансформации.

Как это наблюдается и в отношении других приемов лексических трансформаций, традиция языковых контактов использовала ряд целостных преобразований частотных лексических единиц и закрепила их результаты как словарные соответствия — постоянные и варианты. Особенно много таких соответствий среди словосочетаний живого разговорного языка. Например:

How do you do.
Welcome!
Never mind.

Don't mention.
Forget it!
Here you are.
Here's to you.
Well done!
Have done!
That'll do.

Now then!
Well now!
Shut up!
Help yourself.
Hear, hear!

Здравствуйте!
Добро пожаловать.
Ничего, не беспокойтесь,
не обращайтесь.
Не стоит благодарности.
Не стоит говорить об этом.
Вот, пожалуйста.
За ваше здоровье.
Браво! Молодец.
Хватит, довольно.
Достаточно, хватит, можете
идти, вы свободны.
Ну-ка, скорей!
Ну, что же!
Заткнись!
Кушайте, пожалуйста.
Правильно, правильно!

Очень много разговорных выражений французского языка также требуют целостного преобразования при переводе,

Allez donc!
Vous allez bien.
La belle histoire.
Grand bien vous fasse.
Bien de choses chez vous.
Ça te la coupe?
Qu'à cela ne tiennet!

Полноте! Да что вы!
Легко вам говорить.
Большое дело. Подумаешь.
Ну, как вам угодно.
Привет вашим!
Что, не ожидал? что, съел?
За этим дело не станет!

Все приведенные примеры показывают, что эти разговорные соответствия не имеют общих семантических компонентов, обладают различной внутренней формой и в то же время передают одно и то же содержание средствами разных языков. Специфика живой разговорной речи чаще всего требует целостного преобразования при переводе. Сравните французское *Soyez le bienvenu!* и немецкое *Willkommen!*; английское *Here's to you* с французским *A votre santé*, совпадающим с русским *за ваше здоровье*, и итальянское *cin cin!*

Перевод сочетания *forget it!* в вышеприведенном перечне сделан при помощи приема смыслового развития: русское соответствие, конечно, является заменой самого действия (*забудьте об этом*) его причиной (*не стоит говорить об этом*). Еще точнее эту замену следовало бы определить как прием антонимического перевода. Однако отсутствие общих компонентов между английским словосочетанием и его русским соответствием дает право считать, что он произведен путем целостного преобразования.

Сказанное выше объясняет в достаточной степени, почему прием целостного преобразования служит универсальным средством перевода фразеологических единиц.

Целостное преобразование — распространенный прием лексической трансформации при переводе не только беллетристики, но и публицистического материала. Вот пример из лекций Р. Палма Датта по новейшей истории:

Even the most perfunctory account of the plain facts would blow the myths sky-high. (R. Palme Dutt. *Problems of Contemporary History*)

Даже беглое рассмотрение фактов не оставит камня на камне от созданного историками мифа.

Идиоматическая замена английского образа вполне закономерна.

В книге Дж. Аллена о периоде реконструкции после гражданской войны в США встречается ряд образных выражений, требующих целостной замены традиционными же русскими образными выражениями.

The other tasks of the revolution in the South could be left to work themselves out. (J. S. Allen. *Reconstruction. The Battle for Democracy. 1865–1876*)

Выполнение других задач революции на Юге можно было пустить на самотек.

North Carolina was thrown back into the lap of its former masters in 1870, when the President refused to send Federal troops to suppress the K. K. K. (Там же)

Северная Каролина была отдана на откуп прежним хозяевам в 1870 году, когда президент отказался послать туда федеральные войска для подавления мятежа куклуксклановцев.

Образная замена образных выражений посредством целостного преобразования, несомненно, важное условие достижения адекватности перевода. Однако бывают случаи, когда следует отдать предпочтение стилистически нейтральному приему преобразования. Ведь каждый конкретный прием лексических трансформаций должен осуществляться в строгом соответствии с экспрессией, стилем и идейно-художественным замыслом переводимого текста. В каждом случае необходимо учитывать и обстановку высказывания.

Существует определенная закономерность в том, что в переводе одна замена влечет за собой другую. В следующем примере из автобиографической книги Сомерсета Моэма обе замены тесно связаны друг с другом в плане смыслового развития,

I have exercised moderation because I was hard to please. When from time to time I have seen the persons with whom the great lovers satisfied their desires I have been more often astonished by the robustness of their appetites than envious of their successes. (W. Somerset Maugham. *The Summing Up*)

Я проявлял умеренность, потому что на меня трудно угодить. Бывало, при виде тех, с кем удовлетворяли свои желания великие любовники, я больше дивился их всеядности, нежели завидовал их успехам.

Если *угождать* — следствие *нравиться*, то *всеядность* — следствие *неумеренного аппетита*. Замены обоих признаков процессами в логическом плане создаются перекрещиванием — частичным вхождением объемов понятий друг в друга.

На рис. 1 показано соотношение между приемами лексической трансформации и формально-логическими категориями.

Прием переводческой компенсации. Сущность компенсации в процессе перевода с такой исчерпывающей полнотой раскрыта в книге А.В. Федорова, что я позволю себе привести его определение целиком. «В практике перевода встречается ряд случаев, когда не воспроизводится совсем или заменяется формально далеким тот или иной

Рис. 1. Формально-логические категории и лексические трансформации.

элемент подлинника, пропускается то или иное слово, словосочетание и т. п., но невозможность передать отдельный элемент, отдельную особенность оригинала тоже не противоречит принципу переводимости, поскольку последний относится ко всему произведению, как целому. Конечно, целое существует не как какое-то абстрактное понятие, — оно состоит из конкретных элементов, которые, однако, существенны не каждый в отдельности и не в механической своей совокупности, а в системе, образуемой их сочетанием и составляющей единство с содержанием произведения. Отсюда — возможность замен и компенсаций в системе целого, открывающей для этого разнообразные пути; таким образом, утрата отдельного элемента, не играющего организующей роли, может не ощущаться на фоне обширного целого, он как бы растворяется в этом целом или заменяется другими элементами, иногда и не заданными оригиналом.

Отправным моментом для определения роли отдельного элемента в подлиннике, необходимости точной его передачи, а также возможности или закономерности его пропуска или замены является соотношение содержания и формы в их единстве¹.

Таким образом, компенсацией (или компенсацией потерь) в переводе следует считать замену непередаваемого элемента подлинника элементом иного порядка в соответствии с общим идейно-художественным характером подлинника и там, где это представляется удобным по условиям русского языка. Компенсация может иметь семантический или стилистический характер. В первом случае восполняется пропущенный не передаваемый в переводе компонент для полноты смысла.

Семантическая компенсация часто применяется для восполнения пробелов, вызванных так называемой «безэквивалентной» лексикой. Это прежде всего обозначение реалий, характерных для страны ИЯ и чуждых другому языку и иной действительности. Если эти детали не имеют принципиального значения, то не будет потери для читателя, если их опустить в переводе. Болгарские переводчики-лингвисты С. Влахов и С. Флорин, подвергнув детальному рассмотрению реалии в сопоставлении с терминами, убедительно показывают сугубо ситуационную и контекстуальную зависимость их передачи. Перечисляя реалии различных категорий — географические и этнографические, фольклорные и мифологические, бытовые, общественные и исторические, они останавливаются на способах передачи реалий и на конкретных примерах перевода их на болгарский, русский и английский языки. Особенно интересны примеры перевода романа Р. Тагора «Крушение», вышедшего в двух авторских вариантах на бенгальском и английском языках, — на русский язык. В русском переводе с бенгальского сохра-

¹ А.В. Федоров. Основы общей теории перевода. М., «Высшая школа», 1968, с. 146–147.

нены реалии подлинника: «Отлично, подожди до моих *зимних каникул*», тогда как в английском варианте: Just wait till the Christmas holidays; в русском «Это папе *новогодний* подарок», а в английском: I've brought a *Christmas present* for dad.

По существу, замены *зимних каникул рождественскими праздниками*, а *новогодних подарков — рождественскими* самим автором продиктованы явным желанием приблизить английский текст к восприятию английского и американского читателя. Это своего рода местная компенсация в плане прагматической установки перевода¹.

Рассмотрим сначала случаи смысловой компенсации. Она может быть локальной (местной) и тотальной (общей). В пьесе Голсуорси «Побег» неоднократно упоминается реалья Burbery — непромокаемый плащ, выпускавший фирмой Бербери. В переводе эта реалья, очень характерная для Англии 1920-х годов, всюду заменена «макинтошем». Исключительно удачная замена, так как и эта реалья — английская. Конечно, подобная замена была бы невозможна, если бы в подлиннике упоминалась и сама фирма.

Там же слово convict переводится *заклученный*, когда его употребляет автор, говоря об обитателях дартмутской тюрьмы. Но когда осужденный на пять лет за непреднамеренное убийство полицейского отставной капитан Деннант бежит из тюрьмы, то перепуганные обыватели, преследующие его в надежде получить вознаграждение, называют его (в переводе) «беглым каторжником». Эта общая компенсация вполне оправдана: лавочник, фермер, батраки и полицейские, запугивающие друг друга встречей с опасным, по их мнению, преступником, едва ли стали бы называть его «заклученным», хотя в подлиннике только convict.

После двухдневных блужданий в тумане, по болотам, измученный и голодный Деннант проникает ночью в квартиру, забирается под кровать, засыпает, и когда утром его обнаруживает хозяйка дома и в испуге пытается закричать, он останавливает ее словами:

Mat. Hush! It's quite O. K.

Мэтт: Тсс! Не бойтесь! (Дж. Голсуорси. Собр. соч., т. 15. Пер. О.П. Холмской)

Это также общая компенсация. Прямое соответствие *все в порядке* не соответствовало бы намерению беглеца успокоить женщину. Может быть, американизм «О. К.» в двадцатые годы воспринимался в Англии как признак интеллигентности или даже того, что говорящий побывал вместе с американцами в окопах во Франции в недавние годы

¹ См. С. Влахов и С. Флорин. Непереводимое в переводе. *Реалии*. «Мастерство перевода». Сборник шестой. 1969. М., «Сов. писатель», 1970, с. 432.

Первой мировой войны, что как раз и было с Деннантом. В переводах пьес Голсуорси можно найти много примеров компенсации, так как его персонажи часто говорят на различных социальных и местных диалектах. Это большей частью примеры стилистической и экспрессивной компенсации — замены одного выразительного средства другим, компенсации локальной и тотальной.

В пьесе «Спектакль» кухарка и рабочий Одишем говорят на лондонском просторечии «кокни», и в переводе часто применяется русское просторечие, причем далеко не всегда там, где просторечие в подлиннике, а там, где это удобно по условиям русского языка.

Cook. That girl ought to be follered. She might throw herself in the river.

Кухарка: За этой девчонкой последить бы надо. Неровен час с моста в реку бросится. (Дж. Голсуорси, Собр. соч., т. 15. Пер. М. П. Богословской)

Здесь просторечное «неровен час» компенсирует английское просторечное *follered*, которое стоит в соседнем предложении.

Одишем опускает *h*, заглатывает часть слов, его речь грамматически (например, он употребляет и два, и три отрицания в предложении) и фонетически неправильна, и поскольку он весьма словоохотлив, в переводе приходится прибегать к общей компенсации.

Odiham ... and if you tell this feller the reason of your 'usband's 'avin' done what he did, m'am—and stop 'em gluin' their noses to the shop winder.

Одишем. ...Так вот, мэм, если бы вы сказали этому газетному прихвостню, почему ваш супруг учинил это над собой, они бы перестали совать нос, куда не след.

Местная компенсация может иметь особое назначение: служить цели, достигаемой в русском языке иными средствами, чем в английском или французском. Например, при передаче аллитерации или контаминированной речи¹. В таких случаях цель оправдывает средства, так как содержание информации может иметь меньшее значение, чем производимый данным высказыванием эффект. Когда автор намеренно приводит абсурдный набор слов, чтобы подчеркнуть пародийность текста, в переводе может вообще не оказаться словарных соответствий подлиннику, и тогда можно говорить о сплошной компенсации.

¹ См. Я. Рецкер. Следует ли передавать аллитерацию в публицистическом переводе? «Тетради переводчика». № 3, М., 1966, с 73; Я. Рецкер. Передача контаминированной речи в переводе и роль традиции. «Тетради переводчика», № 5, М., 1968, с 92.

В статье «Слово о ежегодниках» Теккерей пародирует литературную продукцию дам из общества, заполнившую английский книжный рынок низкопробным чтивом в 40-х годах девятнадцатого столетия¹.

Miss Landon, Miss Mitford, or my Lady Blessington, writes a song upon the opposite page, about water-lily, chilly, silly, shivering beside a streamlet, plighted, blighted, love-benighted, falsehood sharper than a gimlet, lost affection, recollection, cut connexion, tears in torrents, true-love token, spoken, broken, sighing, dying, girl of Florence; and so on. The poetry is quite worthy of the picture, and a little sham sentiment is employed to illustrate a little sham art. (W. M. Thackeray. *A Word on the Annals*)

На соседней странице стихотворение, написанное мисс Лэндон, мисс Митфорд или миледи Блессингтон о печальной участи дикой розы (слезы, грезы), что склонилась (надломилась, забылась) над ручьем, где прежде (в сладостной надежде) ты склонялась (упивалась, лобызалась) с ним вдвоем; о, измена (тлена, плена), ты пронзала (злее жала, острее кинжала) и несчастна (безучастна), сиротина, манит (тянет) холодная пучина (о, судьбина, о, кручина, Ля Бьондина). Какова живопись, такова и поэзия: жеманный рисунок сопровождается жеманным стихотворением. (Пер. Е. Коротковой)

Сопоставим лексику перевода с лексикой подлинника. Вместо *водяной лилии* в переводе *дикая роза* и вместо *озябшей, глупой (наивной?)*, *трещающей у ручья* в переводе избитые и заношенные до дыр рифмующиеся с розой *слезы* и *грезы*. Единственное, что осталось от слов оригинала, это *ручей*. Далее в подлиннике явно пародийное нагнетание рифмованных виршей *plighted, blighted, love-benighted*. Но в переводе набор нелепостей все же приведен в некую систему. Слащаво-сентиментальная картина, подсказанная авторскими *lost affection, recollection* передана более отчетливо, чем в подлиннике, словами: *где прежде, в сладостной надежде, ты склонялась, упивалась, лобызалась с ним вдвоем*. Можно сказать словами Полония: "Though this be madness, yet there is method in't"².

Очень важно, что упоминание о хорошо известном в читательских кругах при Теккерее опусе леди Блессингтон «Девушка из Флоренции» заменено в переводе названием другого стихотворения этой необычайно плодовитой великосветской поэтессы и писательницы «Ля Бьондина». Пусть нашему читателю ни тот ни другой опус не известны, но беспереводная передача итальянского заглавия завершает

¹ Статья входит во второй том собрания сочинений Теккерей, подготовленного к печати изд-вом «Художественная литература».

² Shakespeare. Hamlet, Prince of Denmark. Act II.

впечатление сентиментальной жеманности, доведенной до апогея. Перевод этого отрывка в целом может служить образцом применения приема сплошной компенсации.

Классический образец почти сплошной компенсации стилизованной под раешник речи можно видеть в прекрасном переводе романа Ромена Роллана «Кола Брюньон», выполненном М. Лозинским.

Однако в некоторых случаях компенсация не поддающихся переводу элементов подлинника неприменима. Нельзя опустить или заменить каламбур или игру слов, если они играют важную роль в ходе повествования. В рассказе Мопассана «Взбесилась» молодую женщину, перед отъездом в свадебное путешествие, слегка укусила в нос ее комнатная собачка. Спустя несколько дней, на курорте, мнительная особа, вообразив, что у нее начинается бешенство, в панике бросилась к врачу.

Осмотрев ее, он рассмеялся и ответил: «В вашем положении я вижу только один выход, сударыня, — вам нужен новый нос». Но читателю, не знакомому с французским подлинником, не будет смешно, даже после прочтения следующей за этим фразы:

А так как я не понимала, он добавил: «Впрочем, это дело вашего супруга». (Ги де Мопассан, т. 7. Полное собр. соч. Библиотека «Огонек». М., 1958)

К словам *новый нос* дано подстрочное примечание: «В подлиннике непереводаемая игра слов: *pouveau nez (новый нос)* звучит как *pouveau né (новорожденный)*». Как ни противятся издательские редакторы включению подстрочных примечаний в переводы художественной прозы, но не будь этого примечания, разговор с врачом пришлось бы просто опустить. Иного выхода у переводчика в подобных случаях нет.

II. О переводческом эксперименте¹

§ 13. Общие положения

Эксперимент, как «научно-поставленный опыт, наблюдение исследуемого явления в точно учитываемых условиях, позволяющих следить за ходом явления и воссоздавать его при повторении этих условий»², применим и в области перевода. «Следить за ходом явления», т.е. за выполнением процесса перевода, вполне возможно, если эксперимент проводится в аудитории и можно обеспечить самостоятельность каждой работы. Воссоздание явления, т.е. перевода одного и того же текста «в строго учитываемых условиях», не представляет затруднений.

Для того чтобы эксперимент имел научно-теоретическое значение, т.е. способствовал выявлению определенных закономерностей, устанавливаемых теорией перевода, он должен отвечать по меньшей мере следующим условиям:

- 1) иметь заранее намеченную цель и строго установленный порядок проведения;
- 2) проводиться на тщательно отобранном и соответствующем поставленной цели материале;
- 3) охватывать достаточную по численности и сравнительно однородную аудиторию.

В основном проводившиеся мною в течение ряда лет переводческие эксперименты в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени М. Тореза имели двойную цель: научно-теоретическую и методическую.

Главным назначением экспериментов была проверка действительности теоретических положений в их применении на практике. Если теория закономерных соответствий при переводе имеет реальную основу, то она должна оправдывать себя независимо от того, знакомы ли переводчики с этой теорией или нет. Поэтому экспериментальный перевод одного и того же текста проводился и в теоретически подготовленной аудитории, и в аудитории, еще не знакомой с теорией перевода, т.е. на третьем, а частично и на втором курсе переводческого факультета МГПИИЯ.

Следует заметить, что впервые в стенах института переводческий эксперимент был проведен в 1960/61 учебном году в помощь судебной экспертизе по делу о плагиате. Очень кратко результаты этого

¹ Этот материал в сокращенном виде опубликован в «Тетрадах переводчика», № 11, М., 1974.

² «Словарь иностранных слов», 6-е изд. М., «Советская энциклопедия», 1964, с. 744.

эксперимента были описаны в моей статье «Плагиа́т или самостоя́тельный перево́д? (Об одной судебной эксперти́зе)» в «Тетра́дях перево́дчика», № 1, 1963, с. 51—52¹.

В статье отмечалось, что эксперимент, проведенный в массовом порядке на трех факультетах МГПИИЯ, показал закономерность совпадений в переводах и, таким образом, способствовал отмене Городским судом решения суда первой инстанции о наличии плагиата. Более того, результаты эксперимента обнаружили и возможность повторения одних и тех же ошибок у разных переводчиков. А ведь совпадение двух ошибок оказалось чуть ли не решающим аргументом для признания наличия плагиата. Однако когда отрывок английского текста, содержащий это роковое место, одинаково ошибочно переведенное истцом и ответчиком, был дан для перевода семидесяти восьми студентам трех старших курсов переводческого факультета и слушателям Высших педагогических курсов, то в двух работах из 78 оказалась та же самая ошибка.

Проводимые затем в течение трех лет переводческие эксперименты имели иное назначение: главным образом определить, как уже было указано, степень действенности различных положений лингвистической теории перевода. Решение почти каждой переводческой задачи сочеталось с проверкой знаний, умений, способностей и навыков. Иногда методическая цель эксперимента превалировала над теоретической. Соответствующим образом изменялся и порядок проведения эксперимента и охватываемый им контингент учащихся. Была обеспечена максимальная массовость проверки. Был проведен конкурс с обязательным участием в первом отборочном туре всех групп переводческого факультета, изучающих английский язык. В результате экспериментом было охвачено около 250 человек.

Но и каждый из экспериментов, проводившихся в основном с методической целью, совмещал задачи теоретического плана.

Например, отдельные пункты конкурсного задания касались закономерностей использования традиционных эквивалентов в переводе с английского языка на русский. Материалом конкурса были краткие заметки и отдельные фразы, для перевода которых не требовалось знания широкого контекста или обстановки².

В дальнейшем рассматриваются лишь эксперименты, касающиеся положений лингвистической теории.

¹ Статья воспроизводится в журнале переводчиков «Мосты» № 2, 2004.

² Некоторые экспериментальные данные содержатся и в материалах ежегодных конкурсов на лучший письменный перевод, хранящихся на кафедре перевода МГПИИЯ.

§ 14. Экспериментальная проверка закономерности контекстуальных значений

Под контекстуальным (в широком смысле) мы понимаем любое побочное значение иностранного слова, которое не может считаться нормативным и потому не регистрируется в словарях. В широком смысле контекстуальное значение может зависеть от факторов, находящихся за пределами контекста, т.е. от предметной обстановки и речевой ситуации. Казалось бы, что, поскольку в подобных случаях приходится учитывать действие не одного, а целого ряда факторов, трудно обнаружить какие-либо закономерности. Однако результаты экспериментов показали, что даже в неподготовленной аудитории (главным образом студенты III курса, где занятия по переводу на родной язык только начинаются) можно отметить определенный процент совпадений при раскрытии контекстуального значения слова и обнаружить логическую основу правильности найденного решения.

В главе из книги Ф. Л. Аллена "Only Yesterday" о президентских выборах 1928 года в США в качестве одного из важнейших вопросов, вокруг которого развернулась избирательная борьба, указывается так называемый «сухой закон», сторонники какового именовались «сухими», а противники — «мокрыми». Один из районов автор называет *damply urban West*. Подавляющее большинство переводивших, не понимая контекстуального значения этого слова, либо пропускали его, либо давали ошибочный буквальный перевод: *сырой, сыроватый*. Между тем, очевидно учитывая, что *damp* занимает промежуточное положение между *сухим* и *мокрым*, около 10% переводчиков нашли правильное раскрытие данного значения: *склоняющиеся к отмене сухого закона городские районы Запада*. Или правильный по смыслу, но неприемлемый по форме вариант *мокротатые районы*. Поскольку речь идет не о формальных, а о функциональных соответствиях, то варианты, правильно передающие смысловую функцию, можно считать совпадающими. Следует заметить, что степень подготовленности аудитории к переводу в данном эксперименте, проводившемся пять раз на III и IV курсах, не имела значения. На обоих курсах процент правильных переводов был примерно одинаковым.

Как указывалось выше, большое значение для показательности результатов эксперимента имеет массовость наблюдений.

Если в переводе рассмотренного выше примера участвовало около 150 студентов, то эксперименты, проводившиеся по переводу отрывков из книги У. Фостера «Закат мирового капитализма» и из статьи о кризисе 1929 года охватили в общей сложности свыше 350 студенческих работ. Отрывок из книги переводится с 1950 года, статья — с 1947 года. В основном оба текста переводились на III курсе.

Определение final в сочетании final message of Coolidge многие переводили *заключительное послание, последнее послание, завершающее послание*, но более 50% писавших нашли контекстуальное значение: *прощальное послание*, что, конечно, правильно, так как уходящий в отставку президент обращается с прощальным посланием к Конгрессу.

Когда требуется отступить от буквы подлинника из-за несовпадения принятого словоупотребления в английском и русском языках, начинающие переводчики нередко пасуют. Повествуя о разрушительном действии величайшего экономического кризиса 1929 года, Фостер пишет: factories shut down, и 96% писавших переводят: *заводы закрывались* или *фабрики закрывались* и только 4% рискнули написать: *заводы и фабрики закрывались*.

§ 15. Экспериментальная проверка закономерности лексических и грамматических трансформаций

Выше упоминался эксперимент, проведенный комиссией экспертов в связи с делом о плагиате. Решение суда первой инстанции о наличии плагиата основывалось не только на совпадении двух ошибок в переводах истца и ответчика, но также на совпадении так называемых «переводческих находок», т.е. примеров удачного отхода от словарных соответствий. Таких совпадающих «находок» первая экспертиза, проведенная в МГУ, насчитала девять. Между тем, все эти совпадения были по существу логически и стилистически оправданы и почти все подходили под определенные категории лексических и грамматических трансформаций. Эксперты МГУ, не углубляясь в качество, характер совпадений, настаивали на том, что во втором переводе романа «Золотые мили» Катарини Причард якобы слишком большое количество совпадений. Они подсчитали, что одиннадцать глав этого романа содержат 337 000 слов, причем в переводах совпадают 29 000 слов, т.е. 9%.

Для того чтобы проверить, какой процент совпадений характерен для разных переводов одного и того же художественного произведения, комиссия экспертов МГПИИЯ проверила количество совпадений в трех переводах «Ярмарки тщеславия» Теккерея, трех переводах «Госпожи Бовари» Флобера и двух переводах «Тихого американца» Грэма Грина. Были взяты отрывки из этих переводов общим объемом в 500 000 слов, и в результате подсчета обнаружилось, что совпадения лексики составляют от 42 до 60%. Наивысший процент совпадений обнаружен был в высококвалифицированных переводах романа Флобера — в некогда премированном Гослитиздатом переводе М. Ромма и последнем прекрасном переводе Н.М. Любимова. Значительно уступающие по качеству предыдущим все три перевода «Ярмарки тщеславия» (Вл. Штейна, Л. Гей и М. Дьяконова) дали 42% совпадений.

Чем же объяснить, что во втором переводе «Золотых миль» оказалось ничтожное количество совпадений — всего 9%, т.е. в пять — шесть раз меньше нормы?

Очевидно, чем квалифицированнее переводчики, тем выше процент совпадений. Первый переводчик романа Причард (С. Серпинский) вообще не переводчик по профессии, а инженер-химик. Эксперты МГУ, как они сами заявили в своем заключении, не принимали во внимание художественных качеств перевода. Достаточно указать, что в первом переводе «Золотых миль» насчитывалось более трехсот смысловых неточностей и ошибок. Поэтому вполне естественно, что второй перевод, выполненный Т. Озерской, талантливой переводчицей Диккенса, Дж. Лондона, Хемингуэя и многих других английских и американских писателей, содержит 91% лексики, не совпадающей с лексикой первого перевода.

Однако нас, как и судебные органы, больше интересуют совпадения, чем расхождения в переводах. Рассматривая теперь примеры этих совпадений, фигурировавшие в экспертизе 1961 года, мы видим, что большинство из них является примерами трансформационного перевода. Впрочем, надо сразу же признать, что оба переводчика ни в малейшей степени не были знакомы с лингвистической теорией перевода и с теорией трансформаций. Но любой переводчик, обладающий хорошим языковым чутьем, может применять и применяет различные приемы лексических и грамматических трансформаций. Учитывая это обстоятельство, мы проводили эксперимент для выяснения закономерности трансформаций, с одной стороны, в аудитории, еще не знакомившейся с теорией перевода и трансформациями, т.е. на третьем курсе, а с другой стороны, — в аудитории, где эта теория уже известна (IV и V курсы). Были проверены в первую очередь совпадения, инкриминированные ответчику на процессе о плагиате.

In the change room, with the rush of getting out of their working clothes and fighting for the showers, came renewed energy. The fresh air revived most of the men, and the thought of beer at the nearest pub stimulated sluggish pulses. (K. Pritchard. *The Golden Miles*)

Вместо *мысль о пиве* в обоих переводах было: *мысль о кружке пива*, и эта злополучная добавленная *кружка* и была сочтена на процессе за признак плагиата. Однако при повторном эксперименте, проведенном в ноябре—декабре 1972 года, *кружка* появилась у 93% студентов III курса и 96% учащихся IV и V курсов, тогда как в 1962 году в более разнородной аудитории переводчиков средний процент переводов с добавлением слова *кружка* равнялся 82%. Пиво пьют кружками, и это добавление здесь так же закономерно, как и другие разновидности лексических трансформаций в процессе перевода.

Несколько сложнее второй пример совпадений. Жена шахтера обращается к недавно приехавшей в поселок. Для передачи разговорного стиля речи вряд ли можно было использовать те варианты перевода фразеологической единицы *free and easy way*, которые дают словари: *непринужденный, чуждый условностей*. Поэтому у обоих переводчиков появился один и тот же антонимический вариант.

I am pleased to meet you, Mrs de Morfé. Will you come in? It's such a hot morning, and your husband knows our free and easy way on the goldfields.

— Очень рада познакомиться с вами, миссис Морфе. Прошу вас, пройдите в дом. Сегодня такое жаркое утро... Ваш муж знает, что у нас здесь попросту, без церемоний.

— Я рада познакомиться с вами, миссис де Морфе. Не хотите ли войти в дом? Такое жаркое утро... Ваш муж знает, что у нас здесь просто, без церемоний.

Совпадение выражений *у нас здесь просто (попросту), без церемоний*, действительно, может показаться на первый взгляд подозрительным, но такой перевод, конечно, подсказан речевой ситуацией. При проведении экспериментальной проверки в 1972 году студенты были предупреждены, что это слова простой женщины, жены шахтера. В результате у 51 из 80 переводивших (студентов III, IV и V курсов), т.е. в 63% переводов оказался один и тот же антонимический вариант. При этом знание теории, т.е. приема антонимического перевода, очень мало сказалось на результате эксперимента: у третьекурсников, не знакомых с теорией, тоже почти 60% работ были с антонимическим переводом.

[Хотелось бы, чтобы из этого замечания читатель не сделал ошибочного вывода, будто знание теории перевода обязательно для умения хорошо переводить практически. Стоит иметь в виду, что Я.И. Рещер проводил свои эксперименты не с любыми желающими, а со студентами старших курсов переводческого факультета — в большинстве своем выпускниками специальных языковых школ, прошедшими труднейший конкурс при поступлении в ведущий столичный вуз и получившими за первые годы обучения там очень серьезную языковую и общелингвистическую подготовку. Неудивительно, что очень многие из них интуитивно выбирали варианты, рекомендуемые теорией перевода. Но даже и таким сильным студентам, обладающим переводческим чутьем, теория перевода была необходима для того, чтобы превратить их интуицию в твердые знания, придать этим знаниям системную основу и вооружить учащихся методами решения еще более серьезных переводческих задач.]

Любопытно, что ни в одной из 80 работ не была опущена деталь *on the goldfields*, но это вполне объяснимо. Когда переводится весь роман, действие которого происходит на золотых приисках, то читателю

это хорошо известно, и нет необходимости напоминать ему об этом на каждом шагу. Поэтому оба переводчика романа опустили эту часть фразы. Переводившие в ходе эксперимента только приведенный выше отрывок, естественно, не имели оснований что-либо опускать. Эксперимент показал закономерность антонимического приема, важность которого подчеркивал в своей книге К. И. Чуковский¹.

Разумеется, далеко не всегда спасительная сила этого приема лежит на поверхности и доступна каждому переводчику. В книге Аллена "Only Yesterday" соперник Гувера республиканец Альфред Смит характеризуется автором как a genial son of the East Side. Текст переводили за последние восемь лет свыше двухсот студентов, и во всех работах попадались эпитеты, не характерные для политического деятеля: *веселый, жизнерадостный, радушный сын Ист-Сайда*. Непонятно, почему выходец из беднейшего района Нью-Йорка должен быть жизнерадостным. Но когда по совету преподавателя некоторые студенты заглянули в словарь синонимов Роже², где среди нескольких десятков синонимов слова genial приводятся unrepining и optimistic, то у двоих из них появился вполне осмысленный, с учетом реальной ситуации, перевод: *неунывающий сын (выходец из) Ист-Сайда*. И, действительно, нужно обладать изрядным запасом напористости и оптимизма, чтобы, выйдя из низов, пробиться в губернаторы Нью-Йорка и в кандидаты на пост президента США. Этот антонимический перевод является примером сложной операции логического развития понятия.

Когда перевод требует употребления приемов дифференциации, конкретизации и генерализации в рамках наименее сложной формально-логической категории подчинения, то процент совпадений бывает значительным — от 75 до 90%. Иное положение создается, когда перевод требует более сложных приемов лексической трансформации, укладывающихся в рамки категорий переименования и внеположенности, т.е. приемов логического развития, целостного преобразования и компенсации. Здесь процент совпадения переводов падает до 10–5%, особенно, когда применение этих приемов является факультативным, наряду с возможным, но далеко не лучшим «прямым» переводом.

Как было отмечено, право на обобщение результатов эксперимента дают лишь в достаточной степени массовые наблюдения.

Большую роль в экспериментальной работе могут играть стабильные тексты контрольных работ по переводу, проводившиеся в течение ряда лет и хранящиеся на кафедре вуза или у преподавателей.

¹ К. Чуковский. Высокое искусство (О принципах художественного перевода). М., 1964, с. 116.

² P. Roget. Thesaurus of English Words and Phrases. Lnd., 1962.

К сожалению, постановка массовых экспериментов сопряжена со значительными трудностями организационного порядка. Рассматриваемые далее опыты проведены в аудитории численностью в 60–70 человек, и все же результаты достаточно показательны.

§ 16. Экспериментальная проверка учета установки на получателя перевода

Пожалуй, этот вид эксперимента более всего рассчитан на проверку результатов обучения переводу и, следовательно, должен проводиться в подготовленной аудитории. Установка на адресата, получателя перевода, или, как это принято называть, прагматический аспект перевода, требует учета тождественности эффекта, производимого оригиналом и переводом. Особенно важно добиваться тождества или, если это недостижимо, хотя бы аналогичного воздействия перевода, когда подлиннику присущи некоторые специфические черты, характерные для стиля подлинника и явно противопоставленные русскому языку. Конечно, если эти черты относятся к арсеналу средств автора и являются одной из особенностей его индивидуального стиля, переводчик вынужден считаться с этим и по мере возможности их передавать.

Иное дело, если такие особенности свойственны вообще данному языку или даже данному жанру материалов. Можно указать, например, на присущую в равной мере английским беллетристам и публицистам манеру втискивать длинный перечень разнородных моментов повествования или описания в крупное синтаксическое целое, ничуть не заботясь о сколько-нибудь логической последовательности частей этого целого. Если бы переводчик передал такой период, сохранив «рассудку вопреки» порядок следования элементов оригинала, любой читатель заподозрил бы его в искажении подлинника. Опыт показывает, что даже не будучи предупреждены о подобном подводном камне в английских текстах, некоторые переводчики все же пытаются перегруппировать члены перечисления, чтобы привести их в соответствие с логикой. Однако процент таких переводов резко повышается, если эксперимент проводится в аудитории, заранее ознакомленной с этим явлением. Два текста, один из романа Бэрдика и Уилера, другой из газетной статьи, каждый примерно одинаковой структуры и равного объема (около 60 слов), переводили студенты трех курсов, уже знающие в самых общих чертах условия «установки на получателя перевода». Другими словами, они знали, что тот, кто будет читать их перевод, не имея возможности сравнить его с подлинником, должен, прежде всего, поверить в точность и правильность передачи мыслей автора. И конечно, малейшее отступление от логики и правдоподобия в русском тексте может вызвать недоверие к переводчику.

При анализе результатов эксперимента нужно учитывать, что второй текст переводился теми же студентами через четыре месяца после первого текста и что перед повторным экспериментом никаких предупреждений и напоминаний об особенностях работы не делалось. Всего было получено 63 перевода первого текста и 68 переводов второго.

Knapp was one of the new breed of scientists who, after World War II had become a scientist-inventor-businessman... He was a man of black coffee, hurried airplane flights, phone calls, technical drawings, intuitions about amperage and voltage, vast unanswered correspondence, harassed secretaries, rumpled suits, and a burning attention for only one thing, his scientific work. (E. Burdick and H. Wheeler. Fail-Safe)

Только в 18 переводах из 63-х была произведена перегруппировка членов предложения в соответствии с их смысловым содержанием. Вот типичный образец перевода, в котором сохранен нелогичный порядок перечисления характерных черт Кнаппа,

... Это был человек, для которого были характерны наскоро выпитая чашечка черного кофе, поспешные вылеты по первому телефонному вызову, технические чертежи, большая интуиция в области вольтжа и ампеража, груды ждущей ответа корреспонденции, сбившиеся с ног секретари, всегда помятый костюм и жгучий интерес только к одному — к своей научной работе.

Все же около трети писавших учли алогичность такого порядка и перегруппировали члены этого периода, причем резко выделились два варианта перевода: глагольный и номинативный. Далее приводятся оба варианта.

... Для этого человека было характерно бесчисленное количество чашечек черного кофе, сбившиеся с ног секретарши, горы ожидающей ответа корреспонденции, спешка на очередной рейс самолета в неотутюженном костюме с рулоном чертежей подмышкой, телефонные вызовы, поразительное чутье к определению электротехнических параметров и жгучий интерес только к одному на свете: к своей научной работе.

Совершенно очевидно, что перегруппировка ликвидировала ряд нелепостей, в частности, упоминание о «помятом костюме» между чертами его профессиональной характеристики. А вот и глагольный вариант:

... Это был человек, который, наскоро проглотив чашечку черного кофе, и не подумав сменить помятый пиджак, по срочному вызову мчался с чертежами в портфеле на аэродром, оставив позади сбившихся с ног секретарш и целый ворох ожидающей ответа

корреспонденции, человек, обладавший редким даром в области электротехники и одержимый единственной страстью — к своей научной работе.

Следует отметить, что почти 90 процентов переводов содержат добавление: *чашечку кофе* (сравните с *кружкой пива* в переводах из романа «Золотые мили») и почти 70% писавших применили генерализацию, заменив *вольты и амперы* — *электротехникой*.

Четыре месяца спустя, в марте 1973 года, был проведен второй эксперимент на аналогичном по структуре материале, причем из 68 переводивших 57 участвовали и в первом эксперименте, описанном выше. Материалом послужил отрывок из газетной статьи, и в ней еще более выпукло выделяется полное отсутствие логической последовательности в перечне особенностей, характеризующих Сан-Франциско в апреле 1945 года. Рассказывает английский журналист, присутствовавший на учредительном собрании Организации Объединенных Наций в оперном театре Сан-Франциско 25 апреля.

San Francisco at last: fruit, dazzling lights, steaks, sunshine, private cars, long menus, second helpings, beaming shop assistants, glistening white buildings, men in unpatched shirts, women in flowery hats, girls in flouncy dresses — every day in the city seemed a wedding feast. (Iverach McDonald)

Нелепость этого перечня бросается в глаза. Например, чего стоит упоминание об ослепительных огнях (очевидно реклам) рядом с солнечным светом, или о бифштексах, мужчинах в незалатанных рубашках и девушках в платьях с оборками? И все же почти 50% переводивших не сочли нужным учесть, какой эффект произведет дословная передача этого описания на читателя, и не потрудились хоть скольконибудь привести этот перечень в соответствие со здравым смыслом. А в сущности, именно в этом и заключается установка на прагматический аспект перевода. Пожалуй, нет необходимости приводить пример буквалистического перевода. Каждый может мысленно воспроизвести его, и стоит, пожалуй, лишь отметить, что если варианты адекватного перевода отличаются довольно значительно один от другого, то буквальные переводы почти совпадают. Разве что вместо *оборок* фигурируют *воланы*. И то, и другое значение приводится в словарях. Адекватные переводы, кроме логической перегруппировки членов перечисления, характеризуются применением различных приемов лексической трансформации, главным образом генерализации, которая крайне необходима для придания переводу правдоподобия. Вот, пожалуй, один из лучших переводов приведенного выше отрывка:

И вот, наконец, мы в Сан-Франциско — городе солнца, ослепительно белых зданий, частных автомобилей, неизменно улыбающихся продавщиц. Повсюду фрукты, в ресторанах — бифштексы и все, что душе угодно. На улицах вечером — ослепительные огни реклам, толпы нарядных женщин в шляпках с цветами, девушек в воздушных платьях, мужчин, одетых с иголочки. Каждый день в этом городе казался нам бесконечным праздником.

В этом переводе все поставлено на свое место: *город солнца* в Калифорнии по вечерам залит *ослепительными огнями реклам*. Вместо *повторных порций* — *все, что душе угодно*. Такой же прием генерализации применен и в переводе следующих словосочетаний: *одетые с иголочки* и *в воздушных платьях*. Снято и упоминание о *свадебном* празднестве, что также вполне закономерно.

Тот факт, что из 57 человек, участвовавших в эксперименте повторно, только 19 помнили через четыре месяца об установке на получателя перевода, говорит о недостаточной профессиональной подготовке даже выпускников. Из одиннадцати, участвовавших в эксперименте, впервые перегруппировку выполнили лишь двое.

[К сказанному следует добавить, что необходимость логически упорядочивать элементы случайного перечисления в переводе может ограничиваться одним фактором — сознательным стремлением автора проинформировать на читателя впечатление пестроты, калейдоскопичности, быстрой смены образов. В наши дни эта тенденция подкрепляется еще и модой на «клиповую» подачу образов в теле- и кинопродукции, когда на экране быстро мелькают короткие кадры съемок различных лиц и предметов, сделанных с разных ракурсов.

Такая тенденция отразилась и на русской письменной речи, поэтому не вполне логичное перечисление каких-то деталей уже не воспринимается читателями так, как несколько десятилетий назад. Задача переводчика — понять, является ли «нелепый» перечень следствием элементарной небрежности автора или литературным приемом, нацеленным на создание у читателя определенного впечатления. В последнем случае имеются основания сохранить такой авторский прием в переводе.]

Конечно, эксперимент с такой сложной установкой интересно было бы повторить в более многочисленной аудитории.

Любопытную оценку значения лингвистического эксперимента мы находим в уже упоминавшейся нами статье Ю.Д. Апресяна. Стоит привести эту оценку полностью. «Нельзя, конечно, сомневаться в важности объективных данных; однако даже самый обширный словарь и самая богатая картотека не освобождают исследователя семантики от необходимости присоединять к объективным данным свой (и чужой) субъективный опыт. Субъективный опыт, менее представительный, чем словари и картотеки, обладает перед последним и тем бесспорным

преимуществом, что открывает возможность не только наблюдать, но и экспериментировать — возможность, которую высоко ценили такие тонкие знатоки фактов, как А.М. Пешковский и Л.В. Щерба. В эксперименте богато представлен «отрицательный языковой материал» (Л.В. Щерба), уникальный в том отношении, что он во много раз скорее и эффективнее, чем тексты, позволяет установить существенные элементы значения слова»¹.

Сказанное в полной мере можно отнести и к переводческим экспериментам, в частности, устанавливающим закономерности раскрытия значений слов и применения различных приемов трансформации.

¹ Ю.Д. Апресян. О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики. «Вопросы языкознания», 1971, № 1, с. 34.

Глава третья. Грамматические трансформации и перевод некоторых синтаксических конструкций

§17. Грамматическая форма и синтаксическая конструкция

В практике перевода грамматические трансформации обычно сочетаются с лексическими. Во многих случаях изменение конструкции предложения вызывается лексическими, а не грамматическими причинами. Поскольку коммуникативная нагрузка предложения чаще всего требует тщательного выбора слова (или нескольких слов), чтобы получить правильное и точное отражение в переводе, то (как будет видно из дальнейших примеров) решение переводческой задачи зависит и от удачного выбора **формы** слова, его грамматической категории. Замена английского или французского существительного русским глаголом в переводе может повлечь за собой изменение всей структуры предложения. И все же и с практической точки зрения, не говоря уже о теоретической, целесообразно рассматривать грамматические трансформации отдельно, абстрагируясь до известной степени от лексического наполнения конструкций.

Грамматические соответствия между языками разных систем в подавляющем большинстве случаев могут быть только функциональными, зависящими от ряда переменных факторов. Но даже когда найдена оптимальная структура предложения в переводе с учетом всех факторов (подробно об этом далее), то возникает немаловажный вопрос о выборе наилучшего порядка слов, вернее, порядка следования членов предложения. При переводе на русский язык это в основном стилистическая проблема, требующая рассмотрения не столько в лингвистическом, сколько в литературоведческом плане.

Профессиональный квалифицированный перевод начинается со стадии, когда иноязычное предложение уже осмыслено переводчиком, а следовательно, его грамматическая структура раскрыта. Неважно, будет ли это беспереводное понимание или нечто вроде диффузного, неоформленного перевода. Сходство между синтаксическими конструкциями английского и французского языков, с одной стороны, и русского, с другой, нередко дает возможность дословного перевода: без изменения структуры предложения и без существенного изменения порядка слов. Однако под влиянием различных факторов

переводчик вынужден прибегать к грамматическим трансформациям, важнейшие из которых состоят в полной или частичной реконструкции предложения, в замене частей речи и членов предложения в переводе. Нередко трансформация необходима даже при наличии в русском языке аналогичной структуры.

Грамматическая форма и синтаксическая конструкция не мыслятся в процессе перевода как нечто самостоятельное, в отрыве от их лексического наполнения. Однако разнообразие грамматических средств дает возможность их использования для выделения и усиления определенных элементов высказывания. Это осуществляется не только эмфатическим построением предложения, но и выбором конструкции определенного типа, создающей наивыгоднейшие условия для наиболее рельефного выражения мысли.

При переводе английского или французского текста, будь то художественный, публицистический или даже газетный текст, приходится неизмеримо чаще задерживаться на значении отдельных слов и словосочетаний, чем на грамматической структуре предложения. Только особенности стиля писателя с яркой индивидуальностью могут представлять серьезную проблему при переводе. Подавляющее большинство синтаксических конструкций английского и французского языков настолько близки русским или так легко передаются привычными русскими аналогами, что не представляют особой проблемы для грамотного переводчика.

Иное дело перевод произведений со стилистически усложненным синтаксисом таких писателей, как Диккенс или Генри Джеймс — авторов XIX века, Хемингуэй или Фолкнер — XX века. Развернутые периоды в их произведениях, каждый из которых может содержать десятки слов, всегда представляют собой сложное стилистико-синтаксическое целое, и здесь лингвистика бессильна без тщательного литературоведческого анализа, а именно анализа идейно-художественных особенностей творчества данного писателя в целом.

Учебные пособия по переводу, рассматривающие приемы передачи грамматических форм и синтаксических конструкций, рассчитаны в основном на изучающих иностранный язык или на обучающихся переводу параллельно с изучением иностранного языка.

Лишь небольшая часть структур английского и французского языков может представлять теоретический интерес для переводчика. Это такие синтаксические конструкции, которые обладают дополнительными внутренними свойствами семантического и стилистического характера. Это структуры, которые в работе С. Кацнельсона «Типология языка и речевое мышление» причисляются к области «скрытой грамматики». К таким структурам относятся абсолютные конструкции в английском и французском языках. Анализ текста романов

Хемингуэя «Фиеста» и «По ком звонит колокол» показывает, что в каждом сложном синтаксическом целом этих книг видное место неизменно занимают абсолютные обороты. Они пронизывают ткань периода и своей необычностью по сравнению с их привычным использованием другими авторами заставляют задуматься над их семантической и стилистической функциями. Правда, в общем строе языка Хемингуэя эти обороты довольно редки. Но своим присутствием в составе большого периода они несомненно влияют на содержание всего синтаксического целого.

Нельзя пройти мимо того факта, что в известных новейших работах по теории перевода большое место занимают вопросы грамматики. Например, в работах Ю. Найды и Дж. Кэтфорда. Особенно у первого, чья теория так определенно нацелена на практику перевода (перевода Библии на экзотические языки).

Основой соприкосновения теории с практикой в «методе непрямого переключения» Ю. Найды и Ч. Тэйбера¹ является процесс «обратной трансформации структур с поверхностного до околядерного уровня»². Однако если при помощи метода обратной трансформации можно осуществлять синтаксический анализ процесса перехода структуры ИЯ в структуру ПЯ, то этот метод уже в силу своей громоздкости окажется непригодным в практике перевода. Хотя, по словам Ю. Найды, «тщательное исследование ядерных структур ряда различных языков обнаруживает поразительные формальные соответствия»³, «синтаксические универсалии», на которые ссылается автор, например, переходность и непереходность глаголов, предикативность и пр., часто оказываются настолько несоизмеримыми в разных языках, что их сопоставление скорее затрудняет, чем облегчает практику перевода.

В процессе перевода, например, с английского языка на русский переходному английскому глаголу может вовсе не соответствовать русский переходный глагол, если в английском предложении подлежащее выражено абстрактным именем существительным. И даже анализ, проведенный по выдвинутым Ю. Найдой четырем основным семантическим категориям: предмет — процесс — признак — отношение (в цитируемой статье из «Вопросов языкознания» эти категории переведены буквально: объект — событие — абстрактное понятие — связующие элементы), не решает вопроса о замене структуры предложения при переводе.

Функциональный принцип передачи синтаксических конструкций в переводе основывается на определяющей роли функции предложения в семантическом и экспрессивно-стилистическом отношении. «Предложение обладает определенной языковой формой, и как

¹ См. E. Nida, Ch. Taber. *The Theory and Practice of Translation*. Leiden, 1969.

² Ю.А. Найда. Наука перевода. «Вопросы языкознания», 1970, № 4.

³ Там же, с. 8.

все другие языковые формы, оно представляет собой факт языка, а не факт речи... Но не форма, а функция делает предложением сочетание слов», — писал А. Гардинер¹. Формой, типом предложений европейские языки поразительно похожи друг на друга. Поэтому в переводческой практике крайне редки ошибки из-за непонимания структуры предложения. Разумеется, это относится к квалифицированным переводчикам, свободно владеющим иностранным языком.

Даже синтаксические конструкции английского языка, не имеющие формального соответствия в русском языке, в большинстве случаев не представляют серьезных затруднений для квалифицированного переводчика. Элементарного знания английской грамматики достаточно, чтобы найти замену герундиального комплекса или конструкции с перфектным инфинитивом. Иное положение создается, когда на синтаксическую структуру наслаивается дополнительная функция, смысловая или экспрессивно-стилистическая. Смысловые функции грамматических форм и синтаксических конструкций рассматриваются грамматикой, где, как например, в «Грамматике английского языка» Л.С. Бархударова и Д.А. Штелинга, нередко делают очень полезные для переводчика сопоставления с русским языком.

§ 18. Грамматические трансформации

Грамматические трансформации заключаются в преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами ПЯ. Трансформация может быть полной или частичной в зависимости от того, изменяется ли структура предложения полностью или частично. Обычно, когда заменяются главные члены предложения, происходит полная трансформация, если же заменяются лишь второстепенные — частичная. Кроме замен членов предложения, могут заменяться и части речи. Чаще всего это происходит одновременно.

Важно учитывать все факторы, которые могут влиять на применение грамматических трансформаций, а именно:

- 1) синтаксическую функцию предложения;
- 2) его лексическое наполнение;
- 3) его смысловую структуру;
- 4) контекст (окружение) предложения;
- 5) его экспрессивно-стилистическую функцию.

Как уже упоминалось, синтаксические функции иноязычного предложения, нередко в сопоставлении с русским предложением, рассматриваются нормативной грамматикой. Однако грамматики, построенной на лексико-грамматических, понятийных категориях, пока

¹ Цит. по: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», с. 321.

не существует, а именно такая сопоставительная грамматика была бы своеобразным грамматическим словарем для переводчика. Достаточно сопоставить элементарное различие в грамматическом оформлении категории принадлежности в английском и русском языках, чтобы понять полезность такой грамматики. В зависимости от лексического наполнения английских предложений с *to have* в русском языке будет фигурировать либо односоставное, либо двусоставное предложение. Если дополнение выражено конкретным существительным, в русском предложении будет односоставная структура: *I have a dog. У меня есть собака. He has many friends. У него много друзей. They have a new flat. У них новая квартира.* Напротив, если дополнение в английском предложении выражено абстрактным именем существительным, то обычно в русском — двусоставная структура: *He had the courage to avow. Он имел мужество сознаться. He had the cheek to object. Он имел наглость возражать. I have the honour to greet you. Честь имею приветствовать вас.*

[Читателю следует иметь в виду, что Я.И. Редкер пользуется специфической трактовкой понятий односоставности и двусоставности. Он считает конструкцию *У меня есть собака* односоставной по структуре предложения, а *Он имел мужество сознаться* — двусоставной. Однако согласно другой и, по-видимому, более распространенной точке зрения, обе эти структуры являются двусоставными.

Для переводчика основное значение имеет не столько односоставность или двусоставность предложения, сколько те случаи, когда формально-синтаксическая (поверхностная) структура предложений не совпадает с логической (ядерной). Так, в предложении *У меня есть собака* логический объект предикации обладания (*собака*) является формальным подлежащим, предикация обладания выражена глаголом существования (*есть*), а логический субъект предикации, владелец объекта, представлен формальным обстоятельством (*у меня*).

Аналитическая работа переводчика над синтаксической структурой предложения складывается из двух этапов: ее анализа в сопоставлении с логической (ядерной) структурой высказывания и учета того узуса, который формирует предпочитаемую поверхностную конструкцию для выражения той же мысли на языке перевода.]

Смысловая структура предложения требует трансформации, когда подлежащим английского предложения является абстрактное понятие:

Long habit has made it more comfortable for me to speak through the creatures of my invention. I can decide what they would think more readily than I can decide what I think myself. (W. Somerset Maugham. The Summing Up)

В силу долголетней привычки мне удобней высказываться через посредство вымышленных мною людей. Решать, что они подумали бы, мне легче, чем решить, что думаю я сам. (У. Сомерсет Моэм. Подводя итоги. Пер. М. Лорие)

Первое предложение трансформировано. Второе полностью воспроизводит структуру подлинника, если отбросить ненужный в русском языке модальный глагол, соответствующий английскому *can*.

В следующем примере также потребовалась замена подлежащего и сказуемого в переводе, так как сила природы могла бы быть «деятелем» лишь в аллегории:

On July 8, 150 years ago, a storm blew up off Leghorn, Italy, and drowned Shelley who was sailing in his small schooner, Ariel. (*Morning Star*)

150 лет тому назад, 8 июля, на море, близ итальянского города Ливорно, поднялась буря, и Шелли, плывший на своей крошечной яхте «Ариэль», утонул.

В переводе следующего французского предложения достаточно частичная трансформация, а именно замена частей речи:

Il ne s'était jamais senti ni si nu, ni si seul de sa vie. (G. Simenon. *Le train de Venise*)

Никогда еще Кальмар так остро не ощущал своей наготы и своего одиночества. («Иностранная литература», 1967, № 8)

Логическая структура предложения может требовать от переводчика не только изменения, но и сохранения иноязычной конструкции, когда это связано с точностью передачи логического ударения. Например, в переводе известного изречения Ларошфуко:

Nous avons tous assez de force pour supporter les maux d'autrui.

У нас у всех хватает сил, чтобы переносить несчастья ближнего.

Ударение должно здесь оставаться на последнем слове. Или в переводе следующего изречения:

La vérité n'est qu'un vain bruit de mots pour les hommes auxquels on l'impose. (A. France)

Истина — лишь пустой звук для тех, кому ее навязывают силой.

Контекстуальное окружение предложения также может требовать его грамматической трансформации в переводе. Чаще всего это наблюдается при переводе английских периодов или ряда предложений, начинающихся с одного и того же личного местоимения. Стилистическая норма английского языка не запрещает подобного единоначатия даже в художественной прозе. По-русски подобная монотонность построения была бы недопустима.

He sat now by the stream watching the clear water flowing between the rocks... He crossed the stream... He knelt by the stream and, pushing his automatic pistol around on his belt... he lowered himself with a hand on each of two boulders and drank from the stream. (E. Hemingway. *For Whom the Bell Tolls*)

Хотя такое построение периода с повтором личного местоимения характерно для стиля Хемингуэя, третье предложение в переводе пере-строено:

Он сидел у ручья, глядя, как прозрачные струйки бегут между камнями... Он перешел ручей... Потом он встал на колени, передвинул револьвер, висевший на поясе, на спину, пригнулся, упираясь руками в камни, и напился из ручья. (Э. Хемингуэй. *По ком звонит колокол*. Пер. Н. Волжиной и Е. Калашниковой, Собр. соч., т. III)

Пожалуй, наиболее распространенным приемом грамматических трансформаций следует считать замену английских и французских существительных русскими глаголами. Это явление связано с богатством и гибкостью глагольной системы русского языка. Взять хотя бы префиксальные глаголы, близкие по значению, но не имеющие прямых соответствий ни в английском, ни во французском языке: *ждать, ожидать, поджидать, выжидать; умереть, помереть, обмереть, замереть; забыть и позабыть*.

Замена существительного глаголом может требоваться по различным причинам и из-за отсутствия соответствующего существительного в русском языке, и из-за необходимости изменить построение предложения в соответствии с нормами русского языка.

Drowning is the biggest killer of children and young people in twenty-one countries, according to a World Health report published in Geneva yesterday.

От глагола *утонуть* существительного действия нет, поэтому замена при переводе неизбежна. Можно использовать личную форму глагола *тонут*, но, очевидно, лучшим вариантом будет причастие:

По данным отчета Всемирной организации здравоохранения, опубликованного вчера в Женеве, из числа детей и подростков, погибающих от несчастных случаев в 21 стране, наибольший процент приходится на утонувших.

Three hundred building workers employed on the construction of Fylingsdales. (Yorkshire) early-warning station went on strike over a bonus claim. (*Morning Star*)

Хотя claim имеет русское соответствие — *требование*, но без глагола в этой фразе его употребить невозможно (*предъявили требование, выдвинули требование*). Лучше всего заменить существительное глаголом:

Триста рабочих, занятых на строительстве радарной установки в Файлингседейл (графство Йоркшир), забастовали, требуя выплаты премиальных.

В процессе перевода прилагательные могут заменяться существительными, глаголами и наречиями. Таким же заменам иной раз подвергаются причастия II в атрибутивной функции.

В переводе американских реалий *white schools*, *white churches*, *lily-white jury* прилагательные заменяются существительными: *школы для белых*, *церкви для белых*, *присяжные заседатели, среди которых нет негров*.

[Сейчас эти реалии стали, конечно, историческими, так как расовая сегрегация в США давно упразднена. Но прилагательные *black* и *white* по-прежнему употребляются применительно к организациям и инициативам расовых групп, например *Black Broadcasters Alliance* — *Союз чернокожих работников радиовещания*, *National Black MBA Association* — *Национальная ассоциация чернокожих магистров делового управления*, *Black History Month* — *месячник негритянской истории* и т.п. *A majority black (или white) district* — *это район с преобладанием негритянского / чернокожего (или белого) населения*.

Попутно отметим, что принадлежность к белой расе в официальных контекстах обозначается ныне уже не словом *white*, а словом *Caucasian*. Это слово — «ложный друг» переводчика, поскольку применительно к жителям западных стран оно может означать только представителя белой (европеоидной) расы в отличие от других рас. Хотя значение «кавказец» у этого слова тоже имеется, оно актуализируется только при поддержке соответствующего контекста (т.е. когда в тексте упоминается регион или народы Кавказа).]

Реже приходится заменять прилагательное глаголом:

As to Monsieur de Balzac, his manners were deplorable.
(W. Somerset Maugham. *Ten Novels and Their Authors*)

А манера держаться у мсье де Бальзака была хоть плачь.

Прилагательные в переводе чаще всего заменяются наречиями. Эта грамматическая трансформация обычно связана с распространенным в английской художественной прозе, а отчасти и в публицистике явлением переноса эпитетов:

Lord Nesby stretched a careless hand. (W. Somerset Maugham. *Theatre*)

Лорд Несби небрежно протянул руку.

Poirot waved an eloquent hand. (A. Christie. *Evil under the Sun*)

Пуаро картинно помахал рукой.

The Democrats, cheered by striking gains in the November elections, were casting a hopeful eye toward 1932. (F. L. Allen. *Only Yesterday*)

Ободренные победой на выборах (1930 года), демократы с надеждой готовились к выборам 1932 года.

В последнем примере предложное сочетание в обстоятельственной функции применено вместо прилагательного.

Можно наблюдать и противоположную тенденцию, когда английские наречия в переводе заменяются другими частями речи. Иногда это происходит из-за отсутствия или неупотребительности русского наречия. Так, например:

The accusation has been disproved editorially. (The Guardian)

Обвинение было опровергнуто в передовой статье.

Рассказывая о начальном периоде внедрения автомобиля в американский быт, автор капитального труда по социальной истории США Дж. Фернес говорит:

Yet the eventual popularity of the automobile depended abjectly on the improvement over the solid rubber tire, even though it was disastrously prone to blowouts, punctures and slow leak. (J. C. Furnas. The Americans. A Social History of the United States)

Поскольку наречие *abjectly* в словарях отсутствует, приходится отгадываться от прилагательного *abject*. БАРС приводит два значения *abject*: 1. жалкий, презренный, низкий; 2. униженный, доведенный до нищеты. Ни одно из этих значений в данном контексте не подходит, так как зависимость распространения автомобиля от усовершенствования шин не может быть охарактеризована ни одним из перечисленных слов. Ведь *abjectly* передает реакцию тех, кто был заинтересован в массовом распространении автомобиля. Скорее всего это препятствие могло вызвать у этих людей чувство досады. Словарь синонимов Роже дает веское основание считать ближайшим синонимом *abject* — *odious ненавистный*, а стало быть, вызывающий досаду. Тогда можно прийти к такому переводу:

Как это ни досадно, но растущая популярность автомобиля натолкнулась на препятствие: на необходимость замены сплошных резиновых шин надувными баллонами, хотя последние обнаруживали катастрофическую склонность лопаться, получать проколы и выпускать воздух.

Даже при наличии русского наречия, соответствующего английскому, следует подчас заменять его из-за различий в употреблении или контекстуальной несовместимости. О велосипеде 70-х годов XIX века Дж. Фернес говорит:

But it was then solid-tired and grotesquely composed of one five-foot wheel and one tiny one.

Но в те времена у велосипеда был нелепый вид: одно его колесо имело в диаметре 5 футов, а другое было крошечное.

В следующем примере, хотя соответствующие русские наречия имеются, замена все же неизбежна, так как ни *персонально*, ни *лично*, ни *политически* в данном контексте не пригодны:

From the very time Ross has taken his seat ... he made it clear that he was not in sympathy with Andrew Johnson personally or politically. (J. F. Kennedy. *Profiles in Courage*)

С первых же дней, когда Росс занял свое место в сенате, ... он не скрывал, что Эндрю Джонсон ни как человек, ни как политический деятель не внушает ему ни малейшей симпатии.

Иногда английское наречие обозначает не признак действия, к которому оно относится, а переживание или душевное состояние производителя действия. В таких случаях также нужна замена.

"I'll just have a word with her first and then she can go off to bed. Rather cruel to keep an old lady like that up," said Inspector Carry virtuously. (A. Christie. *They Do it with Mirrors*)

— Сперва я хочу поговорить с ней, а потом она может лечь спать. Это бесчеловечно держать так поздно на ногах пожилую леди, — сказал гуманный инспектор Керри.

Замена английских существительных глагольными формами в переводе имеет под собой глубокие корни, а именно — преобладание номинативного начала в структуре английского предложения. Это особенно заметно в доминирующем положении абстрактных существительных. По словам О. Есперсена, «абстрактное существительное — это название того, что может рассматриваться в качестве атрибута чего-либо другого», тогда как «конкретное существительное — это название того, что не может рассматриваться в качестве атрибута чего-либо другого»¹.

«Когда мы выражаем существительными то, что обычно выражается предикативными формами глагола, наш язык становится не только более абстрактным, но и мало понятным; наряду с другими обстоятельствами этому способствует еще и то, что в отглагольном существительном исчезает ряд животворящих моментов глагола (время, наклонение, лицо). Поэтому именной стиль может быть уместен в философии, но и там он иногда только облекает простые мысли в тогу глубокой мудрости; в повседневной же речи он оказывается мало применимым»².

Можно было бы привести многочисленные примеры номинативного построения газетных заголовков, представляющих собой загадку и нередко способных ввести в заблуждение читателя, не удосужившегося прочитать статью или заметку. Vatican Protest вовсе не означает

¹ О. Есперсен. Философия грамматики. М., Изд-во иностранной литературы, 1958, с. 158.

² Там же, с. 158.

протест Ватикана, а напротив, *протест против назначения посла США в Ватикан*. Здесь краткость заголовка явно достигается за счет ясности. А всякий перевод должен прежде всего отвечать двум требованиям: точности и ясности, а уж затем, при соблюдении первых двух требований, и краткости.

Есперсен приводит пример двусмысленности английской номинативной конструкции, цитируя Ходжсона:

An attorney, not celebrated for his probity, was robbed one night on his way from Wicklow to Dublin. His father, meeting Baron O'Grady the next day, said: "My lord, have you heard of my son's robbery?" "No, indeed," replied the Baron, "pray, whom did he rob?"¹

Адвоката, не отличавшегося особой честностью, однажды ночью ограбили, когда он ехал из Уиклоу в Дублин. На следующий день его отец, повстречавшись с бароном О'Грэди, спросил его: «Вы слышали, милорд, об ограблении моего сына?» «Нет, не слыхал», — ответил барон. — «А кого он ограбил?»

Конечно, по-русски такой вопрос не совсем естественен, так как *ограбление моего сына* недвусмысленно означает родительный объекта, тогда как английское сочетание *my son's robbery* может иметь обе функции: и субъекта, и объекта, в зависимости от контекста и обстановки, и репутация адвоката давала основание барону заподозрить его в том, что грабителем был он сам.

Номинативный строй французского языка, как подчеркивает в специальном исследовании А. Ломбар, не противоречит ясности выражения мысли². Сопоставление с английским языком показывает, однако, что более свободное перемещение фразового ударения в английском вызывает при переводе усеченного предложения на французский необходимость использования развернутого в грамматическом отношении предложения. Например, *Right or wrong, my country!* — *Qu'il ait tort ou raison, c'est mon pays!* По Ю. Степанову, «обрыв речевой цепи во французском языке не может быть произведен в любом месте, он должен быть предусмотрен с некоторым временным упреждением, практически до начала данного высказывания, и отмечен, маркирован грамматически и интонационно»³. Приведенный выше пример показывает справедливость этого наблюдения. Личное местоимение «маркирует» грамматически и предваряет смысловой субъект главного предложения (грамматическое сказуемое).

¹ Цит. по: О. Есперсен. Указ, соч., с. 194.

² См. Alf. Lombard. Les constructions nominales dans la langue française. Upsala, s. a.

³ Ю. Степанов. Французская стилистика. М., «Высшая школа», 1965, с. 56.

Но когда во главе английского предложения стоит существительное абстрактного значения, соответствующее французское предложение вполне может сохранять такую же структуру:

...the greedy tyranny and avarice of Mrs Bute Crawley has caused the old lady to revolt against the exorbitant pretensions of that part of the family. (W. M. Thackeray. *Vanity Fair*)

...la tyrannie intéressée de mistress Bute Crawley avait poussé la vieille fille à se révolter contre les prétentions envahissantes de sa cupide parente. (W.M. Thackeray. *La Foire aux vanités*. Traduit avec l'autorisation de l'auteur par Georges Guiffrey. P., 1899)

Конструкция во главе с подлежащим — абстрактным существительным менее свойственна синтаксису русского языка, поскольку она придает высказыванию некоторую сухость, официальность.

§ 19. Амбивалентность синтаксических конструкций

В ходе исторического развития некоторые синтаксические структуры английского языка (в меньшей степени французского) получили двойную функцию, причем нередко эти функции противоположны друг другу, т.е. амбивалентны. Их смысловое значение раскрывается в зависимости от контекста и обстановки, но все же не всегда легко установить, в какой из функций использована данная структура. Трудно ошибиться, когда приходится выбирать между пассивным и каузативным значениями конструкции типа *He had his horse killed*, что может означать либо *Под ним убили коня* либо *Он отправил свою лошадь на живодерню*. Слишком разные ситуации помогают сделать правильный выбор. Более вероятна возможность ошибок при раскрытии модального или немодального значения сочетания «глагол to be + инфинитив»: *He was the first to speak* *Он должен был выступить первым* или *Он выступал первым*. По-видимому, синтаксическая амбивалентность порождена все той же тенденцией языка, особенно английского, к экономии средств, характерной прежде всего для живой разговорной речи, которая мирится с неточностью, легко поправимой при устном общении собеседников.

Иное дело письменная речь. Наличие амбивалентных абсолютных оборотов в документальных текстах вызывает серьезные, вполне обоснованные возражения¹. Многофункциональность и стилистическая многоплановость абсолютной и некоторых других конструкций несомненно могут привести к неточному и даже ошибочному переводу. И неудивительно: ведь сами же английские лингвисты подчеркивают эту странную особенность английского синтаксиса.

¹ См. § 21. «Перевод абсолютных конструкций».

И все же, несмотря на расплывчатость синтаксиса, английский язык вытесняет французский в сфере международных отношений. Более полувека тому назад сорбоннский профессор Раймон Лас Верньяс подверг анализу причины такого вытеснения французского языка английским в большой статье под названием «Язык, который не умирает»¹. На протяжении почти трех столетий французский язык был языком дипломатии и международных договоров. Поражение Франции в 1940 году и потеря ею ведущего положения на европейской арене является, по мнению Лас Верньяса, главной причиной вытеснения французского языка английским в общении между народами. Но, указывая на политические причины заката французского языка, автор сопоставляет ресурсы английского языка с французским и, ссылаясь на многочисленные высказывания писателей и ученых, отмечает преимущество французского над английским. Это прежде всего строгая логичность и прозрачная ясность французского синтаксиса в противоположность расплывчатости английского, что признают и сами англичане.

В статье цитируется мнение известного литературоведа и специалиста по английской стилистике профессора Джорджа Сейнтсбери, который говорит: «Ни один язык античности или наших дней не может сравниться с французским... Немецкий обволакивает мысль облаком расплывчатых конструкций, английский поощряет неопределенность, тогда как французский по своей природе ясен и точен»².

Еще Дидро в «Письме глухонемым» отмечал: «Французский язык создан для того, чтобы просвещать, поучать и убеждать; английский — чтобы волновать, уговаривать и обманывать».

Можно было бы привести для иллюстрации расплывчатости английского синтаксиса анекдотическую фразу из О. Эсперсена: *He swore the day he was born, которую с одинаковым правом можно перевести: Он проклял тот день, когда появился на свет и Он выругался в тот день, когда родился.*

Инфинитивный оборот в следующем предложении может иметь и целевую, и присоединительную функции, т.е. значение результата: *He went to the United States never to return Он уехал в Соединенные Штаты, чтобы остаться там навсегда и Он уехал в Соединенные Штаты и остался там навсегда.* Хорошо, если в дальнейшем изложении эта не договоренность уточняется.

В синтаксисе однородных членов также обнаруживаются черты амбивалентности. В английском предложении с однородными сказуемыми нередко присутствует только одно формальное подлежащее или

¹ Raymond Las Vergnas. La langue qui ne meurt pas. « Les nouvelles littéraires », 1947, 6 février, p. 1, 6.

² Там же, p. 1.

одно дополнение, когда в действительности имеется в виду несколько деятелей или объектов действия. Так, в статье о засилье Голливуда в английской кинематографии приводятся следующие причины падения посещаемости кинотеатров Англии:

Some blame it on television, or the weather, or bad films, or slimmer purses. (Daily Worker)

Совершенно очевидно, что some — это разные лица, и в переводе необходимо разграничение:

Одни винят в этом телевидение, другие — плохую погоду, третьи — плохие фильмы, четвертые — отощавшие кошельки.

Что такое построение предложения не является результатом небрежности, допустимой лишь в газетной статье, доказывают многочисленные примеры из книг.

В очерке «Колумб не был первооткрывателем Америки» Дейл Карнеги описывает трудности, с которыми Колумб столкнулся, пытаясь набрать экипаж для столь дальнего плавания:

Everyone was afraid to go. So he went to the waterfront and boldly seized some sailors and forced them to go. He begged and bribed and threatened others. (D. Carnegie. Little-Known Facts about Well-Known People)

Здесь только предшествующий и последующий контекст помогает понять, что «упрашивал, подкупал и страшал» Колумб не одних и тех же, а разных лиц. И тогда с полным основанием можно перевести так:

Всех удерживал страх. Тогда он отправился в порт и чуть ли не силой увел с собой нескольких матросов. Одних он завербовал угрозами, других — задабриванием, третьих — угрозами.

В книге Ф.Л. Аллена о двадцатых годах прошлого века в США подробно описывается кампания по выборам президента 1928 года, во время которой в решающей схватке столкнулись Гувер — от Демократической партии и Альфред Смит — от Республиканской.

...millions of men and women turned to Hoover because they thought Smith would make the White House a branch office of the Vatican, or turned to Smith because they wished to strike at religious intolerance, or opposed Hoover because they thought he would prove to be a stubborn doctrinaire, or were activated chiefly by dislike of Smith's hats or Mrs Smith's jewelry. (F. L. Allen. Only Yesterday)

Даже не касаясь содержания соседних предложений, сопоставление однородных членов данного периода помогает понять, что речь идет о разных группах избирателей. Автор подчеркивает доходящую до абсурда беспринципность многих американских избирателей, для которых манера одеваться кандидата (или его жены) имеет решающее значение.

Миллионы американцев и американок отдали свои голоса Гуверу, так как думали, что Смит превратит Белый дом в филиал Ватикана, другие же голосовали за Смита, так как хотели нанести удар религиозной нетерпимости, третьи были против Гувера, полагая, что он окажется тупым доктринером, а четвертые были против Смита просто потому, что им не нравились шляпы Смита или бриллианты его жены.

Отсутствие дифференциации подлежащих или дополнений при однородных сказуемых может ввести в заблуждение неосмотрительно-го переводчика тем более, что, насколько мне известно, это явление не отмечается исследователями.

Особенно «коварной» конструкцией английского синтаксиса следует признать так называемый сравнительный оборот с формальным значением равенства. Его формальная структура очень часто вводит в заблуждение даже опытных переводчиков, которые принимают внешнюю форму сравнения за чистую монету. Между тем, как это убедительно показано в докторской диссертации проф. А.В. Кунина, оборот «as + прилагательное + as + неопределенное местоимение или неопределенное наречие» может являться фразеологическим интенсификатором¹.

А.В. Кунин в своих работах показывает, что оборот «as + прилагательное + as + any, anything, anywhere» является одновёршинной фразеологической единицей, функционирующей в качестве интенсификатора прилагательного. Нельзя не согласиться с такой квалификацией оборота, поскольку в нем наблюдается основной критерий фразеологичности: переосмысление компонентов, целостное и экспрессивное. Особенность этой интересующей нас разновидности фразеологизмов-усилителей по сравнению с двумя другими группами, выделяемыми в докторской диссертации проф. А.В. Кунина, т.е. интенсификаторов со структурой переменного словосочетания и интенсификаторов с предикативной структурой, заключается в том, что эта сравнительная конструкция продолжает существовать на двух различных языковых уровнях: фразеологическом и синтаксическом. В самом деле, исследование литературного материала показывает, что сравнение равенства с неопределенным местоимением или наречием во втором члене амбивалентно.

Можно оспаривать степень фразеологизации этого оборота, но его весьма распространенная функция усилителя не вызывает никакого сомнения. Тем более, что эта функция имеет очень длинную историю.

¹ А.В. Кунин. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. М., 1964, с. 971—991.

В интенсификаторах второй группы, как например, *as old boots, as all get-out* (разг. ам.), *like a cartload of bricks, like blue murder, like nothing on earth*, и в интенсификаторах третьей группы: *as the day is long, as they make'em, as you please*, по-видимому, произошло полное переосмысление и фразеологизация, тогда как компаративная конструкция первой группы по определенным причинам сохраняет свою двойственность по крайней мере со времен Шекспира.

Однако ни в работе Вильгельма Франца «Язык Шекспира в стихах и в прозе», ни в «Шекспировской грамматике» Эббота¹ нет анализа этой конструкции. В последнем, 4-м переработанном издании этой грамматики лишь отмечается использование Шекспиром усеченной формы сравнения равенства с опущением первого элемента.

Конечно, задача переводчика была бы значительно облегчена, если бы эта заслуживающая внимания синтаксическая структура не выпала из поля зрения грамматистов. Ничего не сказано о ней даже в таких капитальных трудах по английской грамматике и синтаксису, как в многотомной работе О. Есперсена или в пятитомной грамматике Поутсма, где сравнительным конструкциям отведено две главы².

Не рассматривается данная структура и в работе, посвященной синтаксической многозначности в английском языке, Эрхарда Агриколы, который вообще своеобразно понимает сущность синтаксиса и приводит многочисленные модели, многозначные лишь в лексическом отношении. А ведь в своем исследовании Агрикола ставит перед собой цель установить «коммуникативный эффект однозначных и многозначных грамматических форм и синтаксических конструкций»³.

У Шекспира несомненно преобладает использование рассматриваемой конструкции как интенсификатора. Обычно эта функция становится ясна уже из контекста предложения.

Clown.— Give me thy hand. I will swear to the prince thou art as honest and true fellow as any is in Bohemia. (Shakespeare. The Winter's Tale, Act V, Sc. II)

Однако в новейшем, талантливом переводе «Зимней сказки» мы видим ошибочное раскрытие оборота как сравнения равенства:

¹ Wilhelm Franz. Die Sprache Shakespeares in Vers und Prosa. 4te Auflage. Halle/Saale, 1939; E. A. Abbott. A Shakespearian grammar. 3 ed, N Y., 1966.

² H. Poutsma. A Grammar of Late Modern English. Groningen, 1904. Part I. The Sentence. Adverbial Clauses of Quality, pp. 495—510, Adverbial Clauses of Degree, pp. 510—521.

³ Erhard Agricola. Syntaktische Mehrdeutigkeit (Polysyntaktizität) bei der Analyse des Deutschen und des Englischen. Akademie-Verlag, Berlin, 1968, S. 203.

Крестьянин. Давай руку. Я поклянусь принцу, что ты такой же верный и честный малый, как всякий человек в Богемии. (В. Шекспир. *Зимняя сказка*, изд-во «Искусство», т. 8)

[В старом переводе П. Гнедича (1904 г.), который воспроизводится и в некоторых современных изданиях пьес Шекспира, содержится та же ошибка, но формулировка выбрана менее категоричная:

Поселянин. Дай руку, я поклянусь принцу, что ты не менее всякого другого в Богемии человек честный и верный. (В. Шекспир. *Собрание избранных произведений*. Т. 5. СПб., КЭМ, 1993)]

Едва ли говорящий готов поклясться, что все жители Богемии честные люди. Он утверждает, что Автолик — один из честнейших и преданнейших людей. Это типичный пример использования данной конструкции в качестве усилителя.

Проследивая становление этого фразеологизма-интенсификатора в английском языке, мы видим, что уже в конце XVII — начале XVIII века этот оборот приобрел большую популярность именно как интенсификатор. Пожалуй, нет такой комедии времен Реставрации, где бы не встречался этот оборот. Любопытно, что нередко он вложен в уста простонародных персонажей, что может свидетельствовать о его употребительности в разговорной речи. Например, в известной комедии Уильяма Конгрива “*The Way of the World*” (1700 г.), сохранившейся и поныне в репертуаре английских театров, служанка Минсинг так отвечает на заявление миссис Милламент о том, что она для своих пальтовок пользуется не прозой, а только стихами:

Mincing. But when your la’ship pins it up with poetry, it sits so pleasant the next day as anything, and is so pure and so crips. (W. Congreve. *The Way of the World*, Act II, Sc. 2)

Усилительная функция оборота *so pleasant ... as anything* не вызывает сомнения. (Подобно стражнику Кизилу в комедии «Много шума из ничего» Шекспира Минсинг коверкает слова и вместо *crisp* говорит *crips*.)

В комедии Джорджа Фаркера “*The Beaux’s Stratagem*” (1707 г.) рассматриваемый оборот произносит разбойник с большой дороги Джибит, тоже не шибко грамотный персонаж:

Gibbet. Here, my dear Cherry. (Gives her a bag.) Two hundred sterling pounds, as good as any that even hanged or saved a rogue. (G. Farquhar. *The Beaux’s Stratagem*, Act. II, Sc. 2)

[Джибит. ... На, держи, малютка! (Отдает Черри сумку). Двести фунтов чистогоаном. За эти деньги можно на виселицу угодить и откупиться. (Дж. Фаркер. *Хитроумный план щеголей, или В погоне за женой*. — Комедии. Пер. Р. Померанцевой. М., Искусство, 1973.)]

Конечно, распространенность этого оборота в качестве интенсификатора в прямой речи подтверждает его устойчивость.

Но значит ли это, что данная конструкция постепенно утратила свое «свободное» значение, вытекающее из прямой синтаксической связи между ее компонентами, и окончательно превратилась в застывшую фразеологическую единицу? Ведь такое явление широко распространено в любом языке. Например, в русском:

За мою тележку четверка быков тащила другую, как ни в чем не бывала, несмотря на то, что она была до верху накладена.
(М. Лермонтов. *Герой нашего времени*, 3-е изд., Спб., 1843)

В первых изданиях прошлого века глагол еще согласуется с существительным (*как ни в чем не бывала*), и, следовательно, это синтаксическое построение еще не превратилось во фразеологизм.

Есть основание полагать, что в литературе XVII—XVIII столетий рассматриваемая структура еще широко применялась в своем свободном синтаксическом употреблении. Так, в романе Дефо «Молл Флендерс» (1772 г.) она встречается неоднократно, но только как сравнение равенства.

I learned to dance and speak French as well as any of them, and to sing much better. (D. Defoe. *Moll Flanders*)

Я научилась танцевать и говорить по-французски не хуже любой из них, а петь — даже лучше.

В данном контексте возможность понимания *as well as any of them* как интенсификатора исключается, так как в противном случае нелогично было бы добавление *даже лучше*.

Не менее убедителен и второй пример из того же романа:

I had ... the common vanity of my sex, viz. that being really taken for very handsome, or, if you please, for a great beauty, I very well knew it, and has as good an opinion of myself as anybody else could have of me.

Я отличалась ... тщеславием, свойственным моему полу, и отлично сознавала, что меня находят весьма привлекательной и, простите за откровенность, даже красивой. Я знала себе цену не хуже кого другого.

Перевести данный оборот сравнением равенства *я знала себе цену так же хорошо, как и другие* противоречило бы стилистической норме русского языка. К тому же столь прямолинейное заявление *как и другие* можно было бы понять в значении «как и все», тогда как литотой *не хуже кого другого* этот оттенок преувеличения устраняется. Важно учесть, что литота является единственным средством, дающим

возможность передавать обе функции рассматриваемого оборота: и фразеологического интенсификатора, и сравнения равенства. *Не хуже кого другого* выражает примерно то же, что и *как и другие*.

Возможность использования конструкции «as + прилагательное + as + неопределенное местоимение (или наречие)» в промежуточной между сравнением равенства и интенсификатором функции объясняется тем, что, как мы видели, это синтаксическое построение не фразеологизировалось окончательно и не утратило способности сохранять свободное значение своих компонентов. Поэтому возможны и случаи «промежуточного» употребления, когда трудно отграничить сравнение равенства от фразеологического интенсификатора. Трудность эта еще усугубляется неоднородностью самих интенсификаторов.

Многочисленные случаи употребления рассматриваемого оборота в произведениях английских и американских прозаиков XIX и XX веков показывают, что в подавляющем большинстве случаев он выражает наличие какого-либо признака или качества в превосходной степени. И все же эта функция нередко ускользает от внимания даже опытных переводчиков. Между тем, в каждом конкретном случае обычно контекст или обстановка высказывания дает ясное указание на функцию этой амбивалентной структуры. Например, в следующем предложении из «Давида Копперфильда»:

I believe our boys were, generally, as ignorant a set as any schoolboys in existence. (Ch. Dickens. *David Copperfield*)

Мне кажется, ученики моего пансиона были так же невежественны, как любые другие школяры... (Ч. Диккенс. Собр. соч. т. 15, М., Изд-во ГИХЛ, 1959)

Конечно, автор далек от мысли обвинить в невежестве всех школьников вообще. Он говорит (устаи своего героя Копперфильда) о том, что побоями и запугиванием нельзя добиться от детей желания учиться и что в пансионе Крикля были на редкость невежественные ученики.

Мысль Диккенса была совершенно правильно понята талантливым, но крайне небрежным и своевольным переводчиком Ириархом Введенским, который по своему обыкновению передал ее очень вольно:

Нет надобности докладывать читателю, что дитя немного сделает успехов в такой школе, как Салемский пансион, и мне кажется, что воспитанники м-ра Крикля не имели особенной склонности к науке... (Ч. Диккенс. Собр. соч., т. 1, Спб., Изд-во «Просвещение», б. г.)

Сравнительный оборот *as ignorant a set as any* у Введенского вполне закономерно передан литотой, но короткая фраза Диккенса разрослась в переводе почти вдвое.

Компаративная конструкция несомненно пользовалась популярностью у английских классиков-викторианцев. В сравнительно небольшой повести Теккерея «Роковые сапоги» она встречается несколько раз, причем в обеих функциях: и как сравнение равенства, и как интенсификатор какого-либо признака или качества. Использование этой структуры Теккереем наглядно показывает ее амбивалентность.

When I heard this, I made a sudden bound back, and gave such a cry as any man might who was in such a way. (W. M. Thackeray. *The Fatal Boots*)

В данном случае не приходится сомневаться в том, что перед нами сравнение равенства: говорящий вовсе не хочет сказать, что закричал громче, чем сделал бы другой на его месте. Он *издал такой громкий крик, как это сделал бы всякий на моем месте*.

Здесь несколько иное оформление конструкции, чем в предшествовавших примерах: вместо «as + прилагательное + any» здесь «such a + существительное», но и при таком оформлении также возможно ее использование в качестве интенсификатора.

О распространенности компаративной конструкции с «as + прилагательное + as + any (anything, anybody, anywhere и т.д.)» говорит, в частности, ее применение в рекламе. Например, на обложке издания Penguin Books мы читаем:

After "Many a Summer", which appeared in 1939, "The Island" is a fantastic parable treating of the ultimate topics of philosophy, and at the same time as nightmarish a tale, as brilliant and amusing as anything Huxley has written.

В приведенной выше аннотации оборот as brilliant and amusing as anything Huxley has written имеет функцию усилителя. Издатели считают, что новая книга Олдеса Хаксли превосходит по яркости и занимательности все написанное этим автором. Было бы наивно полагать, что эти качества приписываются всем произведениям Хаксли без исключения.

Перевод фразеологического усилителя как сравнения равенства приводит к грубым ошибкам:

In 1891, it was a flourishing institution, perhaps less restrictive as before, but still as smart and aristocratic as any club in London. (John Galsworthy. *The Country House*)

В 1891 году это было процветающее заведение, быть может, с менее ограниченным доступом, чем в прежние времена, но такое же элегантное и в полном смысле аристократическое, как любой другой клуб в Лондоне. (Дж. Голсуорси. Усадьба. Собр. соч., т. 6)

Совершенно очевидно, что далеко не все клубы в Лондоне могут быть названы «аристократическими». Правильный перевод: *один из самых аристократических клубов Лондона*.

Равным образом искажен смысл в одном из переводов этой же конструкции в романе Теодора Драйзера «Дженни Герхардт»:

The Senator knew common and criminal law, perhaps, as well as any citizen of his state. (Th. Dreiser. *Jenny Gerhardt*)

Сенатор знал обычное и уголовное право, пожалуй, не хуже любого гражданина его штата. (Т. Драйзер. *Дженни Герхардт*. Собр. соч., т. 2)

Можно не сомневаться, что сенатор, да к тому же юрист по образованию, конечно, знал право *лучше* любого гражданина своего штата. С другой стороны, нелепо предполагать, что уголовное и обычное право, т.е. право, основанное на судебных прецедентах, может быть знакомо «любому гражданину».

Из приведенных выше примеров ошибочного перевода уже достаточно ясно, что функция и смысловое значение рассматриваемой конструкции часто определяется экстралингвистическим контекстом.

По-видимому, двойственная функция этих компаративных конструкций образовалась в результате эллипсиса, отсеечения второго компонента. Очевидный эллипсис — соответствующий интенсификатор во французском языке — *comme tout* (разг.) «*совсем, крайне, в высшей степени; донельзя*» (употр. главным образом с прилагательными, указывающая на их превосходную степень)¹. Например: *Elle est belle comme tout. Она очень красива*.

В итальянском аналогичное *come un altro*, по-видимому, не перешло во фразеологическую единицу. Например:

...è un'avventura come un'altra, e non è la prima e non sarà l'ultima volta che una donna cerca di ingannare un uomo e viceversa. (G. Deledda. *La danza della collana*)

Анализ материала показывает, что компаративная конструкция в функции фразеологического интенсификатора может выражать абсолютное и относительное превосходство. Если учесть, что наряду с *as great as any* имеется также *the greatest*, а наряду с *as aristocratic as any* и *the most aristocratic*, то можно допустить, что эта структура чаще выражает не абсолютное, а относительное превосходство. В русском языке это отражается наличием двух форм превосходной степени.

¹ А. Назарян. Образные сравнения французского языка. М., «Наука», 1965, с. 169. В примечании автор указывает, что это сравнение является сокращенной формой выражения «*comme tout ce qu'il y a de + прилагательное*».

Если русская аналитическая форма превосходной степени выражает абсолютное превосходство («самый талантливый»), то синтетическая форма «талантливейший» обозначает лишь относительное превосходство. Очевидно, может быть несколько «талантливейших поэтов советской эпохи», но только один «самый талантливый».

§ 20. Зависимость перевода компаративной конструкции от жанра переводимого материала

Сопоставление многочисленных примеров использования рассматриваемой конструкции в литературе, начиная от Шекспира и до наших дней, показывает, что как интенсификатор она является переменной величиной, часто зависящей от жанра произведения. В художественном тексте уже в силу используемых средств она создает добавочную экспрессивность, которая должна найти отражение в переводе. Напротив, в переводе газетно-информационного, документального или научно-технического текста нет добавочного экспрессивного элемента, который нуждался бы в передаче, конечно, за исключением случаев, когда эмфатичность высказывания подчеркивается дополнительными средствами. Например, в монографии Хью Сиди, посвященной президенту Кеннеди.

In his hand was a copy of the speech he would give to the U. S. and the world. It was, perhaps, as tough a speech as any president has ever had to give in peace time. (Hugh Sidey. John F. Kennedy President)

Даже не зная содержания предшествующих предложений, из узкого контекста приведенных выше двух фраз можно заключить, что автор подчеркивает чрезвычайную важность этой речи Кеннеди. «Указательным минимумом» здесь является наречие *ever*.

У него в руке был текст речи, с которой он обратился к американскому народу и к народам всего мира. Пожалуй, это было самое решительное заявление, с которым когда-либо обращался любой президент США в мирное время.

И в той же книге Хью Сиди встречается пример «промежуточного» использования конструкции, которую лучше всего можно передать литотой:

He may grant an interview while he swims, and the number of sunlit conferences on his patio or on one of his boats are so many they have gone uncalculated. Yet they have been as vital as any other conferences.

Он дает интервью в плавательном бассейне, а количество конференций и совещаний, проведенных им под открытым небом, на веранде Белого дома или на одной из его яхт так велико, что им потерян счет. Однако они имеют не менее важное значение, чем другие.

В последнем примере использована литота-эвфемизм. Это «стилистическая фигура нарочитого смягчения выражения путем замены слова противоположным, но отрицательным по значению: «неплохо» вместо «хорошо», «не возражаю» вместо «соглашаюсь»¹.

Другая разновидность литоты может быть определена как литота-гипербола, «стилистическая фигура явного и намеренного преуменьшения, умаления и уничижения, имеющая целью усиление выразительности»². По существу — это вид гиперболы.

Литота-гипербола всегда передает только функцию фразеологического интенсификатора. Например, в переводе приведенных выше примеров: *какого свет не видал, каких немного*. Напротив, литота-эвфемизм может применяться при переводе рассматриваемой конструкции, употребленной во всех трех функциях: и как сравнение равенства, и как интенсификатор, и в «промежуточной» функции. Пожалуй, это самый распространенный способ перевода, более «осторожный», более тонкий, чем с помощью литоты-гиперболы. Характерные соответствия: *не хуже других, ничем не уступает, может поспорить с любым* и т. п.

Несомненно, выбор способа перевода зависит от экстралингвистического контекста. Ведь далеко не одно и то же: превосходная степень качества или литота, где «сила выразительности ... заключается главным образом в том, что это сознательное преуменьшение понятно участникам коммуникации»³.

В предисловии к сборнику «коротких рассказов» об Эдгаре По говорится следующее:

Poet, editor, literary critic and short-story writer he, as much as any other writer, deserves the name of the father of the modern short story. (The Best Short Stories of the Modern Age. Edited by Douglas Angus. New York, 1962)

Поскольку это сказано о По, не подлежит сомнению, что в США не кто другой, как он, является подлинным основателем жанра «короткого рассказа»:

Поэт, редактор, литературный критик, Э. По больше, чем кто-либо из писателей, заслуживает признания как создатель нового жанра короткого рассказа.

Только знание истории американской литературы дает нам право выбрать превосходную степень в переводе этого интенсификатора и

¹ «Литературная энциклопедия», том 6. М., «Сов. энциклопедия», 1932, с. 505—506.

² Там же.

³ И.Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1958, с. 218.

отвергнуть литоту — формулу относительного превосходства: *заслуживает не меньше любого другого*. Однако в переводе следующего примера литота окажется вполне пригодной:

I started down toward the office, and on the way encountered another bosom friend, who told me that a quart of salt water, taken warm, would come as near curing a cold as anything in the world. (Mark Twain's *San Francisco*. Edited by Bernard Taper. New York, 1963)

В этих строках великого юмориста нет основания видеть в конструкции *as near as anything* функцию интенсификатора, но это отнюдь не вытекает из самого содержания высказывания, так как, если б оно было в каком-либо медицинском справочнике, не следовало бы подвергать сомнению серьезность рекомендации. Но в данном случае сказывается роль жанра переводимого материала: в юмористическом рассказе высмеивается средство от насморка.

По дороге в редакцию я повстречался с еще одним закадычным другом, который поведал мне, что кварта соленой подогретой воды излечивает от насморка не хуже любого другого средства в мире.

Вместе с тем при переводе этого предложения вполне оправдано было бы применение вместо литоты гиперболы: *...который поведал мне, что во всем мире нет лучшего лекарства от насморка, чем кварта подогретой воды с солью*.

Напротив, в переводе публицистического текста менее всего пригодна гипербола. То же следует заметить и в отношении перевода исторического и вообще научного материала, где сдержанный тон изложения не допускает нажима в переводе. Например, в переводе заявления Гровера Кливленда, занимавшего пост президента США в 1885—89 и в 1893—97 годах:

The Monroe Doctrine cannot become obsolete while our Republic endures ... Its importance has been as great as that of any principle in America. (The New York Herald Tribune)

Доктрина Монро не устареет, пока будет существовать наше государство... Она все еще остается одним из важнейших принципов нашей политики.

Аналогичное употребление рассматриваемого оборота в функции интенсификатора нередко наблюдается в исторической литературе. Например, так начинается глава о Томасе Джефферсоне в книге Ричарда Хофstadтера об американских президентах.

The mythology that has grown up around Thomas Jefferson is as massive and imposing as any in American history. (R. Hofstadter. *The American Political Tradition*)

Перевод этого предложения возможен двумя различными способами: с использованием превосходной степени и литотой.

В истории Соединенных Штатов трудно найти другого деятеля, кроме Джефферсона, личность которого была бы окружена столь внушительным и ярким ореолом.

Ни один деятель в истории Соединенных Штатов не окружен таким внушительным и ярким ореолом, как личность Томаса Джефферсона.

Оба способа можно считать одинаково приемлемыми, поскольку они выражают относительное превосходство в мягкой форме.

Рассматриваемый интенсификатор характерен и для жанра ораторской речи, поскольку эта конструкция носит явно эмфатический характер и соответствует интонации ораторской речи. Когда в июле 1971 года правительство США добивалось запрещения публикации секретных документов Пентагона, член Верховного суда Харлан, поддерживавший требование правительства (он остался в меньшинстве, так как требование было отвергнуто пятью голосами против трех), сказал:

Mr Justice Harlan... dissenting.

With all respect, I consider that the Court has been almost irresponsibly feverish with dealing with these cases... It is a reflection on the stability of the judicial process that these great issues — as important as any that have arisen during my time on the Court — should have been decided under the pressures engendered by the torrent of publicity that has attended these litigations. (*Newsweek*)

Член Верховного Суда Харлан... заявляет особое мнение.

При всем уважении к мнению коллег, я полагаю, что Суд проявил, можно сказать, непростительную поспешность в рассмотрении данных вопросов... Тот факт, что этот важный вопрос — один из самых важных вопросов, обсуждавшихся Судом за все время моего пребывания в его составе, — решался под давлением, порожденным целой лавиной гласности, сопутствовавшей нашим дебатам, ставит под сомнение нормальное течение судебной процедуры.

Конечно, в случаях, подобных этому, не может возникнуть никакого сомнения о функции сравнительного оборота, который никак не может здесь выражать сравнение равенства: *такой же важный вопрос, как и любой, рассматривавшийся за время моего пребывания на посту*. Такое раскрытие конструкции было бы явно абсурдно.

Мы рассмотрели приемы перевода компаративной конструкции типа «as + прилагательное + as + неопределенное местоимение (или наречие)» в зависимости от контекста, предметной обстановки и речевой ситуации. Пожалуй, сложнее всего наметить какие-либо закономерности, когда с помощью означенного оборота создается речевая характеристика. Ведь сложность речевых характеристик нередко

усугубляется наложением особенностей индивидуального стиля автора и спецификой языковых средств, избираемых им для выявления черт характера того или иного персонажа. Даже при анализе переводов столь незначительного отрезка речевой цепи, как в приведенных примерах, необходимо учитывать не только все элементы речевой и предметной ситуации, но и особенности всего идейно-художественного замысла и важнейшие черты индивидуального стиля автора. Последнее, разумеется, выходит за рамки лингвистического исследования.

Все же, когда прямая речь характеризует психологически не отличающийся сложностью натуры персонаж, к тому же не играющий значительной роли в произведении, то передача его речевой характеристики в переводе может быть достаточно наглядна и убедительна. Например, в «Знаке четырех» Конан Дойля инспектор полиции, человек недалекий и немногословный, говорит:

House is full of Indian curiosities. Thaddeus brought this up, and if this splinter be poisonous Thaddeus may as well have made murderous use of it as any other man. (A. Conan Doyle. *The Sign of the Four*)

Дом полон индийских редкостей. И Таддеуш принес эту штуку сюда. Если шип был отравлен, то ему было проще простого использовать его как орудие убийства. (А. Конан Дойль. *Знак четырех*. Пер. М. Литвиновой. Собр. соч., т. I, М., 1966)

Проще простого очень метко передает и мысль, и особенность речи инспектора. Кроме Таддеуша, он никого не подозревает, и *as well as any other man* — здесь несомненный интенсификатор.

§ 21. Перевод абсолютных конструкций

Функциональный принцип передачи грамматических форм и синтаксических конструкций с особой наглядностью проявляется при переводе абсолютных конструкций как структур, не имеющих постоянного формального соответствия в русском языке. Под абсолютной конструкцией (далее — АК) здесь имеется в виду абсолютный оборот вместе с главным составом предложения. Именно с главным составом, поскольку абсолютная конструкция является простым предложением с второстепенным распространенным членом с неполной предикацией. Только конструкция в целом, а не абсолютный оборот в отдельности, может быть предметом рассмотрения и установления определенных закономерностей с точки зрения перевода.

Специфическую смысловую функцию абсолютных конструкций любой разновидности можно определить как сопряженность, взаимосвязь и взаимообусловленность разнособъектных действий или состояний. Хотя принято считать, что абсолютный оборот не имеет формальной грамматической связи с главным составом предложения

(поэтому он назывался дательным самостоятельным в древнерусском языке, родительным самостоятельным — в древнеанглийском, творительным самостоятельным — в латинском), но, конечно, он всегда имеет логическую соотнесенность с одним из главных членов главного состава или с содержанием главного состава в целом.

Степень сопряженности действий или состояний в АК различных категорий может быть разная, но, кроме семантической связи между оборотом и главным составом, никакими другими показателями она не обозначена. Между тем, большая или меньшая степень сопряженности должна учитываться при выборе синтаксических средств при переводе. В первую очередь, это относится к выбору между сочиненным или самостоятельным предложением для передачи абсолютного оборота. Характер смысловой связи оборота с главным составом может быть весьма разнообразным. Кроме замены придаточных предложений различных категорий, исключая сравнительные, абсолютный оборот может также иметь пояснительное и присоединительное значение, т. е. содержать дополнительную информацию, не уступающую по степени важности информации, содержащейся в главном составе предложения. Особенностью абсолютной конструкции является то, что характер смысловой связи оборота с главным составом остается нераскрытым. Не менее важно, что эта конструкция способна передавать одновременно сочетание двух смысловых функций: временной и причинно-следственной, временной и условной, временной и уступительной и т.д. Вот характерный пример:

At midnight, no reply having been received, the two countries entered upon a formal state of war. (A. Morton. A People's History of England)

В переводе данного предложения одинаково возможно было бы раскрытие временной и причинно-следственной смысловой связи: *После того как в полночь никакого ответа не поступило...* или *Так как в полночь...* Но именно специфика абсолютной конструкции диктует отказ от уточнения смысловой связи: ведь автор имел полную возможность, если бы пожелал, избрать иную синтаксическую конструкцию. Поэтому данный пример, как и ему подобные, следует перевести сочиненным предложением:

В полночь ответ (от Германии) не был получен, и стороны вступили в формальное состояние войны.

Аналогичный пример из протоколов Генеральной Ассамблеи ООН.

No objection arising from any quarter, the resolution was adopted.

Никаких возражений не поступило, и резолюция была принята.

И все же в данном случае вступает в силу зависимость от жанра переводимого материала. Историк может себе позволить использование структуры, которую некоторые зарубежные грамматисты, например О. Есперсен, называют «расплывчатой и неопределенной»¹.

Когда АК имеет причинно-следственную функцию, то степень сопряженности следствия, выраженного постпозиционным оборотом, с главным составом непосредственно отражается на выборе типа предложения в переводе.

The mine was dusty and unhealthy, many miners suffering from consumption. (W. Foster. Pages from a Worker's Life)

В этом примере между антисанитарным состоянием шахты и заболеваемостью горняков существует непосредственная связь, и это отражается на выборе сложносочиненного предложения в переводе:

Шахта плохо вентилировалась, работать в ней было вредно, и многие горняки болели туберкулезом.

A Ju 88 was shot down by one of our fighters, the crew being taken prisoner. (The Times)

В этой военной сводке нет такой тесной связи между событиями, описанными в главном составе и абсолютном обороте, как в предыдущем примере: ведь экипаж немецкого самолета мог и погибнуть. Поэтому вполне закономерно выделить следствие в самостоятельное предложение:

Одним из наших истребителей сбит Юнкерс 88. Экипаж его взят в плен.

Поскольку абсолютный оборот не имеет формальной связи с определенным членом главного состава, а может по смыслу соотноситься либо с ним, либо с содержанием главного состава предложения в целом, возможны случаи, когда АК дает основание для кривотолков. Статьи Устава Лиги наций и ООН содержат абсолютный оборот почти одинакового лексического состава. В обоих случаях эти статьи в английской редакции вызывают недоумение, так как субъект действия там не определен. Только французская и русская редакции исключают возможность международных споров.

The members of the League agree that the manufacture by private enterprise of munitions and implements of war is open to grave objection. The Council shall advise how the evil effects attendant upon such manufacture can be prevented, due regard being had to the necessities of those members of the League which are not able to manufacture the munitions and implements of war necessary for their safety. (Charter of the League of Nations, Ch. 8, §5)

¹ O. Jespersen. Analytic Syntax. Copenhagen, 1937, p.136.

Из английского текста этой статьи неясно, кто должен учитывать нужды членов Лиги наций, тогда как в русской редакции это определено совершенно точно:

Принимая во внимание, что частное производство снаряжения и военного материала вызывает серьезные возражения, члены Лиги поручают Совету дать заключение о мерах, способных устранить его пагубные последствия, учитывая нужды тех членов Лиги, которые не могут заготавливать снаряжение и военные материалы, необходимые для их безопасности.

Аутентичный русский текст Устава вообще и данной статьи в частности близок к французскому тексту, который, в отличие от английского, также лишен какой-либо недоговоренности:

Considérant que... les membres de la Société chargent le Conseil d'aviser aux mesures propres à en éviter les facheux effets, en tenant compte des besoins...

Если бы русский текст статьи являлся формально точным переводом с английского, где АК с пассивным причастием не содержит указания на производителя действия, то нужно было бы употребить пассивную конструкцию, но тогда не было бы ясно, к какому субъекту отнесено действие: *причем должны быть учтены нужды членов Лиги, которые не могут изготавливать оружие.*

Аналогичную абсолютную конструкцию содержит и Устав ООН:

The General Assembly shall elect six other Members of the United Nations to be non-permanent members of the Security Council, due regard being specially paid, in the first instance to the contribution of Members of the United Nations to the maintenance of international peace and security and to the other purposes of the Organization, and also to equitable geographical distribution. (*Charter of the UN, Article 23*)

Английская редакция этого пункта Устава ООН оставляет неясным, кто несет ответственность за соблюдение условий избрания непостоянных членов Совета Безопасности. Между тем, в русском тексте прямо указывается, что эта ответственность возлагается на Генеральную Ассамблею:

Генеральная Ассамблея избирает шесть других Членов Организации в качестве непостоянных членов Совета Безопасности, уделяя, в особенности, должное внимание, в первую очередь, степени участия Членов Организации в поддержании международного мира и безопасности и в достижении других целей Организации, а также справедливому географическому распределению.

Использованная в обоих уставах формула *due regard being had* (*paid*) давно является общепринятой в официально-деловом и юридическом жанре текстов, для которых вообще характерно использование логически разнособъектных абсолютных конструкций. Вот пример из области международного права:

Ships on the high seas being regarded as detached portions of the national territory, there is also the derived principle of the freedom of the high seas of the independence and equality upon it of the ships of all nations, subject only to due respect being paid to the independence and equality of all others and to such restrictions as states may impose upon themselves. (International Law. "Encyclopaedia Britannica")

Во всех этих трех примерах абсолютная конструкция, лишенная экспрессивного значения, использована в длинном периоде как стилистико-синтаксическое средство для облегчения структуры периода и для придания большего разнообразия синтаксису повествования. Однако если в уставном тексте на любом языке важно соблюсти внешнее единство, по возможности не разбивая период на части, то в примере из энциклопедии, даже при наличии связующего предлога, период естественно делится на три части в русском переводе:

Суда в открытом море рассматриваются как часть территории государства, под флагом которого они плавают; отсюда вытекает принцип свободы плавания вне территориальных вод, а также неприкосновенности и равенства прав судов всех наций, причем должны уважаться неприкосновенность и равенство прав судов всех других государств, а также принятые на себя ограничения свободы плавания.

Присоединительная функция АК в художественном тексте ставит проблему правильного членения периода в переводе. В отличие от других функций АК, присоединительная функция указывает не на побочную второстепенную информацию, а на дополнительный факт, не уступающий по своей важности факту, сообщаемому в главном составе. Это дает основание для радикального изменения структуры периода в переводе. Сопоставляя разные переводы «Ярмарки тщеславия» Теккерея, отделенные друг от друга большим промежутком времени и явно не похожие один на другой, мы видим, что все переводчики сознавали необходимость иного членения предложения, содержащего АК в присоединительной функции.

But what avail all these accomplishments, in Vanity Fair, to girls who are short, poor, plain and have a bad complexion? Mrs Bute could think of nobody but the curate to take one of them off her hands; and Jim coming in from the stable at this minute, through the parlour window, with a short

pipe stuck in his oilskin cap, he and his father fell to talking about odds on the St. Leger, and the colloquy between the rector and his wife ended. (W. M. Thackeray. *Vanity Fair*)

Берем пятый хронологически перевод, так как, пожалуй, это первый русский перевод, приближающийся к синтаксической адекватности.

Но куда годятся все эти таланты на ярмарке житейской суеты, когда сами барышни низкорослы, невзрачны, мизерны и с дурным цветом лица? Миссис Бьют надеялась только на какого-нибудь викария, чтобы сбыть их с рук. В эту минуту в окно залы можно было видеть Джима, выходявшего из конюшен с короткой трубочкой в зубах и в клеенчатой фуражке; отец заговорил с ним о каких-то лошадях, и беседа между ректором и его супругой окончилась. (Пер. Л. Гей, 1908)

В переводе две смысловые ошибки из-за непонимания реалий. Но фактически период расчленен на три части.

Такое же членение мы видим и в предшествующем переводе Вл.И. Штейна (Спб., 1894–95 г., изд. Пантелеева), где абсолютная конструкция выделена тоже в самостоятельное предложение и без ошибки, допущенной Л. Гей: *Тут Джим вошел через балконную дверь в гостиную...*

В переводе М.А. Дьяконова период разделен на четыре части:

Но какая польза на Ярмарке Тщеславия от всех этих усовершенствований для бедных низкорослых, некрасивых и с дурным цветом лица девиц? Миссис Бьют могла рассчитывать только на младшего приходского священника, чтобы сбыть одну из них с рук. В это время через окно гостиной прыгнул в комнату вернувшийся из конюшни Джим, с коротенькой трубочкой, заткнутой в клеенчатую фуражку, и заговорил с отцом о шансах Сент-Леджера. Разговор между пастором и его женой прервался. (Пер. М.А. Дьяконова. М., 1933).

Если бы Дьяконов заглянул в перевод Л. Гей, он не заставил бы Джима *прыгать через окно*. Parlour (или French) window — застекленная дверь. Но *сбыть одну из них* и *младший приходской священник* правильней, чем у Гей.

В последнем по времени переводе 1953 года (заново отредактированный перевод М. Дьяконова) теккереевский период расчленен на четыре самостоятельных предложения, причем присоединительный абсолютный оборот воспринят редакторами как новое сообщение, требующее логической паузы, после которой начинается новый абзац.

Но какая польза от всего этого на Ярмарке тщеславия, если девица низкоросла, бедна, некрасива и у нее дурной цвет лица? Единственный, на кого миссис Бьют могла рассчитывать, чтобы сбыть с рук одну из дочерей, был младший приходской священник.

В это время в гостиную вошел вернувшийся из конюшни Джим с коротенькой трубкой, заткнутой в клеенчатую фуражку, и заговорил с отцом о сент-лежерских скачках. Разговор между пастором и его женой прервался. (Пер. под ред. Р.М. Гальпериной и М.Ф. Лорие. М., 1953)

Примечательно, что и во французском переводе «Ярмарки тшеславия» необходимость в логической паузе при передаче присоединительной функции АК, не свойственной французскому языку, была осознана, и в авторизованном переводе Гиффрея тоже появился новый абзац:

Mais ces talents d'agrément pouvaient-ils suffire à faire passer sur la pauvreté et la laideur, sur une taille petite et difforme? Pour leur tablissement mistress Bute en était réduite à ne plus compter que sur le vicaire de son mari, et encore il n'y en avait que pour une.

Jim, sur ces entrefaites, rentra de l'écurie; une pipe courte et noire était passée au cordon graisseux de son chapeau. Il se mit à parler avec son père des paris engagés aux dernières courses, et la conversation des deux époux en resta là. (W. M. Thackeray. *La foire aux vanités*. Traduction avec l'autorisation de l'auteur par Georges Guiffrey. P., 1899)

Важнейшим критерием для разграничения различных типов АК, с точки зрения переводчика, является логико-семантическая структура АК, не учитываемая грамматистами. В зависимости от единства или раздельности носителя (носителей) сопряженных действий можно выделить две группы: логически односубъектные и логически разносубъектные абсолютные конструкции.

Разносубъектными в логическом отношении являются конструкции, в которых субъект абсолютного оборота обозначает лицо, не являющееся носителем действия, производимого субъектом главного состава предложения. Последним может быть и какое-либо обстоятельство, предмет или сила природы:

The muddy fall weather having come on, Martin had pledged his wheel some time since... (Jack London. *Martin Eden*)

Наступило осеннее бездорожье, и велосипед Мартина уже был отправлен в ломбард.

Нередко можно встретить разносубъектную АК с субъектом оборота, выраженным формальным подлежащим it (being), there (being).

Berlin, Sept. 25 (1940). I used to eat a couple of nights a week at the Ausland Club, it being conveniently located for me... (W. Shirer. *Berlin Diary*)

Берлин, 25 сентября (1940 г.). Раза два в неделю я ужинал в «Аусланд» клубе, до которого мне было рукой подать.

Когда субъектом абсолютного оборота является существительное, обозначающее часть тела, позу, одежду, физическое проявление внутренних переживаний субъекта главного состава, мы имеем односубъектную АК. Именно АК этого типа преобладают в художественной литературе. Понятно, что единство действующего лица создает дополнительные возможности выбора синтаксических конструкций при переводе, главным образом, возможности использования деепричастного оборота.

He passed two men, four men, eight men, ten men and nothing happened and he was walking between that line of men, his head up, his fat face grey, his eyes looking ahead and then flickering from side to side and walking steadily. And nothing happened. (E. Hemingway. *For Whom the Bell Tolls*)

АК в этом периоде односубъектны, и в первом случае использован наиболее близкий по функции в русском языке деепричастный оборот:

Он миновал первых двоих, четверых, восьмерых, десятерых и все еще никто не трогал его, и он шел и шел, высоко подняв голову (выделено мною.— Я.Р.); мясистое лицо его посерело, а глаза то смотрели вперед, то вдруг начинали бегать по сторонам, но шаг у него был твердый. И никто его не трогал. (Э. Хемингуэй. *По ком звонит колокол*. Собр. соч., т. III. Пер. Н. Волжиной и Е. Калашниковой)

А вот в начале расправы с фашистами один из толпы крестьян бросает треуголку гражданской гвардии с обрыва:

The hat sailed far out into space and we could see it smaller and smaller, the patent leather shining in the clear air, sailing down to the river.

Треуголка полетела далеко, у нас на глазах она становилась все меньше и меньше, блестя лаком в прозрачном воздухе, и наконец упала в реку.

И здесь в переводе абсолютной односубъектной конструкции использован деепричастный оборот.

Детальное рассмотрение примеров перевода АК показывает, что эти, как правило, разносубъектные структуры, чаще всего употребленные в присоединительном значении, требуют существенной перестройки предложения в переводе. Смысловая структура периода, в котором английская АК служит средством облегчения и разнообразия синтаксиса предложения в повествовании, может вызвать необходимость радикального преобразования в переводе на русский язык. Иной подход к переводу требуется для передачи АК данного типа в описании или рассуждении. Таким образом, закономерности перевода АК зависят от ее семантико-синтаксической функции и от жанра произведения.

Проанализировав около 200 АК в 22 пьесах Шекспира, в том числе 30 в «Гамлете», мы установили, что они распределяются по всем смысловым категориям и в большинстве случаев имеют экспрессивную функцию. Распространенность АК в языке шекспировских пьес, особенно же в написанных прозой, или в прозаических включениях стихотворных пьес, использование их не только в ремарках, но и в речи персонажей свидетельствует о близости этих конструкций к обычной разговорной речи конца XVI века. По мнению проф. В.Н. Ярцевой, «... язык Шекспира, чрезвычайно красочный и разнообразный, дает нам все богатство различных синтаксических конструкций, бывших в употреблении в его время. Исследователи Шекспира часто высказывали мысль, что его язык стоит ближе к разговорному языку XVI века, чем язык кого-либо из его современников-писателей»¹.

§ 22. Экспрессивная функция абсолютных конструкций

Экспрессивная функция АК основана на грамматической специфике этих конструкций, на контрастном противопоставлении абсолютного оборота главному составу предложения. Контрастная сопряженность действий или состояний отчетливей всего выступает в субъектно-причастном типе АК. Наличие особого агента при предикате абсолютного оборота воспринимается как синтаксический контраст благодаря тому, что обычно причастный оборот в английском предложении имеет общее с главным составом подлежащее. Возможно, что более глубокое обоснование явления экспрессивности заложено в так называемой «скрытой» грамматике, в формах ее обнаружения и функциях «скрытых» категорий. Шахматов, Щерба, Пешковский и Потебня в нашей стране и Уорф, Кошмидер и Вайнрайх за рубежом положили начало разработке «скрытых категорий» грамматики, выполняющих ряд существенных функций в строе языка. Этому вопросу посвящена третья глава «Типологии языка» С.Д. Кацнельсона².

Конечно, сама по себе АК, как и любая синтаксическая структура, не может иметь самостоятельной экспрессивной функции, она лишь поддерживает определенную степень экспрессии, выраженную лексически. Говоря об экспрессивной функции АК, мы имеем в виду подсобную роль усиления и подчеркивания лексически выраженной экспрессии. Так, АК субъектно-причастного типа могут использоваться для усиления четырех различных видов экспрессивной функции: 1) спокойного, бесстрастного, рассудочного повествования или рассуждения; 2) иронии или даже комического эффекта; 3) динамики действия и 4) уточнения деталей обстановки действия.

¹ В.Н. Ярцева. Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке. Л., изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1940, с. 93.

² С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., «Наука», 1972, с. 78—94.

«Рационалистическая» функция, придающая спокойную бесстрастность рассуждению, естественным образом связана с исконным употреблением АК в официально-деловом жанре, в документах законодательного, административного и судебно-юридического характера. Перенесенное в область художественной литературы такое употребление конструкции может придавать повествованию оттенок рассудочности, сдержанности, сухости. Американский классик Генри Джеймс, который предпочитает приглушенные тона, пользовался АК преимущественно в этой экспрессивной функции.

Her husband presently followed her, and there being no other company we went to dinner. (Henry James. *The Author of Beltraffio*)

Затем появился и ее муж, и, поскольку я был единственным гостем, мы сели за обеденный стол.

In the way of society, it must be confessed, her privileges were meagre, Sir Arthur Demesne and his two compatriots being... her only visitors. (Henry James. *The Siege of London*)

Что касается ее успехов в обществе, то они были более чем скромные: единственными ее посетителями были сэр Артур Демен и двое его соотечественников.

Лексический состав АК «there being + субъект» уже в произведениях писателей-реалистов XVIII века, особенно у Дефо и Филдинга, служил частым приемом рационалистической манеры повествования. Аналогичным образом употребляется и формула *this being the case* или *such being the case*.

И, совершенно естественно, будучи перенесена в другой контекст, в другую ситуацию, та же формула АК может фигурировать как средство иронической экспрессии. Например, в следующем эпизоде:

"Jane suits me; do I suit her?"

"To the finest fibre of my nature, Sir."

"The case being so, we have nothing in the world to wait for: we must be married instantly." (Ch. Brontë. *Jane Eyre*.)

— Я люблю Джейн, но любит ли она меня?

— Всем существом, сэр.

— Если дело обстоит так, то нам нечего больше ждать; нам нужно немедленно обвенчаться.

Нужно учесть, что переходу от одного вида экспрессивности к другому, противоположному, т. е. от рассудочного к ироническому, в данном случае способствуют три фактора: прямая речь, кульминационная ситуация романа и подчеркнуто суховатая манера Rochester, отраженная в его речевой характеристике.

Писатель с изощренным стилем, крайне разборчивый в средствах выражения, Де Куинси чаще всего пользуется АК для усиления иронии. В «Исповеди курильщика опиума» больше половины всех АК имеют подчеркнуто ироническую экспрессию.

Two things blunt the general sense of horror which would else connect itself with toothache, viz., first, enormous diffusion, hardly a household in Europe being clear of it... (Th. De Quincey. *Confessions of an English Opium-Eater*)

Два обстоятельства притупляют чувство ужаса, которое естественным образом должна бы вызывать зубная боль: во-первых, ее широкое распространение: во всей Европе едва ли найдется семья, где она была бы неизвестна.

Экспрессивная функция АК выступает выпукло при сопоставлении со связанным причастным оборотом в аналогичных контекстах и ситуациях. Причастие, отнесенное к подлежащему главного состава предложения, отражает плавное развитие мысли и передает действие, связанное с действием, выраженным сказуемым:

Accordingly, having reduced the baggage within the smallest possible compass... we left Baltimore by another railway. (Ch. Dickens. *American Notes*)

Таким образом, сократив до минимума количество нашего багажа..., мы выехали из Балтимора по другой железной дороге. (Ч. Диккенс. *Американские заметки*. Собр. соч., т. 9)

В приведенном примере причастным оборотом передана последовательность действий без какого-либо экспрессивного оттенка. Когда же, вслед затем, Диккенс рисует комическую картину отъезда из Нью-Йорка в переполненном дилижансе, он прибегает к АК:

However, they booked twelve people inside and the luggage (including such trifles as a large rocking-chair and a good-sized dining-table) being at length made fast upon the roof, we started off in great state.

Переводчица (Т.А. Кудрявцева) несомненно почувствовала подчеркнутую иронию этой сцены и усилила ее лексическими средствами:

Как бы то ни было, в карету запижали двенадцать пассажиров, и, когда багаж (включая такую мелочь, как большая качалка и внушительных размеров обеденный стол) был, наконец, привязан на крыше, мы торжественно двинулись в путь.

«Запижали» двенадцать пассажиров — здесь типичный пример использования приема экспрессивной конкретизации (см. § 25).

Использование АК в экспрессивной функции всегда опирается на выраженную лексически экспрессию, будь то ироническая, динамическая или иная. Сопоставляя АК, подчеркивающие иронию у разных авторов в различные эпохи, мы отмечаем удивительную однородность логического построения этих АК. Достаточно сравнить следующие примеры:

He composed a body of about 350 sermons, which thus, at the rate of two every Sunday, revolved through a cycle of three years, that period being modestly assumed as sufficient for ensuring to their eloquence total oblivion. (Th. De Quincey. *Confessions of an English Opium-Eater*)

В этих строках, написанных в 1821 году, Де Куинси высмеивал своего опекуна-священника.

Он составил сборник, содержащий около 350 проповедей, которых должно было хватить, из расчета по две на каждое воскресенье, на целых три года, ибо, по скромному разумению автора, трехгодичного периода было вполне достаточно, чтобы обеспечить этим цветам красноречия полное забвение.

Можно отметить, что и здесь функция усиления иронии компенсируется в переводе лексической экспрессивной конкретизацией: *по скромному разумению автора, цветам красноречия*. Добавленная в переводе метафора подсказана ироническим тоном русской фразы.

Сопоставим с приведенным выше пример из рассказа Сомерсета Моэма «Источник вдохновения»:

But Mrs Albert Forrester did not confine herself to weekly tea-parties; every Saturday she gave a luncheon of eight persons; this according to her opinion being the perfect number for general conversation and her dining-room conveniently holding no more. (W. Somerset Maugham. *The Creative Impulse*)

Но миссис Форрестер не ограничивала свои приемы еженедельными чаепитиями: каждую субботу у нее устраивался завтрак на восемь персон; это число она считала идеальным для общей беседы, и к тому же оно диктовалось скромными размерами ее столовой.

Экспрессивная функция АК усиливается повторным применением однородных членов предложения в параллельных конструкциях. В приводимом далее примере из Марка Твена ироническая экспрессия еще подчеркивается тем обстоятельством, что здесь пародийное использование протокольной формы отмечено характерным для официально-канцелярского стиля абсолютным оборотом с причастием I:

The session of the Board being duly opened, the roll is rapidly called, the members present responding, and the absentees being noted by the clerks for fines:

"Ackerman (Here!), Adams, Atchison (Here!), Babcock, Bock (Here!), Badger, Blitzer, Bulger, Buncombe (Here!), Caxton (Here!)"... and so on, the place becoming lively and animated, and the members sharpening their pencils, disposing their printed stocklists before them, and getting ready for a sowing of unrighteousness and a harvest of sin. (*Mark Twain's San Francisco*)

В переводе на русский язык синтаксическое усиление экспрессии в подлиннике может быть передано только лексическими средствами. Эта вполне закономерная замена очень часто оказывается неизбежной не только при переводе абсолютной конструкции, но и в отношении других синтаксических средств.

После того как заседание правления было объявлено открытым, секретарь тотчас приступил к проверке присутствовавших, причем клерки стали отмечать отсутствующих с тем, чтобы подвергнуть их штрафу. «Акерман!» (Здесь!) «Адамс, Ачесон!» (Здесь!) «Бабкок, Бок!» (Здесь!) «Баджер, Блицер, Булджер, Банком!» (Здесь!) «Кэкс-тон!» (Здесь!) ... и т.д. Между тем атмосфера в зале заседаний все накалялась, а члены правления заточивали карандаши... и готовились посеять семена нечестивости и собрать жатву греха.

Широко распространено использование АК в функции усиления динамики действия.

The dance broke up, the couples hurrying to their seats.
(Ch. Norris. *The Octopus*)

В переводе художественного текста особенно важно выбрать наиболее подходящую форму синтаксической связи, наилучшим образом передающую и смысловую сопряженность, и экспрессивную функцию АК:

Музыка умолкла, и танцующие пары устремились по местам.

В последнем примере отчетливо намечается экспрессивная функция разносубъектных АК: динамического повествования. В следующем примере абсолютным оборотом усиливается стремительность действия, выраженная лексически и в главном составе предложения, и в обороте:

The reins broke in Lord Mohun's hands, and the furious beasts scampered madly forward, the carriage swaying to and fro...
(W. M. Thackeray. *Henry Esmond*)

Вожжи лопнули, и взбесившиеся животные, не разбирая пути, неслись вперед, карету бросало из стороны в сторону... (У. М. Теккерей. *История Генри Эсмонда*)

В этом переводе абсолютный оборот передан бессоюзным сочинением. Второе *и* перед *карету бросало* было бы неприемлемо не только ввиду нарушения нормы русского синтаксиса, но и потому, что оно

мешало бы убыстрению темпа повествования. Совершенно очевидно, что в данном и подобных случаях неприемлема и связка «причем», вполне оправданная для передачи сопутствующих обстоятельств в переводе текстов других жанров, кроме художественного. Следует заметить, что в примере из «Генри Эсмонда» было бы нелогично выделять абсолютный оборот в самостоятельное предложение: *Карету бросало из стороны в сторону*, так как это разрушило бы единство картины и придало бы чрезмерное значение второстепенному обстоятельству, не говоря уже о нарушении ритмомелодического рисунка. В переводе прозы Теккерея и этот фактор имеет немаловажное значение.

Во французском переводе романа также использована АК, но с причастием II вместо причастия I в английском языке. Здесь сказывается разграничение между пассивом и активом во французском языке более четкое, чем в английском, где глагол *sway*, как и многие другие глаголы, может иметь обе залоговые функции.

Les rênes rompirent dans les mains de lord Mohun, et les bêtes détalèrent comme les furieuses, la voiture balancée d'avant en arrière.

Заметим, между прочим, что во французском переводе неправильно передано движение *balancée d'avant en arrière*.

Динамика действия может усиливаться опущением связочного причастия *being* в абсолютном обороте:

The King dead then, the Princess Ann was proclaimed by trumpeting heralds all over the town. (W. M. Thackeray. Henry Esmond)

Итак, Король скончался, и принцесса Анна была провозглашена королевой во всей столице... при звуках труб скачущих герольдов. (Пер. Вл. Ив. Штейна, 1895)

В этом переводе динамика повествования не передана. В новом переводе Е.Д. Калашниковой экспрессивная функция АК передана лексическими средствами:

Итак, тотчас же после смерти короля по всему городу... затрубили герольды, ... провозглашая восшествие на престол Анны.

Гораздо чаще экспрессивная функция динамического повествования передается односубъектной АК, чем разносубъектными. Можно с полным основанием утверждать, что убыстрение темпа повествования — основная экспрессивная функция этой категории АК. Об этом свидетельствует регулярность использования АК как средства усиления динамики в целом ряде произведений художественной прозы и драматургии, начиная с Шекспира и его современников.

Очень часто АК используется и в так называемой «детализирующей» функции, уточняя детали обстановки, подробности внешнего порядка: позу, манеры, одежду, детали внешности, но, как правило, не постоянные признаки, а действительные лишь на время совершения действия, выраженного предикатом.

He came into the room, his face red of shame.

Он вошел в комнату, заливаясь краской стыда (покраснев от стыда).

Как было показано, разным категориям АК присущи различные экспрессивные свойства. Однако далеко не всегда эти свойства бывают четко разграничены. Они могут переплетаться в рамках одной и той же категории, например, «рационалистическая» функция с иронической внутри разнособъектной АК, как это можно было видеть на примере из рассказа Марка Твена; динамическая функция односубъектной АК может сочетаться с «детализирующей», что особенно характерно для эллиптических разновидностей конструкции (с опущением артикля или притяжательного местоимения). Эта двойственность, разумеется, должна учитываться при переводе.

В основном, рассматриваемое явление совмещения видов экспрессивной функции встречается в художественной литературе. Но следует учитывать, что английская публицистика чуть ли не с шекспировской эпохи так тесно соприкасается с художественной прозой, что многие жанровые особенности стали для них общими. Из этого, конечно, не следует, что к одинаковым (или, по крайней мере, аналогичным) экспрессивным функциям в разных жанрах закономерен одинаковый подход при переводе. В художественном тексте все средства стилистического и экспрессивного порядка подчинены общему идейно-художественному замыслу. В публицистике же, особенно в английских и американских газетах и журналах, нередко можно встретить АК, использованные более или менее случайно, без учета их назначения, и, следовательно, не имеющие определенной стилистической или экспрессивной функции. Если АК встречается в таких текстах хотя бы как средство разнообразия синтаксиса, например, для избежания наслоения придаточных предложений, то это следует учитывать при переводе, стараясь придать сложному синтаксическому целому четкую и удобно произносимую форму, или же ликвидировать период в переводе, разбив его на части. Членение периода в подобных случаях зависит, главным образом, не от его грамматического построения, а от смысловой структуры. Не следует разбивать на части единое смысловое или экспрессивное целое, все элементы которого неразрывно связаны друг с другом. Естественно, что подобная целостность более свойственна периодам в художественном тексте, чем в материалах других жанров.

Не только эмоциональностью и оценочным моментом ограничивается экспрессивное использование синтаксиса. Синтаксическое подчеркивание, выделение важнейшего элемента высказывания тоже является составной частью экспрессии. В следующем примере

абсолютным оборотом выражено далеко не второстепенное обстоятельство, и вполне понятно, что в переводе оно вынесено в главное предложение.

In the car, with Dick driving, they followed the little promontories of the lake, catching the burn of light and water in the windshield, tunnelling through cascades of ever green. (F. Scott Fitzgerald. *Tender is the Night*)

Дик вел машину вдоль берега озера, по шоссе, огибавшему каждый мысок, и она то ныряла в зеленый древесный туннель, то опять выезжала на открытое место, подставляя ветровое стекло водяным брызгам и солнцу. (Ф. Скотт Фицджеральд. *Ночь нежна*. Пер. Е. Калашниковой. М., 1971)

В этой живописной сцене, где каждая деталь сделана рукою мастера, все же главное действующее лицо — герой романа, и его роль, его переживания в разворачивающихся дальше событиях, разумеется, важнее фона, часть которого составляет главное предложение подлинника.

Можно сказать, стало почти truизмом мнение о неупотребительности АК в разговорной речи. Исследовавшая этот вопрос Г. Р. Нагель (Черновицкий университет) на многочисленных примерах из английской и американской литературы и драматургии показала, что беспричастные АК широко употребляются для передачи эмоционально насыщенных, кульминационных моментов повествования. Приводимые ею примеры из пьес Б. Шоу, Дж. Голсуорси, А. Миллера, Дж. Гау и д'Юссо и, в особенности, из пьес Шона О'Кейси (13 АК на сто страниц его пьесы «Красные розы для меня») убедительно доказывают, что в устной речи АК этой категории несут большую экспрессивно-эмоциональную нагрузку и что неоднократно высказанное мнение о неупотребительности АК в устной речи ошибочно.

Разве не характерен следующий пример употребления АК в устах простой женщины — больничной сиделки из пьесы Голсуорси.

Nurse.— I'm sore night and day thinkin' of my son, and him lying out there at night without a rag of dry clothing... and every day one of his friends laid out stark and cold, and one day — 'imself, perhaps. Ah! Miss Katherine, I wonder how you bear it — bad news comin' every day — And Sir John's face so sad — And all the time the master speaking against us, as it might be Jonah 'imself. (J. Galsworthy. *The Mob*)

Няня. Я терзаюсь день и ночь, все думаю о сыне... как он там лежит без одеяла, без сухой одежды, и каждый день кто-нибудь из его друзей остается навсегда в земле, неподвижный и холодный, а наступит день — и он там останется. Ах! мисс Кэтрин, удивляюсь, как вы это все переносите — каждый день плохие новости... И у сэра Джона такой мрачный вид. И хозяин все время обвиняет нас, как сам пророк Иона.

В данном примере четыре абсолютных причастных оборота и только один: *and Sir John's face so sad* — беспричастный. Стало быть, и причастные АК используются как средство экспрессивного подчеркивания в устной речи.

Функциональная основа передачи семантико-стилистического значения синтаксических конструкций наглядно выступает при анализе передачи в переводе таких английских и французских структур, которые не имеют постоянного соответствия в русском языке. В первую очередь это относится к синтаксическим комплексам, которые, однако, находят довольно полное освещение в грамматиках. В ином положении оказываются абсолютные конструкции, стилистическое и экспрессивное использование которых все еще требует исследования после появления диссертации автора этих строк¹.

§ 23. Анаколуф и его отражение в переводе

Одним из стилистико-синтаксических средств, встречающихся в разговорной речи и художественной литературе, в котором экспрессивное начало доминирует над логическим, является так называемый анаколуф. Анаколуф — это грамматический разрыв в построении предложения, несоответствие структуры конца предложения его началу. В большей или меньшей степени анаколуф свойствен всем языкам.

Некоторые лингвисты, особенно те, кто придерживается пуристских взглядов на грамматику, как например автор словаря *“The King's English”* Фаулер, считают употребление анаколуфа признаком неграмотности пишущего или говорящего. Однако чем в таком случае можно объяснить тот факт, что писатели различных школ и направлений пользуются анаколуфом, в том числе такие выдающиеся писатели, как Дефо, Свифт, Диккенс, Теккереи, Томас Гарди, Голсуорси, Кронин, Стивенсон и Оскар Уайльд в Англии; Фрэнк Норрис, Эдгар По, Марк Твен, Драйзер, Фолкнер, Хемингуэй — в Америке? Внимательный анализ большого числа примеров показывает, что анаколуф выполняет различные экспрессивные функции. Чаще всего он встречается в речи персонажей литературных произведений.

«В устной речи», говорит А. А. Потебня, «особенно при наклонности говорящего к построению длинных предложений, действительная анаколуфия встречается весьма часто. Где она не во вред понятности, там удержание ее и на письме может стать художественным приемом, сообщаящим речи живость и простоту»².

¹ См. Я. Рецкер. Стилистико-грамматическое значение абсолютных конструкций в современном английском языке. М., 1953. (Канд. дисс.)

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, Т. I—II. Харьков, 1888, с. 195.

В устной речи анаколуф обычно возникает, когда говорящий, прерванный кем-то или прервавший самого себя по каким-либо причинам, забыв о структуре начатого им предложения, заканчивает его структурой другого типа. Кроме внешних помех, такой разрыв большей частью объясняется психическим состоянием говорящего в момент речи: волнением, растерянностью, неуверенностью, спешкой.

Нужно иметь в виду, что далеко не всегда анаколуф в иностранном языке может быть передан анаколуфом в переводе на русский язык. По-видимому, грамматический разрыв, аналогичный анаколуфу в английском или французском языке, не свойственен или менее свойственен русскому. Когда в первом акте «Гамлета» появляется тень покойного короля, Марцелло в замешательстве говорит:

Marcellius

'Tis gone!

*We do it wrong, being so majestic
To offer it the show of violence...*

(Shakespeare. Hamlet, Act. I, sc. I)

Марцелл

Ушел!

*Напрасно мы, раз он так величав,
Ему являем видимость насилья...*

(В. Шекспир. Полное собр. соч., 1936, т. V)

В этом переводе М. Лозинского функция анаколуфа не передана. Вместо страха и смущенья, вызванного появлением призрака, в русской фразе чувствуется скорей налет резонерства, не говоря уже о тяжеловесности ее структуры и о буквальной передаче отдельных слов. Правильней поступил Б. Пастернак, дав более свободную интерпретацию подлинника, но и в его переводе стилистико-синтаксическая функция анаколуфа не передана:

Марцелло

Ушел!

*Мы раздражаем царственную тень
Открытым проявлением насилья.*

(В. Шекспир в пер. Б. Пастернака. М.—Л., «Искусство», 1949)

Бесспорно, в этом переводе больше естественности, чем у Лозинского, но экспрессивное значение его прямо противоположно тому, которое соответствовало бы функции анаколуфа: у Пастернака Марцелло говорит невозмутимым тоном абсолютно спокойного человека. В его речи нет ни малейшего признака взволнованности, растерянности,

страха. Синтаксический разрыв и его стилистическая функция остались за бортом, не привлекли внимания переводчика. И следует признать, что игнорирование анаколуфа переводчиками — весьма распространенное явление.

В романе «Белая обезьяна» Джона Голсуорси жена безработного, Викторина Бикет, скрывает свою работу натурщицей от мужа, шадя его самолюбие мужчины и боясь возбудить подозрения.

Waiting for her bus in the cold January air, the altogether appeared to Victorine improbable. (J. Galsworthy. The White Monkey)

Конечно, причастие *waiting* соотносится не с подлежащим *altogether*, а с дополнением *Victorine*, и анаколуф косвенным образом передает смятенное состояние Викторины. В переводе это не нашло ни малейшего отражения:

Викторина ждала автобуса на холодном январском ветру, и ей казалось, что позировать нагой — невысказано. (Дж. Голсуорси. Собр. соч., т. 3. М., 1962)

Сеансы уже подходят к концу, как вдруг Бикет случайно узнает, что его жена позировала художнику обнаженная:

Bicket stumbled, half-blind, along the Strand. Naturally good-tempered, such a nerve-storm made him feel ill, and bruised in the brain.

Шатаясь, как слепой, шел Бикет по Стрэнду. Характер у него от природы был спокойный, и после нервной вспышки он чувствовал себя совершенно больным и разбитым.

Не случайно в подлиннике начало и конец сюжетной линии — маленькой драмы в семье Бикетов — оформлены одинаково: конструкцией с грамматическим разрывом. Это придает повествованию добавочный оттенок напряженности, взволнованности. Однако перевод совсем не передает эту психологическую нагрузку грамматической конструкции.

Как и большинство других грамматических средств, анаколуфная конструкция полифункциональна. Нередко она имеет совсем иную экспрессивную функцию: непринужденности, разговорной небрежности повествования или речи персонажей литературного произведения. В этой функции можно часто встретить анаколуф у Драйзера.

And trying on many caps, there was one that fitted him. (Th. Dreiser. An American Tragedy)

Примерив несколько шапочек, Клайд подобрал такую, которая оказалась ему впору. (Т. Драйзер. Американская трагедия. Пер. З. Вершининой и Н. Галь)

Not being as attractive as Doyle, it was not so easy for him to win the attention of girls... (Там же)

Хеглунд не был таким красивым, как Доил, и ему было не так легко завоевать внимание девиц. (Там же)

Для Драйзера характерно использование вводно-опорного слова *it* или *there* в главном составе анаколуфного предложения, где субъект представлен личным местоимением в объектном падеже. По этому местоимению (здесь — *him*) обычно и определяется логический субъект (Клайд — в первом и Хеглунд — во втором примере). Личное или притяжательное местоимение служит для установления субъекта действия и в предложно-абсолютных конструкциях с анаколуфом:

But, as he knew, the situation was not to be solved without his aid. And the proof of it came toward the end of the second week of his arrangement with Hortense, when, with fifty dollars in his pocket, which he was planning to turn over to her on the following Sunday, his mother, looking into his bedroom where he was dressing, said...

Но он знал, что семья не выпутается без его помощи. Подтверждение явилось в конце второй недели его соглашения с Гортензией. Он как раз одевался в своей комнате, и в кармане у него лежали пятьдесят долларов, которые он хотел передать Гортензии в следующее воскресенье; в это время к нему заглянула мать.

Лебидуа считают, что если говорящий, не закончив синтаксической конструкции, с помощью которой он начал излагать свою мысль, переходит к конструкции другого типа, то это прежде всего объясняется психическим состоянием говорящего или пишущего. Анаколуфное построение предложения «объясняется сильной озабоченностью или спешкой, побуждающей говорящего высказать главное сплеча, не задумываясь над тем, как увязать конец высказывания с его началом»¹.

В своих мемуарах чтица Марии-Антуанетты госпожа Кампан приводит отрывок из адресованного ей письма наперсницы королевы принцессы де Ламбаль, в котором последняя признается в том, что она приставила к г-же Кампан своего шпиона. Видимо, такое признание не легко далось сياتهльной особе, и ее письмо несет отпечаток замешательства. Можно было бы попытаться передать анаколуф русским неотнесенным деепричастием, нарушив норму:

Savez-vous que moi-même, vous connaissant moins particulièrement que la reine, on m'avait mise en défiance envers vous, et qu'au commencement de l'arrivée de la cour aux Tuileries, je vous ai donné un espion de société, et vous en fis donner un autre de la police à votre porte. (*Mémoires de Madame Campan*)

¹ G. et R. Le Bidois. Syntaxe du français moderne. T. I, P., 1967, § 18.

«Знаете ли Вы, что будучи знакома с Вами меньше, чем королева, меня настроили против Вас, и после переезда двора в Тюильри я представила к Вам шпиона из общества и поставила полицейского шпиона у Ваших дверей?»

В переводе частного письма можно позволить себе такую вольность. Другое дело — в переводе исторического повествования. Здесь действуют законы жанра, и нарушение норм русского языка было бы воспринято читателем как свидетельство неграмотности переводчика. Нередко сбиваются на анаколуф в кульминационных пунктах повествования. Это можно наблюдать, например, когда в своей «Истории Англии» О. Голдсмит описывает казнь Карла I и казнь Марии Стюарт. Оба эпизода — их кульминация — переданы одинаково: абсолютной причастной конструкцией с анаколуфом. Голдсмита — историка никак нельзя заподозрить в небрежности, особенно при описании столь трагического события — казни венценосцев, которым он сочувствует. Скорей всего, эти анаколуфы — результат смятения чувств самого историка, который, соблюдая внешнее беспристрастие и подчеркнутую объективность летописца, все же, хотя бы косвенным образом, проявляет свою взволнованность. Несомненно, автор перечитывал свою рукопись и правил книгу в корректуре, но не счел нужным исправить фразы с грамматическим разрывом.

Then he laid his neck on the block, and stretching out his hands as a signal, one of the executioners severed his head from his body at a blow, while the other, holding it up, exclaimed, "This is the head of a traitor!" (O. Goldsmith. *History of England*)

И тогда, положив голову на плаху, он вытянул руки, как бы подавая сигнал палачам, и один из них ударом топора отрубил ему голову, а другой, высоко подняв ее, воскликнул: «Вот голова изменника!»

Then reciting a psalm and repeating a pious ejaculation, her head was severed from her body at two strokes, by the executioner.

И в то время как она, повторяя слова молитвы, пела псалом, палач двумя ударами топора отсек ей голову.

В описании казни Марии Стюарт анаколуфное построение предложения еще усугубляется гротескным сочетанием *reciting a psalm... her head was severed from her body*. Если перевести эту фразу дословно, не изменяя конструкции, то получилось бы, что *читая псалом, ее голова была отделена от туловища*.

Как уже было указано, анаколуф многими исследователями считается признаком недостаточной грамотности говорящего или пишущего. Естественно, что эта функция анаколуфной структуры может быть использована и как стилистический прием. В романе Голсуорси

«Сдается в наем» Сомс Форсайт получает анонимное послание, причем остается неясным, то ли оно исходит от прислуги или постороннего малограмотного человека, то ли анаколуф является маскировкой, отводящей подозрение от «доброжелателя» из круга знакомых Сомса.

Sir. I feel it my duty to inform you that having no interest in the matter your lady is carrying on with a foreigner. (John Galsworthy. To Let)

Причастный оборот *having no interest*, конечно, относится не к подлежащему *your lady*, а к личному местоимению главного предложения, что придает всему предложению характер гротескной неправильности. В переводе Н. Вольпин эта речевая характеристика малограмотного анонимщика передана перемещением придаточного уступительного в «чужую» смысловую группу, в группу дополнительного придаточного. Таким образом, найден интересный способ синтаксической передачи функции анаколуфа.

Сэр. Считаю своим долгом довести до Вашего сведения, что хотя я не имею в этом деле никакой корысти, Ваша супруга состоит в связи с иностранцем. (Дж. Голсуорси. Собр. соч., т. 2)

Учитывая тенденцию к передаче выразительных средств равноценными средствами, можно задать вопрос, не следует ли стремиться передавать анаколуф неким подобием его и в переводе на русский язык? Ведь в XVIII веке неотнесенное деепричастие, которое теперь воспринимается как анаколуф, не считалось нарушением нормы. Более того, оно нередко имело определенное экспрессивное значение.

Живучи здесь с месяц, попалась глазам моим эта прекрасная особа. (М.Д. Чулков. Пересмешник, или Славянские сказки. «Русская проза XVIII века», т. I)

В «Письмах из Франции» Д.И. Фонвизина аналогичная конструкция встречается неоднократно:

Внутри города есть сад королевский: а вышед из городских ворот, есть гульбище, называемое la Place du Peyron. (Письмо сестре, 20 ноября 1777 года. «Русская проза XVIII века», т. I)

В письме графу П.И. Панину от 12 ноября 1777 года Фонвизин описывает церемонию открытия Генеральных штатов в Монпелье:

Заседание началось чрез одного синдика чтением исторического описания древнего монпельевского королевства. Прошед времена древних королей и упомянув, как оно перешло во владение французских государей, сказано в заключение всего, что ныне благополучно владеющему монарху надлежит платить деньги. (Там же)

Если неотнесенное деепричастие *вышел* в письме к сестре указывает на естественность этого приема в непринужденном разговорном стиле, то деепричастия в письме графу Панину *прошед* и *упомянув*, контрастируя с явно иронической концовкой, подчеркивают насмешливый тон высказывания.

И все же копирование анаколуфного построения в русском переводе в наше время недопустимо. Еще в середине девятнадцатого столетия стилистическая норма русского синтаксиса так далеко ушла от XVIII века, что неотнесенные деепричастия стали производить на читателя комическое впечатление. Недаром этот архаизм был неоднократно подвергнут осмеянию. Достаточно вспомнить афоризм Козьмы Пруtkова: «Единойды солгавши, кто тебе поверит». Известны пародии прутковцев на анаколуфные конструкции, характерные для «изысканного» стиля придворных XVIII века:

Однажды, когда ночь покрыла небеса невидимою своею епанчою, знаменитый французский философ Декарт, у ступенек домашней лестницы своей сидевший и на мрачный горизонт с превеликим вниманием смотрящий,— некий прохожий подступил к нему с вопросом... (Сочинения Козьмы Пруtkова)

Которая отповедь тому королю отменное удовольствие причинивши, оный кавалер не без награды за нее остался. (Там же)

Можно сказать, что неотнесенное деепричастие было похоронено Пруtkовым. И все же можно отметить в русском языке формальные соответствия, близкие анаколуфу в английском и французском языках, выраженному обособленными определениями без определяемого:

Tall as himself, strong in the cheekbones, well tailored, something in her face disturbed Soames. (John Galsworthy. *In Chancery*)

Анаколуфное построение предложения в переводе М.П. Богословской сохранено, и это нисколько не нарушает гармонии повествования, так как в предыдущей фразе говорится: «Она встала и пошла ему навстречу».

Высокая, с него ростом, с выдающимися скулами, прекрасно одетая, но что-то в ее лице встревожило Сомса.

Любопытно, что даже обособленные определения в русском языке могут быть превращены в переводе на английский в анаколуфную конструкцию:

В валенках, в пуховом платке, мягкая, ловкая, она удивительно напоминала кошку. (Г. Николаева. *Жатва*)

Soft and lithe, in felt boots and wooly shawl, there was something remarkably catlike about her. (*Soviet Literature*)

В таком контексте анаколуф подчеркивает непринужденность и безыскусственность почерка автора. Там, где это позволяют языковые средства, переводчик, воспроизводя аналогичный строй предложения, стремится передать «голос автора».

Можно полагать, что в современном английском языке анаколуф более привычное явление, чем во французском. По крайней мере, в английском переводе романа Николаевой анаколуф употреблен, а во французском — нет.

Во французском переводе роль анаколуфа выполняет обособление ряда определений в препозиции:

Chaussée de bottes de feutre, enveloppée d'un châle duvetée, souple, agile, elle ressemblait étonnement à une chatte. (Littérature Soviétique)

Адекватность английского и французского перевода достигнута различными средствами, но в обоих переводах соответствие синтагматического членения предложения подлиннику создает ту же экспрессию и воспроизводит тот же ритмико-мелодический рисунок.

Глава четвертая. Экспрессивно-стилистическая основа перевода

§ 24. Стиль и экспрессия

«Стиль — это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа»¹.

Это определение выделяется из числа многих тем, что оно с исчерпывающей полнотой раскрывает лингвистическую сущность стиля. Адекватный перевод невозможен без учета стилистической стороны подлинника. Однако для того, чтобы разбираться в жанровом и индивидуальном своеобразии «отбора, сочетания и целенаправленного использования» языковых средств, необходимо прежде всего знать особенности этих средств. Описанием стилистических особенностей грамматического строя, лексики, фразеологии и выразительных средств языка занимается лингвистическая стилистика. В противоположность литературоведческой стилистике лингвистическая ставит перед собой более широкую задачу — охарактеризовать стиль языка. Но и литературовед, рассматривая особенности индивидуального стиля автора или характерные черты литературного жанра, не может пройти мимо анализа языковых средств, если он стремится проникнуть в суть вопроса. В противном случае он будет скользить по поверхности.

Не следует думать, что проблема стиля возникает лишь при переводе художественного текста. Любая газетная статья, даже газетная информация имеет более или менее ясно выраженную стилистическую характеристику. Более того, если главное для переводчика художественной прозы — в стилистическом плане — воссоздать индивидуальный «почерк» автора, передать его голос средствами другого языка, то перед переводчиком публицистики или газетно-информационного материала может стоять и более простая, и более сложная задача. Ведь публицистический стиль изучен гораздо хуже, чем стиль художественной литературы, а газетно-информационный и того менее. Поэтому при переводе публицистики или газетной статьи нередко возникает трудный вопрос: нужно ли передавать стилистическое своеобразие

¹ В.В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. «Вопросы языкознания», 1955, № 1, с. 73.

текста и если да, то какими средствами. В основном это вопрос о том, следует ли равняться на стиль нашей прессы или на стиль оригинала. Или вообще пренебречь трудно передаваемыми стилистическими характеристиками текста.

Думается, что однозначного ответа на этот вопрос не существует. Прежде всего, важно учитывать назначение перевода. Далеко не всегда стилистическая изощренность материала, призванного в первую очередь информировать и убеждать, способствует его усвоению в другой стране на языке перевода. Конечно, если это памфлет, фельетон, ораторская речь, материал такого рода будет выхолощен в переводе, не сохранившем его стиль. Другое дело, когда переводится текст информационного или пропагандистского характера и за стилистическими деревьями читатель может не увидеть леса. Ведь те специфические приемы украшения, которыми пользуются буржуазные газеты и журналы, подчас носят столь узконациональный или даже местный характер, что могут быть переданы в переводе лишь в сопровождении подробных примечаний. В большинстве случаев такие примечания лишь загромождают текст и ничего не дают ни уму ни сердцу нашего читателя.

Важно учитывать также, что «характер стиля определяется не только нормами грамматики, лексики и фразеологии, но и формами экспрессии»¹. Любые стилистические средства экспрессивны, так как имеют эмоциональное или оценочное действие. Нередко даже нейтральные в стилистическом отношении языковые средства могут приобретать экспрессивное значение. Переводчик должен учитывать и стилистическую, и экспрессивную сторону подлинника. Анализируя стилистическую и экспрессивную характеристику отдельных звеньев языковой ткани и соотнося их с общим идейно-художественным замыслом автора, он устанавливает экспрессивно-стилистическую точность подлинника.

Конечно, даже квалифицированный переводчик не всегда может знать стилистическую характеристику слова, определяемую его принадлежностью к функционально-стилистическому слою лексики. Это затруднение преодолевается с помощью толковых или параллельных словарей. Как известно, слова нейтрального в стилистическом отношении слоя (примерно 90% лексики) обычно не имеют никаких помет. Слова, находящиеся «выше» или «ниже» этого слоя (так называемая периферийная лексика), снабжаются стилистическими пометами. К сожалению, различные словари нередко по-разному квалифицируют одни и те же слова. Чаще всего это относится к лексике нелитературно-разговорных слоев с пометами: «разговорное, фамильярное,

¹ В.В. Виноградов. Язык Пушкина. М., «Academia», 1935, с. 353.

просторечное, сленг, жаргон». Реже наблюдается разноречие в лексике с пометами «выше» нейтрального ряда: «книжное, официальное, канцелярское, поэтическое, архаичное, устарелое».

Но определить стилистическую принадлежность слова — это лишь полдела. Важно найти в русском языке слово, соответствующее переводимому не только по смыслу, но и стилю. Очень часто в русском языке не оказывается полного стилистического соответствия периферийному английскому или французскому слову. Даже когда параллельный словарь дает русское соответствие, принадлежащее к той же стилистической категории, что и иноязычное слово, нередко это соответствие не может быть использовано из-за неадекватности экспрессивного значения. Так, для слова *grub* БАРС дает только одно соответствие *жратва* с пометой *груб*. Однако русское слово гораздо грубее английского и к тому же относится к просторечию, тогда как *grub* в большинстве толковых английских словарей 1950–1970-х годов считается коллоквиализмом и, по-видимому, перешло из сленга в разговорную категорию. Может быть, сто или более лет тому назад, во всяком случае до Первой мировой войны, это пренебрежительное обозначение еды, пищи звучало грубо и с полным основанием причислялось к сленгу. Но в наше время, благодаря очень частому использованию, его острота притупилась, и можно указать примеры, когда оно произносится даже в официальной ситуации.

В последнем романе Крониной “A Pocketful of Rye” врач, приехавший на работу в швейцарскую клинику, спрашивает местного врача: “How is the grub?” Было бы вопиющей бестактностью вложить в уста новоприбывшего врача фразу: «А какая здесь жратва?» Но тут мы как раз сталкиваемся с распространенным явлением: в русском языке нет слова, стилистически адекватного английскому *grub*. Еда, пища — стилистически нейтральны, а дальше только грубые синонимы — *жратва*, *шамовка*. Таким образом, экспрессивная адекватность является решающим моментом при выборе слова в переводе.

Разумеется, лексический материал — важная, но не всегда важнейшая характеристика стиля. Характер стиля определяется всей совокупностью средств и их отношением к выражаемому содержанию, к идейно-художественному замыслу автора. Насколько сложна эта проблема можно видеть из диаметрально противоположных оценок стиля писателей, даже классиков английской литературы, как например, Даниэля Дефо. Один из столпов английской стилистики профессор Джеймс Мэрри высоко ставит литературный стиль Дефо, тогда как другие специалисты утверждают, что если Дефо читают, то вопреки его плохому стилю¹.

¹ См. D. Defoe. History of the Plague in London. (Preface), N. Y., 1894.

Экспрессивная окраска высказывания часто связана непосредственно со стилистическим отбором слов. В новейшей литературе и публицистике доминируют слова нейтрального ряда, и все же экспрессивный заряд этих произведений может превосходить тот эффект, который достигался бы в наши дни орнаментальной, насыщенной стилистическими фигурами прозой¹.

Острое оружие публицистики — ирония — нередко бывает ситуационной, без использования лексического средства — антифразы. И даже когда в переводимом тексте встретится стилистически безэквивалентное слово или выражение, не беда, если оно не будет передано равноценным образом. Важно передать тот эффект, который достигается периферийной лексикой, передать эмоциональную или оценочную сторону экспрессии. При переводе экспрессивное значение слова, как правило, доминирует над стилистическим.

§ 25. Экспрессивная конкретизация при переводе на русский язык

Сопоставление переводов с любого из западноевропейских языков на русский показывает, что сплошь да рядом вместо стилистически нейтральных слов подлинника в переводе появляются экспрессивно окрашенные русские слова. Закономерность этого явления, как мы увидим далее, подтверждается и анализом переводов с русского на другие языки. Наряду с более ярко выраженной экспрессивностью русская лексика отличается и большей конкретностью, что уже отмечалось выше, в разделе о наиболее распространенном приеме лексической трансформации — конкретизации значений.

Сущность экспрессивно-эмоциональной конкретизации была раскрыта В.Г. Гаком на основе сопоставлений переводов с французского языка на русский в сочетании с другим явлением — так называемым «экспрессивно-стилистическим согласованием». «Выбор выразительного слова объясняется нередко выразительностью соседнего слова или более широкого контекста. В русском языке экспрессивно-стилистическое согласование — один из законов словоупотребления»².

¹ Ю. Степанов, поправляя Балли, справедливо утверждает, что «нейтральный стиль — не абстракция, а один из реально существующих стилей общенародного языка, употребляемый в действительном общении людей, а потому это стиль не вовсе лишенный эмоционально-экспрессивных и социальных элементов, а лишь обладающий ими в меньшей степени, чем другие стили» («Французская стилистика», с. 219).

² В.Г. Гак. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М., «ИМО», 1966, с. 129.

Даже в параллельных иностранно-русских словарях можно видеть зафиксированные экспрессивно-эмоциональные соответствия в русском языке. Достаточно взять несколько наиболее частотных глаголов движения и действия в английском, французском, немецком, итальянском языках и сопоставить их русские эквиваленты или вариантные соответствия. Например, в 15-м значении глагола *go* БАРС приводит: *податься, рухнуть, сломаться, расколоться* — все эти глаголы отличаются высокой экспрессивностью.

Многие французские глаголы также требуют осмысления их экспрессивной характеристики при переводе, хотя наиболее частотные из них лишены всякого стилистического ореола. Пожалуй, при переводе французских глаголов движения и действия экспрессивная конкретизация даже более частое явление, чем при переводе с английского. Конечно, по полноте и детальности раскрытия смысловой структуры слов «Французско-русский словарь» К.А. Ганшиной значительно уступает двухтомному английскому словарю. И все же и в нем вполне достаточно примеров, подтверждающих высказанное положение.

В статье глагола *sortir* мы находим следующие экспрессивные значения: *выбегать, выползать, выскакивать, выбираться, выкарабкиваться*. Но если можно сказать *l'oiseau sorti de sa volière*, то, очевидно, в переводе будет: *птица вылетела (выпорхнула) из клетки*, и, стало быть, в данную статью следует добавить еще два русских соответствия. Это явление подробно разобрано в ценной работе В.Г. Гака «Беседы о французском слове».

Словарь приводит и примеры экспрессивного использования глагола *sortir* в стандартных словосочетаниях: *sortir indemne de* *счастливо отделаться*, *sortir de son caractère* *вспылить, разозлиться*, *sortir des gonds* *выйти из себя, как с цепи сорваться* (этот перевод грешит чрезмерным нажимом), *sortir d'embarras* *выйти из затруднения*.

Французский язык, словарный состав которого значительно уступает численностью английскому и немецкому, чрезвычайно экономно передает всю гамму звуков. Например, универсальный глагол *sonner* может употребляться в значениях: *звучать, звенеть, гудеть, трубить (отступление), бить (отбой)*.

Сгег значит не только *кричать*, но и *вопить, взывать, трезвонить, разглашать, бранить и скрипеть*. Список, приводимый в словаре К.А. Ганшиной, можно значительно пополнить.

В английском языке нет глагола с более широкой семантикой, чем *get*. Анализ статьи *get*, которую приводит БАРС, показывает, что очень многие русские соответствия переходному, непереходному и косвенно-переходному значению этого глагола являются экспрессивно-эмоциональными. Достаточно назвать хотя бы следующие: *добывать,*

проникать, схватить, захватывать, увлечь, волновать, заразиться, схватить (болезнь), вылезать, выведывать, выуживать, пробираться и т. д.

В большинстве случаев применение приема экспрессивной конкретизации в переводе сочетается с экспрессивным согласованием, т.е. с учетом ближайшего, а нередко и широкого контекста. Это можно проследить в ряде примеров, приводимых далее. Перевод в зависимости от контекста значительно расширяет рамки даже самого полного словаря за счет контекстуальных значений. Например, в переводе следующей фразы *get* получает не попавшее в БАРС контекстуальное значение.

She was able to get every ounce of humour out of the semicolon.
(W. Somerset Maugham. *The Creative Impulse*)

Из точки с запятой она умела выжать весь юмор до последней капли. (У. Сомерсет Моэм. *Источник вдохновения*. Пер. М. Лорие. Сб. «Дождь», М., 1961)

Выжать конкретизирует значение глагола *get* и экспрессивно поддержано дополнением *до последней капли*. Конечно, и английская фраза не лишена иронической экспрессии, но она вовсе не создается нейтральным *get out of*, а только *унцией* и контекстом, характеризующим героиню рассказа — миссис Форрестер, околелитературную даму и домашнего тирана.

Упорное многократное повторение глагола *get* может служить средством речевой характеристики персонажа, как, например, в романе Фицджеральда. Убогий словарь Миртл Уилсон, неверной жены владельца бензоколонки, разыгрывающей светскую даму, изобилует штампами и содержит рекордное количество *get* во всевозможных функциях.

"My dear", she cried, "I'm going to give you this dress as soon as I'm through with it. I've got to get another one to-morrow. I'm going to make a list of all the things I've got to get. A massage and a wave, and a collar for the dog, and one of those cute little ash-trays where you touch a spring, and a wreath with a black silk bow for mother's grave that'll last all summer. I got to write down a list so I won't forget all the things I got to do." (F. Scott Fitzgerald. *The Great Gatsby*)

— Ах, моя милая,— воскликнула она.— Я вам подарю это платье, когда совсем перестану его носить. Завтра я куплю себе новое. Нужно мне составить список всех дел, которые я должна сделать завтра. Массаж, потом парикмахер, потом еще надо купить ошейник для собачки и такую маленькую пепельницу с пружинкой, они мне ужасно нравятся, и венок с черным шелковым бантом мамочке на могилку из

таких цветов, что все лето не вянут. Непременно нужно все это записать, чтобы я ничего не забыла. (Ф. Скотт Фицджеральд. Великий Гэтсби)

Разумеется, шестикратное повторение *get* в этом монологе имеет подсобное значение, подчеркивая узость кругозора этой недалекой мещанки, ничтожнейшей и пошлейшей особы, которая, приехав в Нью-Йорк из захолустья, жаждет воспользоваться щедростью богатого любовника. Главное в этом монологе — сталкивание столь разнородных предметов, как новое платье и ошейник для собаки, пепельница и венок на могилу матери. И в переводе добавочное усиление шаблонности речи и характера, которое создается повторами *get*, передано экспрессивными средствами русского языка. Несомненно, снижение тона создается употреблением уменьшительных *собачка, могилка, мамочка, пружинка*. В то же время одинаковость этих уменьшительно-ласкательных эпитетов, примененных к собаке, пружине и к материнской могиле, создают острое ощущение ничтожности говорящего персонажа. В переводе характерный для женской речи американизм *cute* передан не менее характерным: *ужасно нравятся*. Конкретизировано и выражение *that'll last all summer*: *из таких цветов, что все лето не вянут*. Напротив, вместо *wave permanent* дана генерализация: *парикмахер*, вполне оправданная в данном контексте.

Том Бьюкенен, любовник Миртл, также часто пользуется в своей речи глаголом *get*.

"Terrible place, isn't it?" said Tom...

"Awful."

"It does her good to get away."

— Ужасная дыра, верно? — сказал Том...

— Да, хуже не придумаешь.

— Вот она и рада бывает проветриться.

Дыра — городишко, где Миртл ютится с мужем в помещении над гаражом и помогает ему обслуживать клиентов бензоколонки. *Проветривается* — экспрессивная конкретизация, указывающая на цель вместо самого действия (вырваться из дому), конкретизация, осуществленная переводчицей на основе смыслового развития.

Разнообразные смысловые и экспрессивные значения получают глаголы движения, осложненные английскими предложными наречиями:

A Hot Steam's somebody who can't get to heaven... an' you'll go around at night suckin' people's breath. (Harper Lee. *To Kill a Mockingbird*)

— Жар-пар — это если человек умер, а на небо ему и не попасть ... после смерти сам будешь такой, будешь шататься по ночам и высасывать дух из живых людей. (Харпер Ли. Убить пересмешника... Пер. Н. Галь и Р. Облонской)

Английские глаголы действия часто требуют более конкретного и точного раскрытия их значения в переводе, причем, как правило, русский глагол будет гораздо эмоциональней и выразительней, чем английский. В ряде случаев наряду с экспрессивностью русский глагол передает и динамику действия, подразумеваемую, но прямо не выраженную английским предложением. Этот комплекс оттенков, приносимых приемом экспрессивной конкретизации, можно наблюдать и при переводе весьма распространенных глаголов, таких как *take, give, open, close, offer, put, begin, finish, lead* и т. п.

Часто прием экспрессивной конкретизации используется для выделения и подчеркивания иронии. Конечно, как это было ясно из приведенных выше примеров, в орбиту этого приема в порядке экспрессивного согласования вовлекаются и другие члены предложения, независимо от того, какими частями речи они выражены.

Проникнутая тонкой иронией ткань уже упоминавшегося рассказа Сомерсета Моэма «Источник вдохновения» дает ряд подтверждающих эту истину примеров.

Mrs Forrester was not the kind of woman to whom you can offer condolences. (W. Somerset Maugham. The Creative Impulse)

К такой женщине, как миссис Форрестер, не сунешься с утешеньями. (У. Сомерсет Моэм. Источник вдохновения)

Один из завсегдатаев журфиксов у миссис Форрестер, который считает, что она должна добиваться возвращения своего блудного мужа в лоно семьи, говорит:

If it had been a dancer or a lady of title I daresay it wouldn't have done you any harm, but a cook would finish you.

Другое дело танцовщица или титулованная леди, это, возможно, вам не повредило бы, но кухарка вас доконает.

Говорящую надеется провести миссис Форрестер в члены парламента и потому советует ей устранить столь серьезное препятствие.

Разумеется, поскольку необходимость экспрессивной конкретизации обусловлена свойствами русского языка, она закономерна не только при переводе художественного текста. Этот прием часто применяется и при переводе публицистики. Иной раз там, где в английском или французском тексте экспрессивный оттенок выражен контекстом или создается ситуацией (например, ирония), в переводе на русский язык экспрессия поддерживается языковыми средствами. Много примеров такого рода можно отметить в переводе автобиографической книги Сомерсета Моэма «Подводя итоги».

I write this book to disembararrass my soul of certain notions that have hovered about in it too long for my comfort. (W. Somerset Maugham. *The Summing Up*)

Я пишу эту книгу, чтобы вытряхнуть из головы некоторые мысли, которые что-то уж очень прочно в ней засели и смущают мой покой. (У. Сомерсет Моэм. *Подводя итоги*)

Вытряхнуть из головы, что-то уж очень прочно — эти выразительные штрихи в русском тексте как нельзя более соответствуют неприужденному и безыскусственному стилю оригинала.

I have written few pages that I feel I could not improve and far too many that I have left with dissatisfaction because, try as I would, I could do no better.

Приведенная фраза написана предельно просто: и по лексике, и по грамматической структуре она на редкость разговорна. И в переводе разговорная интонация и ироническая экспрессия воспроизведены безупречно.

Я знаю, что среди написанных мною страниц мало таких, которые я не мог бы улучшить, и слишком много таких, на которые я махнул рукой, потому что не мог добиться лучшего, как ни старался.

На которые махнул рукой вместо *оставил с неудовольствием* несомненно удивительно точно и выразительно передает мысль и интонацию фразы.

Моэм говорит, что давным-давно собирался написать эту книгу.

But I have always found that I was assailed by so many impressions, saw so many strange things and met so many people who excited my fancy, that I had no time to reflect. The experience of the moment was so vivid that I could not attune my mind to introspection.

Если рассматривать перевод этого отрывка изолированно, не учитывая характера всей книги, а цепляясь за отдельные слова, которые идут вразрез с интимным разговорным тоном этой исповеди, то можно было бы поставить в вину переводчику «снижение стиля». В самом деле, слова книжного ранга *assailed*, *attune* низведены до разговорного уровня. Но это вполне оправдано стилем всего повествования в целом, и если бы эти книжные включения были воспроизведены в переводе, они бы резали глаз и слух.

Но меня всегда захлестывало столько впечатлений, я видел столько нового, встречал столько людей, завладевших моим воображением, что некогда было спокойно подумать. Я так интенсивно жил настоящим, что хоть убей, не мог настроиться на интроспективный лад.

Хоть убей в данном предложении следует рассматривать как компенсацию потерь, подчас неизбежных при переводе.

§ 26. Экспрессивно-прагматическая конкретизация

Экспрессивно-прагматическая конкретизация сочетает в себе эмоциональную окраску с логической основой. Русский язык не терпит «вакуума», неполноты, незаконченности мысли, в особенности тогда, когда внезапный обрыв фразы или образа может привести к недоразумению или даже к абсурду. Это ни в коей мере не означает, что в переводе следует избегать эллипсиса или аллюзий. Эти стилистические приемы имеют «право гражданства» в русском, равно как и в других языках, и переводчик обязан их воспроизводить. Прагматическая основа конкретизации при переводе на русский язык требует законченности мысли, выраженной в подлиннике образными средствами. Так, например:

He had cast a stone and now watched the ripples. (I. Murdock. An Unofficial Rose)

Важно учесть, что Феликс Мичем, о котором идет речь, в данный момент вовсе не сидел у воды, и камень был воображаемый. Перед этим сказано:

Феликс пребывал в каком-то странном состоянии. Он был сильно влюблен... Успокаивала его... отсрочка, во время которой внешние факторы работали на него. Он бросил в воду камень, и теперь смотрел, как расходятся круги. (Айрис Мэрдок. *Дикая роза*. Пер. М.Ф. Лорие)

Если бы в русской фразе было сказано: *он бросил камень* без добавления *в воду*, это могло бы вызвать недоумение у читателя.

Можно привести аналогичный, не менее показательный, пример из романа Харпер Ли, где в одном предложении находим два случая экспрессивно-прагматической конкретизации, закономерность которой очевидна даже в рамках узкого контекста.

The tire bumped on gravel, skeetered across the road, crashed into a barrier and popped me like a cork onto pavement. (Harper Lee. *To Kill a Mockingbird*)

Колесо наскочило на кучу щебня, свернуло вбок, перескочило через дорогу, с размаху стукнулось обо что-то, и я вылетела на мостовую, как пробка из бутылки. (Харпер Ли. *Убить пересмешника...*).

В подлиннике нет ни *кучи*, ни *бутылки*, но разве можно было обойтись без этих добавлений в переводе? Читатель вправе был бы заподозрить переводчицу в неточности и задать им два вопроса: как это колесо наскочило на щебень? откуда вылетела пробка? «Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства до такой степени, что для того, чтобы верно передать иной образ или фразу, в переводе их иногда должно совершенно изменить.

Соответствующий образ, так же, как и соответствующая фраза, состоят не всегда в видимой ответственности слов: надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального»¹.

Может быть, эти слова В.Г. Белинского слишком часто фигурируют в работах теоретиков перевода (в том числе, и автора этих строк), но трудно найти в мировой литературе более точное и глубокое раскрытие механизма переводческого процесса.

Рассмотрим следующий пример:

"You know, you oughtn't to be going up there, a young fellow like you with brains. The tough guys, I don't mind locking them up. As far as I'm concerned, they could throw the key away, when I take some of them up there. But I hate to see a young guy with brains, wasting them. This makes three times they put you away. Twice here, and once in Massachusetts. One of these days it won't be a gambling rap, Marvin. They'll get you on some felony and instead of a month or two, you'll be in for a year or more. So far you only got misdemeanors against you, but once you get in the felony class, we gotta treat you different."

(John O'Hara. *The Gambler*)

— Разве тюрьма место для парня с твоими способностями? — снова заговорил шеф. — Хулиганов — тех я только рад укатать за решетку. По мне, так пускай их запрут и ключи потеряют. Но когда такой башковитый парень губит себя, мне это прямо нож острый. Ты уже третий раз попадаешься — два раза у нас, а до этого в Массачусетсе. И ты дождешься, что тебя притянут уже не за игру в кости. Пришьют уголовное дело, и тогда месячишком не отделаешься. Получишь год тюрьмы, если не больше. До сих пор тебя судили за мелкие нарушения, а когда запахнет уголовщиной, миндальничать с тобой мы уже не станем.

(Джон О'Хара. *Игрок*.
Пер. В. Лимановской.
Сб. «Жажда жить»)

При сопоставлении этого отрывка с подлинником перевод может показаться на первый взгляд несколько огрубленным, но, прочитав и сличив с оригиналом весь перевод целиком, поймешь, что такое впечатление обманчиво. Перевод выполнен мастерски, речь начальника полиции передана безупречно, в полном соответствии с его характером. И главным орудием переводчицы был прием экспрессивной конкретизации. Важно отметить, что в этом отрывке отчетливо выделяются такие случаи неизбежной конкретизации в переводе, которые сочетаются с приемом компенсации. И все это достигнуто без малейшего расширения текста: в переводе, если исключить вставленное переводчицей *снова заговорил шеф*, всего 95 слов, тогда как в подлиннике их 124! Это редкое достоинство перевода с английского и

¹ В.Г. Белинский. «Гамлет, принц датский». Соч. В. Шекспира. Пер. с англ. Н. Полевого. Полное собр. соч., т. II, М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 424.

осуществляется в ряде случаев выбором коротких русских слов — двусложных и односложных. Правда, если учитывать только знаменательные односложные слова, то в английском отрывке таких слов подавляющее большинство, тогда как в русском — всего 7. Достаточно сравнить первую фразу (в подлиннике 16 слов, а в переводе только 8), чтобы понять, какими средствами достигнута поразительная лаконичность перевода.

Качественная характеристика лексики перевода очень ярко выявляется при сопоставлении двух отрывков: это более конкретные и более экспрессивные слова, чем в оригинале. *Тюрьма* вместо неопределенного *there*, *укачать за решетку* вместо *locking up*, *пускай их запрут* вместо *when I take some of them there*, *мне это прямо нож острый* вместо *but I hate to see*, *башковитый парень* вместо *a young guy with brains*, *уголовщина* вместо *some felony*. Даже жаргонное словечко *гар приговор* в сочетании *gambling gar* конкретизируется при переводе: *притянут за игру в кости*.

Перечень глаголов дает яркое представление о последовательно выдержанной установке на экспрессивную конкретизацию в переводе: *укачать, запрут, губит, попадаешься, дождеешься, притянут, пришьют, запахнет, миндальничать* — все эти глаголы заменяют стилистически-нейтральные глаголы подлинника. Даже когда начальник полиции пользуется официальной терминологией: *once you get in the felony class*, то в переводе просторечное: *когда запахнет уголовщиной*.

Преобладание примеров из беллетристики вовсе не означает, что приемы экспрессивной конкретизации — удел художественной литературы, и они применяются только в художественном переводе. Как характерная особенность русского языка, высокая степень выразительности и конкретности свойственна и русской публицистике. Весьма показательны в этом отношении следующие строки из статьи В.И. Ленина, направленной против капитулянтской позиции Плеханова после революции 1905 года:

Про Плеханова замечательно верно сказал тов. Степанов., что с ним приключилось нечто подобное Бернштейну. И как Бернштейна в свое время на руках носили немецкие либералы и превозносили до небес все «прогрессивные» буржуазные газеты, так нет теперь в России либеральной газеты, даже либеральной газетной статьи (вплоть до «Слова», да, да, вплоть до октябристского «Слова!»), которые бы не обнимали, не целовали, не миловали мудрого и дальновидного, рассудительного и трезвого Плеханова, имевшего мужество восстать против бойкота¹.

¹ В.И. Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полное собр. соч., т. 12, с. 273.

Или нагнетание эпитетов, необычайно остро и метко характеризующих партию «конституционных демократов»:

Партия кадетов, эта очищенная, облагороженная, сублимированная, надушенная, идеализированная, подслащенная персонификация общеполитических стремлений...¹

Соединение в одном ряду эпитетов абстрактного значения (*облагороженная, сублимированная, идеализированная*) и сугубо конкретных — из кулинарного и парикмахерского обихода — придает и первым трем функцию антифраз и в совокупности создает впечатление разящего сарказма. Эта статья В. И. Ленина важна не только по своему идейно-политическому значению, но и как яркий образец использования выразительных средств русского языка в публицистике.

¹ В.И. Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полное собр. соч., т. 12, с. 291.

Глава пятая. Перевод фразеологических единиц

§ 27. Общие положения

Фразеология составляет наиболее живую, яркую и своеобразную часть словарного состава любого языка. Подавляющая часть фразеологии английского, французского, русского языков принадлежит к различным функциональным стилям и обладает экспрессивной окраской. Даже стилистически нейтральные фразеологизмы отличаются национальным своеобразием и могут приобретать экспрессивное значение в контексте. Поэтому есть все основания считать фразеологию одним из выразительных средств языка и рассматривать ее со стилистической точки зрения.

Разумеется, поскольку фразеология выделяется своими функциями в языке и речи, она требует особого подхода в процессе перевода. Казалось бы, наличие специальных двуязычных и одноязычных фразеологических словарей и выделение фразеологии в больших толковых словарях должны давать наиболее полное и точное ее описание. Однако, как мы увидим далее, даже «Большой англо-русский словарь» (БАРС) далеко не всегда может удовлетворить переводчика. Бурный рост словарного состава английского языка приводит к тому, что и «Англо-русский фразеологический словарь» (АРФС) А.В. Кунина с каждым годом все больше отстает от жизни. Поэтому, да и не только поэтому, переводчик должен уметь самостоятельно разбираться в основных вопросах теории фразеологии, уметь выделять фразеологические единицы, раскрывать их значение и передавать их экспрессивно-стилистические функции в переводе. Основная трудность заключается в том, что никакой словарь не в состоянии предусмотреть всех возможностей использования фразеологизма в контексте. «Фразеологическим единицам также, как и словам..., свойственна многозначность и омонимия»¹.

В АРФС А.В. Кунина для большинства фразеологизмов указано несколько возможных переводов, даже когда сам фразеологизм не является многозначным. Например, *laugh on the other (или wrong) side of one's face (или mouth)* *плакать, огорчиться, опечалиться после веселья, от смеха перейти к слезам*. Эти соответствия стилистически нейтральны.

¹ А.В. Кунин. Английская фразеология. М., «Высшая школа», 1970, с. 25.

Напротив, в приводимых после гнездовых переводов иллюстративных примерах из литературы даются, как правило, «обертональные» переводы. Например:

They were made to laugh on the wrong side of their mouths by an unforeseen occurrence.

Но после этого неожиданного происшествия им уже было не до смеха.

Контекстуальное значение часто бывает экспрессивным, вскрывающим различные грани фразеологизма. В приведенном примере гнездовые переводы стилистически и экспрессивно нейтральны, тогда как контекстуальный («обертональный») — выразителен.

Хотя научная литература по фразеологии разных языков огромна, и по имеющимся данным число книг, статей, докладов превышает три тысячи названий, но даже по основным вопросам единого мнения не существует. В частности, по вопросу об определении фразеологической единицы и о рамках фразеологии. С нашей точки зрения, наиболее точное и полное определение фразеологизма дано А.В. Куниным: «Фразеологизмы являются сочетаниями слов, т.е. отдельно оформленными образованиями с полностью или частично переосмысленными компонентами, фразеологическими значениями. Для фразеологических единиц характерна не вообще устойчивость, а устойчивость на фразеологическом уровне, закономерные зависимости словесных компонентов и структурно-семантическая немоделированность. Фразеологические единицы образованы по грамматическим моделям переменных сочетаний и предложений»¹.

Таким образом, в этом определении фразеологической единицы (в дальнейшем — ФЕ) устанавливаются четыре критерия отграничения ФЕ от переменных, нефразеологических сочетаний: раздельнооформленность, немоделированность, переосмысление и устойчивость.

Однако, с точки зрения переводчика, переосмысление (полное или частичное) и только переосмысление является решающим критерием фразеологичности. Даже промежуточные образования между ФЕ и переменными словосочетаниями, между ФЕ и сложными словами, частично или полностью переосмысленные, при переводе занимают законное место в ряду полноправных фразеологизмов.

А.В. Кунин оспаривает принадлежность к ФЕ образований с первым элементом в родительном падеже типа *mare's nest*, *dog's life*, *husband's tea*, *angel's visit*, относя их «к промежуточной категории между фразеологической единицей и сложным словом»². Перевод первых трех единиц в АРФС (четвертая там отсутствует), так же как и перевод

¹ А.В. Кунин. Английская фразеология. М., «Высшая школа», 1970, с. 24.

² Там же, с. 260.

многих фразеологизмов, показывает, что в словаре невозможно предусмотреть контекстуальное употребление ФЕ. В действительности, ни *иллюзия*, *заблуждение*, ни *собачья жизнь*, ни *очень слабый чай*, *водичка* не исчерпывают возможности передачи этих переосмысленных единиц. И даже *иллюзия, нечто несуществующее* — значение, которое приводит БАРС [и повторяет НБАРС] — не передает характерной особенности первого выражения. Независимо от того, будем ли мы считать это образование сложным словом или ФЕ (по мнению Н.Н. Амосовой, оно относится к фразеологии¹), его смысловая структура сложнее, чем это можно предположить по словарным переводам. От переводчика нередко может потребоваться контекстуальное раскрытие значения *mare's nest*, все же основанное на заложенных потенциальных возможностях его смысловой структуры. Во многих случаях целесообразно было бы наряду с частными значениями, отраженными в словарях, давать и объяснение наиболее широкого, общего значения ФЕ. Сравним перевод поговорки *Charity begins at home* в трех словарях. У Мюллера: *Своя рубашка ближе к телу*; в АРФС А.В. Кунина: тот же перевод, но с указанием этимологии (франц. *Charité bien ordonnée commence par soi-même*) и, наконец, БАРС дает: *Кто думает о родных, не забудет и чужих*. [Тот же самый перевод приводится и в НБАРС.] Если же обратиться к «Французско-русскому фразеологическому словарю» (далее — ФРФС), то окажется, что французский прототип английской поговорки приблизительно равняется русскому: *Если хочешь облагодетельствовать весь мир, начинай со своего дома*.

[Приводя примеры из «Французско-русского фразеологического словаря» (М., 1963), Я.И. Рецкер в силу своей скромности не упоминает, что был одним из основных авторов и осуществил общую редакцию указанного словаря. По объему (больше 1100 страниц большого формата), полноте и тщательности лексикографической работы этот труд не имеет равных среди фразеологических словарей. В последние годы своей жизни Я.И. Рецкер работал над вторым изданием, но не успел завершить эту работу. С тех пор, насколько нам известно, французско-русские фразеологические словари больше не издавались.]

По-видимому, ФРФС более полно отражает подлинный смысл поговорки, так как раскрывает не только смысловую сторону, но и ироническую экспрессию выражения. Напротив, перевод *своя рубашка ближе к телу*, показывающий лишь одну, отрицательную сторону значения поговорки, явно недостаточен. Он подчеркивает своекорыстие, эгоизм человеческой натуры. Ясно, что перевод, который приводит

¹ Н.Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Л., изд-во Ленингр. Гос. ун-та, 1963, с. 72.

БАРС, говорит об альтруизме, качестве положительном. Однако этот перевод экспрессивно нейтрален, никакой иронии в нем не чувствуется, что, несомненно, присуще ФЕ и ее переводу в ФРФС.

Можно предположить, что только во французском языке эта поговорка имеет иронический оттенок, предостерегая против прожектеров, замахивающихся на великие дела вселенского масштаба и в то же время не могущих или не желающих навести порядок в своем собственном доме. Проверить правильность показаний словарей можно на практике. В конце 1962 года газета «Дейли уоркер» откликнулась на заявление президента Кеннеди о том, что в социалистических странах якобы отсутствует признание демократических свобод. В передовой статье, озаглавленной “Physician, heal thyself!” («Врачу, исцелися сам»), первая фраза гласит: Freedom like charity begins at home. Это типичное использование поговорки Charity begins at home, и в данном примере вполне возможен дословный перевод: *Свобода, как и благотворительность, начинается с собственного дома*. Но лучше, пожалуй, отступить от основного значения слова charity и перевести: *Свобода, как и добрые дела, должна начинаться со своего дома*.

Из этих вариантов перевода можно заключить, что (по крайней мере в данном употреблении) этой поговорке совершенно чуждо значение эгоизма (*своя рубашка ближе к телу*). Пример подтверждает правильность перевода, данного в ФРФС. И все же не исключена возможность и указанного в АРФС значения. К сожалению, этот перевод там не подкреплён примером. Правильность ведущего значения (о первоочередности заботы о своей семье) подчеркивается объяснением поговорки в словаре Хорнби¹: *Первый долг каждого — забота о членах своей семьи*.

Рассмотренный пример приводит к выводу, что переводчик не всегда может полагаться на данные словарей. Он сам должен разбираться в проблемах фразеологии.

Может ли переводчик полагаться на сходство образной основы, внутренней формы фразеологизмов? В западноевропейских языках есть немало фразеологизмов, которые поддаются дословному переводу на русский язык ввиду совпадения внутренней формы. Например, to be in the seventh heaven, être au septième ciel — *быть на седьмом небе*, to play with fire, jouer avec le feu — *играть с огнем* и др. совпадают в английском, французском и русском языках; *иметь зуб на кого-л.* заимствовано из французского (avoir une dent contre quelqu'un), а *поставить телегу перед лошастью* — из английского (to put the cart before the horse), тогда как по-французски: mettre la charrue devant le boeuf; *молочь воду в ступе* совпадает с итальянским pestare l'acqua nel mortaio.

¹ “The Advanced Learner’s Dictionary of Current English” by A. S. Hornby, E. V. Gatenby, A. H. Wakefield, Lnd., p. 165.

Однако ФЕ, сходные в разных языках по внутренней форме, далеко не всегда идентичны по значению. Далее будут рассмотрены такие ФЕ, которые представляют особую опасность при переводе ввиду того, что под сходной оболочкой в разных языках скрывается различное значение. Очевидно, если сходные по форме свободные сочетания в разных языках имели одинаковое значение, то разрыв между ФЕ английского и французского языков образовался в результате их переосмысления.

Под переосмыслением понимаются различные по степени и характеру семантические сдвиги. Под устойчивостью на фразеологическом уровне — связанность значения компонентов. Вместо понятия «связанность значения» В.Г. Таком и мною был предложен принцип сопряженности значений¹. Под семантической сопряженностью следует понимать взаимосвязь и взаимодействие значений компонентов словосочетания, т.е. двустороннюю связь и взаимообусловленность значений компонентов, в результате которых создается полное переосмысление словосочетания в целом. Это характерно для категории фразеологических сращений или идиом по классификации академика В.В. Виноградова. Кстати сказать, эта классификация, как будет ясно из дальнейшего, вполне применима и к фразеологии английского и французского языков и весьма удобна для теории и практики перевода.

Английское *to come a scorpion* или французские *faire chou blanc*, *faire un pas de clerc s'est* в лужу, в калошу, *опростоволоситься* — фразеологические сращения, компоненты которых связаны сопряженностью значений. Такие образования отличаются невыводимостью глобального значения из суммы значений компонентов. Даже знание первичного значения свободного сочетания *to come a scorpion упасть, свалиться с лошади вниз головой*² мало помогает переводчику. Французские же фразеологизмы вовсе не поддаются дословному переводу, поскольку нелепость выражений *делать белую капусту* или *шаг клерка* не вызывает сомнений.

Между тем, когда сопряженность значений отсутствует и можно говорить лишь о переосмыслении одного из компонентов ФЕ или о целостном переосмыслении всей ФЕ, основанной на метафоризации свободного сочетания слов, то налицо фразеологическое единство. По определению В.В. Виноградова, фразеологические единства — это «тесные фразеологические группы, которые тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но

¹ «Французско-русский фразеологический словарь», М., Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1963, с. 5.

² А.В. Кунин. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания. М., «Международные отношения», 1972, с. 206.

в которых это целостное значение мотивировано, являясь произведением, возникающим из слияния значений лексических компонентов»¹. И далее: «В таком фразеологическом единстве слова подчинены единству общего образа, единству реального значения»².

Это различие между фразеологическими единствами и фразеологическими сращениями имеет принципиальное значение при переводе. Когда встречается ФЕ первой категории, особенно в газете или в любом тексте, не носящем отпечатка индивидуального стиля автора, метафорическая «прозрачность», осязаемость фразеологического единства обязывает переводчика к передаче образности, если не идентичной, то, по крайней мере, аналогичной образности ФЕ подлинника. Чаще всего при этом соблюдается жанровая адекватность. Английские или французские фразеологизмы общественно-политического или социально-экономического текста обычно переводятся по возможности сходными образными ФЕ с учетом их употребительности и естественности в русских текстах того же жанра.

В языке газеты и публицистики наблюдается более высокая повторяемость одних и тех же ФЕ, что помогает проверить правильность обобщений и выводов, в частности, относящихся к различиям в передаче фразеологических единств и фразеологических сращений. Ряд традиционных метафор, превратившихся во фразеологические единства, получил «узаконенные» образные соответствия в русском языке. Например, *the swing of the pendulum* *политические качели* [сейчас также *качание политического маятника*], *pork barrel* *казенный пирог*, *dead letter* *мертвая буква*, *golden mean* *золотая середина*, *witch dance* *свистопляска* или глагольные ФЕ: *to ride for a bad fall* *катиться по наклонной плоскости*, *to save the face* *спасти лицо*.

Как видно из приведенных выше примеров, приемы перевода этих ФЕ различны: от полной замены образности первых двух (*качели* вместо *маятника* и *пирог* вместо *бочонка со свиной*) к полному сохранению образа в переводе третьего и четвертого фразеологизмов; нечто среднее, когда вместо *падающего ездока* в русской ФЕ — *скатывание в пропасть*, и, наконец, калька — с китайского.

И все же общее и характерное для всех без исключения рассмотренных примеров — сохранение образности в переводе. Неважно, восстановлена ли образность исходного выражения или заменена, перевод фразеологического единства должен по возможности быть образным. И разумеется, эта образность перевода не должна отличаться оригинальностью, неповторимостью, — отпечатком индивидуального стиля автора. Стандартное и традиционное в оригинале должно

¹ В.В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., Учпедгиз, 1947, с. 24.

² Там же.

быть передано стандартным и традиционным в переводе. Иначе говоря, фразеологию надо передавать фразеологией, особенно, когда переводятся фразеологические единства.

Иное дело — фразеологические сращения. Поскольку их образная основа не воспринимается даже носителями языка, их перевод осуществляется преимущественно приемом целостного преобразования. Решающее значение имеет наличие в русском языке соответствующего фразеологизма, т.е. ФЕ, имеющей такое же значение и примерно такую же стилистическую и экспрессивную окраску, как иноязычная ФЕ.

Аналогичную картину можно видеть и при переводе фразеологических единств и сращений французского языка.

Фразеологическое сращение *mettre la viande dans les torchons* *слечь на боковую* (английское *to hit the hay*) имеет образное соответствие в русском языке, причем французское выражение гораздо вульгарней, чем соответствующее русское и английское, что, конечно, следует учитывать при переводе. В романе Анри Барбюса «Огонь» большое количество разговорной и просторечной фразеологии и большинство солдатских выражений («окопное аргю» Первой мировой войны) — типичные фразеологические сращения. Непонимание идиоматических ФЕ приводит к курьезным ошибкам. В первом русском переводе романа Барбюса фраза капрала Бернара *Déjà dix heures, mes amis... Il est temps de mettre la viande en torchons* (H. Barbusse. *Le feu*) была переведена: *Пора укладывать говядину в тряпки*.

Сращения типа *tirer au flanc*, *se la rouler*, *tourner les pouces* имеют соответствие такой же фразеологической категории в русском языке — *бить баклуши*, но они различаются областью употребления. Первые два — типичные военные арготизмы, тогда как третий имеет общеупотребительный характер. Не всегда английскому или французскому образному сращению можно найти образное русское соответствие и наоборот. В таких случаях приходится жертвовать образностью, которая, кстати сказать, далеко не всегда ощущается в исходном языке, если ФЕ очень употребительна. Нет образного соответствия у *la folle du logis* *воображение*, *le fil de la Vierge* *паутинка* и у многих подобных французских и английских ФЕ, которые, по существу, являются перифразами. Но это вопрос передачи экспрессивности ФЕ, рассматриваемый в §28.

При переводе фразеологических единств, как уже было упомянуто, важно соблюдать стилистическую и жанровую однородность с ФЕ подлинника. Во французской фразеологии есть целый ряд единиц со стержневым словом *arme* *оружие*. Некоторые из них уже переосмыслены настолько, что потеряли связь со своим опорным словом. Например, *faire ses armes* *приобрести опыт, набить руку*. В романе П. Гамарра «*Le maître d'école*»:

Le plus souvent, quand le débutant a fait ses armes, il essayait de se rapprocher des siens ou d'un chef lieu.

Чаще всего начинающие учителя, приобретя некоторый опыт в работе, старались устроиться поближе к дому или в районном центре.

Но когда выражение еще сохраняет связь с той сферой, в которой оно родилось, переводчику приходится искать в русском языке такую ФЕ, которая характерна для аналогичного окружения. Например, французское *passer l'arme à gauche* или соответствующее английское *to go West* — *умереть* (БАРС). Этот фразеологизм возник в военном жаргоне и сохранил характерный отпечаток военной среды. В АРФС А.В. Кунина этот фразеологизм вкпе с его многочисленными синонимами имеет целый ряд синонимических соответствий, а именно: *умереть, скончаться, испытать удел всего земного, отправиться на тот свет, отправиться к праотцам, покончить счеты с жизнью, уйти на покой, покинуть этот бранный мир, протянуть ноги*.

Однако ни одно из перечисленных выражений не может считаться характерным для речи военного человека. В ФРФС сделана попытка найти адекватное соответствие ФЕ *passer l'arme à gauche*, подтвержденное примерами. Важно отметить, что в двух следующих цитатах она встречается в речи военных¹.

Il aimait bien mademoiselle, cela l'embêtait sérieusement de lui voir passer l'arme à gauche, comme il disait dans la cuisine. (E. Zola. *Une page d'amour*)

Он очень любил барышню, и ему, по его выражению, тяжело было видеть, что она «выходит в чистую отставку».

— Au fond, reprit-elle en se mouchant, je suis bien bête de pleurer puisque je n'ai jamais cru qu'il y aurait un tremblement de terre...

— En bien, tu vois: il a suffi que la vieille Arnaud-Miqueu passât l'arme à gauche. (F. Mauriac. *Le mystère Frontenac*)

— В сущности, — продолжала она, высморкавшись, — очень глупо плакать, но я никогда не верила, что мы уедем. Разве что случится землетрясение.

— Ну вот, видишь, для этого достаточно было старушке Арно-Мике отдать Богу душу.

Бесспорно, в первом примере адекватным соответствием *passer l'arme à gauche* является *выйти в чистую (отставку)* — в речи простого солдата. Но когда во втором примере эту фразу произносит бывший офицер, культурный и тонкой организации человек, едва ли можно вложить в его уста грубое армейское выражение. С другой стороны,

¹ Цит. по: ФРФС, с. 66.

можно оспаривать гнездовой перевод этой ФЕ в ФРФС: *протянуть ноги, сыграть в ящик, качуриться*, подкрепленный пометой «арго». Даже приведенные выше примеры опровергают чрезмерную грубость этих русских соответствий, для которых, между прочим, во французском языке есть достаточное число эквивалентов.

§ 28. Экспрессивность фразеологических единиц и ее отражение в лексикографии и переводе

Хотя за последние годы изучение фразеологии разных языков значительно продвинулось вперед и наметилось много новых точек зрения на различные теоретические аспекты этой молодой науки, экспрессивное использование ФЕ все еще почти совсем не исследовано. Между тем, эта проблема представляет несомненный интерес для лексикографии и перевода.

Можно считать установленным, что фразеология любого языка обладает присущей ей внутренней или, как принято говорить, «ингерентной экспрессивностью»¹. Это легко проверить, сопоставляя ФЕ с эквивалентным ей, конечно относительно, словом. В высокоразвитых языках подавляющее большинство ФЕ имеют лексические эквиваленты. Как правило, ФЕ всегда будет экспрессивней своего словарного эквивалента. Каждой образной ФЕ свойственно эмоциональное и/или оценочное качество. *Бессмыслица* и *турусы на колесах, бежать и давать тягу, удивляться и диву даваться, умереть и дать дуба, очень мало* и *кот заплакал*. Подобные сопоставления в любом языке можно продолжать до бесконечности.

Однако, если сами по себе фразеологизмы экспрессивны, то почему нужно ставить вопрос об их экспрессивном использовании? Ответ на этот вопрос будет ясен, если попытаться хотя бы с помощью словарей найти фразеологизмам и их лексическим эквивалентам соответствующие пары в других языках. В английском точным соответствием *бессмыслицы* будет *nonsense*, а *турусы на колесах*, по словарю А.И. Смирницкого, тоже *nonsense* и *twaddle*!

Опыт показывает, что попытки дать эквивалентный, пригодный для всех случаев перевод ФЕ в словаре не оправдывают себя. Единственное русское соответствие может оказаться непригодным и не помогать решению переводческой задачи, когда и в смысловом, и в экспрессивно-стилистическом отношении гнездовой перевод, приведенный в словарной статье, оказывается неподходящим. В ФРФС ФЕ *jeter sa gourme* (или *ses gourmes*) с пометой «разг.» имеет одно соответствие: *перебеситься*. Значение это подкреплено следующим примером:

¹ В.Н. Телия считает, что «все фразеологизмы маркированы по признаку экспрессивно-стилистической значимости». («Общее языкознание. Внутренняя структура языка». Гл. 7, «Фразеология», с. 470.)

Blondine.— *Gauvain ne m'aime plus.*

La reine.— *Il te reviendra. Il jette sa gourme. (J. Cocteau. Les chevaliers de la table ronde)*

Блондина.— Говен меня больше не любит.

Королева.— Он еще вернется к тебе, когда перебесится.

Однако в следующем примере это соответствие совершенно не применимо. Слишком серьезна ситуация, о которой идет речь¹:

Jadis, il s'est emballé pour de grandes entreprises. Cela lui arrivera peut-être encore, quoiqu'il ait jeté sa gourme depuis longtemps... (R. Rolland. Dans la maison)

Было время, когда народ отваживался на великие дела. Может быть, это время еще вернется, хотя он уже давно пережил пору бурного кипения.

Перебеситься и пережить пору бурного кипения — при известной смысловой близости — далеки друг от друга в стилистическом и экспрессивном отношении. Переводчик романа поступил правильно, игнорируя помету «разг.», и передал всю серьезность мысли автора в ином, более высоком ключе. Следовательно, или ФРФС недостаточно полно отразил смысловое содержание этой ФЕ, или стилистическая помета неправильно ограничивает диапазон употребления этой ФЕ. Ведь, кроме того, пример из Ромэна Роллана показывает, что если даже разговорный колорит присущ этому выражению, то он отходит на второй план перед его экспрессивным употреблением. Вообще сама форма глагола *перебеситься* делает его употребление синтаксически ограниченным.

Английская ФЕ *to sow one's wild oats* дана в АРФС без стилистической пометы и с несколькими гнездовыми переводами: *отдаваться увлечениям юности, отдать дань юношеским увлечениям, прожигать молодость; перебеситься, остепениться*. Первоначальное выражение означало «сеять дикий овес вместо культурного».

В АРФС А.В. Кунина приведен следующий пример:

I was not one of those young men who sow a large crop of wild oats. I was a fairly decent youth. (H. Wells. The Secret Places of the Heart)

Я не принадлежал к молодым людям, которые усиленно грешат в молодости. Я был довольно скромным молодым человеком.

В переводе этого примера раскрытие значения ФЕ полностью гармонирует с серьезностью интонации подлинника. К тому же русский глагол *перебеситься* здесь неприемлем не только по стилистическим, но и по формально-грамматическим причинам: у него отсутствует настоящее время.

¹ Цит. по: ФРФС, с. 527.

Стало быть, если во многих случаях ФЕ являются эквивалентами слов, то лишь смысловыми эквивалентами, но не стилистическими. To pull somebody's leg несомненно выразительней, чем to joke; to put one's best leg foremost имеет ироническую экспрессию, отсутствующую у глагола to endeavour; насмешливо и старомодно звучит to shake a leg по сравнению с to dance. Нейтральное to die лишено приподнятости, свойственной его фразеологическому аналогу to go the way of all flesh.

Уже из приведенных выше сопоставлений видно, что фразеологические аналоги, как правило, почти не имеющие исключений, отличаются от своих лексических соответствий стилистической окрашенностью и экспрессивным зарядом. Естественно, что при переводе очень важно учитывать экспрессивно-стилистическую сторону ФЕ и передавать ее равноценными средствами. Насыщенный фразеологизмами подлинник должен сохранять фразеологическую насыщенность и в переводе. Однако, как будет показано в § 30 о приемах передачи ФЕ, не всегда английский или французский фразеологизм может найти фразеологическую замену в переводе.

Наряду с отсутствием соответствующей ФЕ в русском языке может оказаться, что имеющая такое же смысловое содержание русская ФЕ не соответствует английской или французской в стилистическом или экспрессивном отношении. Конечно, в идеале следует стремиться к полной равноценности употребляемых средств, но на практике нередко приходится жертвовать функционально-стилистическим соответствием для сохранения экспрессивного. Весьма существенно, чтобы фразеологические замены при переводе отражали и национальный колорит языка оригинала.

Трудно найти более яркие примеры, показывающие национальное своеобразие идиоматики во фразеологическом фонде каждого языка, чем в сопоставляемых далее переводах из «Манифеста коммунистической партии» на другие языки¹.

В разделе «Немецкий, или “истинный” социализм» в «Манифесте» говорится о положении мелкой буржуазии:

Der "wahre" Sozialismus schien ihm beide Fliegen mit einer Klappe zu schlagen.

При буквальном переводе получилось бы: *казалось, что «истинный социализм» убивает обеих мух одной хлопнушкой*. Однако этот привычный для немецкого языка образ заменен во всех переводах. Так, в русском переводе мы читаем:

¹ Приводятся примеры из следующих переводов: на русский язык — изданный Институтом Маркса—Энгельса—Ленина; на французский — Лауры Лафарг, Шарля Андлера и Мориса Тореза; на английский — Сэмюэла Мура; на итальянский — Пальмиро Тольятти.

Ей казалось, что «истинный» социализм одним выстрелом убивает двух зайцев.

Такую замену мы находим во всех переводах на русский язык, начиная с перевода Бакунина.

Во французских переводах (Лауры Лафарг, Шарля Андлера и Мориса Тореза) *мухи* заменены *камнем*, т.е. использован фразеологический оборот, характерный для французского языка.

Le "vrai" socialisme lui parut pouvoir faire d'une pierre deux coups.

Как и в ряде других примеров, французский фразеологизм имеет менее впечатляющую внутреннюю форму, чем соответствующие английский, итальянский и испанский.

В английском переводе: *убивает двух птиц одним камнем*.

True Socialism appeared to kill these two birds with one stone.

В итальянском: *ловит двух голубей одним бобом*.

Il "vero" socialismo le sembrò ottime espediente per prendere due piccioni con una fava.

Испанский фразеологизм оказывается ближе всего к английскому:

A la pequeny burguesia le parecia que le "verdadero" socialismo podia matar los dos pajaros de un tiro.

Только *камень* в нем заменен *выстрелом*: *убить двух птиц одним выстрелом*.

Сопоставленные выше фразеологизмы относятся к поговорочным выражениям, которые, подобно пословицам и крылатым речениям, чаще соприкасаются и сближаются в разных языках, чем ФЕ других категорий и, в особенности, идиомы. В тех же переводах «Манифеста» специфическая немецкая идиома подверглась в каждом переводе иному образному перевоплощению:

In ihrer weiteren Entwicklung hat sich diese Richtung in einen feigen Katzenjammer verlaufen.

В дальнейшем своем развитии направление это (т.е. мелкобуржуазный социализм. — Я. Р.) вылилось в трусливое брюзжание.

В сущности, *трусливое брюзжание* не совсем соответствует немецкому Katzenjammer, значение которого довольно точно передается в «Большом немецко-русском словаре» двумя соответствиями: *похмелье*, *угрызения совести*. Но беда в том, что немецкий образ вмещает одновременно оба переданных русскими словами понятия, и переводчик избрал компромиссный способ, передав не само состояние похмелья (в моральном смысле), а реакцию на него — *брюзжание*.

Ultimately, when stubborn historical facts had dispersed all intoxicating effects of self-deception, this form of Socialism ended in a miserable fit of the blues.

В английском переводе говорится, что в конечном счете упрямые исторические факты рассеяли опьяняющее действие самообмана, и эта разновидность социализма погрязла в жалком приступе меланхолии. Немаловажное определение *feige трусливый* отброшено в английском переводе, что, конечно, ослабляет идейную оценку позиции мелкой буржуазии, данную в «Манифесте».

Во фразеологическом фонде любого языка есть много метафор, ставших интернациональными. К ним можно отнести и *повернуть назад колесо истории*.

В «Манифесте» о средних сословиях — мелких промышленниках, торговцах, ремесленниках и крестьянах — говорится:

Они не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории.

Это точный перевод немецкого подлинника:

Noch mehr, sie sind reaktionärer, sie suchen das Rad der Geschichte zurückzudrehen¹.

Фразеологизм *повернуть назад колесо истории* использован, кроме русского, еще в трех переводах: to roll back the wheel of history; far girar all'indietro la ruota della storia; volver atras la rueda de la Historia.

Однако во французском переводе отдано предпочтение другому обороту: elles demandent que l'histoire fasse machine en arrière.

Трудно согласиться с такой заменой, так как из французского перевода вытекает, что мелкая буржуазия требует, чтобы сама история дала задний ход, повернула вспять, тогда как в немецком подлиннике говорится о желании этой буржуазии активно воздействовать на ход событий.

Сопоставление ФЕ переводов с ФЕ немецкого подлинника показывает, что в ряде случаев в английском переводе и в переводах на романские языки ФЕ появляются там, где их нет в оригинале. По-видимому, это оправдывается не только специфическими особенностями каждого языка, но и стремлением адекватно передать выразительность подлинника, даже пользуясь с этой целью другими средствами.

§ 29. Экспрессивное использование ФЕ посредством двойной актуализации

Двойная актуализация заключается в восстановлении значений каждого компонента данной ФЕ, которые как бы восстанавливают свою предметную отнесенность и воспринимаются одновременно с

¹ В «Большом немецко-русском словаре» выражение das Rad der Geschichte zurückdrehen отнесено к переносному употреблению первого значения Rad, тогда как в «Немецко-русском фразеологическом словаре» Л. Биновича оно включено (и с полным основанием) во фразеологию.

существующим глобальным переосмысленным значением фразеологизма. Таким образом достигается «параллельное восприятие как переносного значения самой ФЕ, так и прямого значения компонентов, или двойная актуализация»¹.

Как это ни парадоксально, но при передаче двойной актуализации фразеологических сращений в переводе приходится прибегать к тому самому приему калькирования, который был высмеян Энгельсом в связи с пойманным в Темзе «крабом» (с. 36). Но это нарушение правил, заключающееся в «поэлементной» передаче фразеологического сращения, оправдывается функцией стилистического приема — двойной актуализацией фразеологизма.

Яркие примеры калькированной передачи примеров двойной актуализации можно найти в 28-м томе «Собрания сочинений» Ч. Диккенса. Такие кальки фигурируют в самих заглавиях трех публицистических статей Диккенса: «Красная тесьма», «Свиньи целиком» и «Псам на съедение». Между тем, как это зафиксировано в словаре А.В. Кунина, *red tape* — *волокита, бюрократизм, канцелярский формализм* (красной тесьмой прошивают документы в английских государственных учреждениях); *to go the whole hog* — *делать что-л. основательно, доводить до конца, не останавливаться на полумерах, ни перед чем не останавливаться, идти на все*; *to go to the dogs* — *разрушиться, развалиться; разориться; погибнуть; вылететь в трубу; провалиться, пойти ко всем чертям, пойти прахом*.

Чем же объяснить, что в переводе всех трех заглавий статей вместо закономерных русских соответствий восстановлено буквальное значение каждого слова, что перевод с требуемого фразеологического уровня низведен на уровень лексический? Ответ становится ясен при чтении каждой из трех статей. Сам автор принуждает переводчика к дословной передаче его образов, которые он неоднократно оживает и обыгрывает в своем тексте. Ведь если ориентироваться на «Словарь штампов» (A Dictionary of Clichés) Эрика Парtridge, то все три приведенные выше ФЕ относятся к разряду фразеологизмов со стершейся образностью. Да и в русских словарях большей частью приводится стилистически нейтральный, описательный перевод. БАРС дает почти такие же переводы, как и словарь А.В. Кунина, за исключением последней ФЕ, которая имеет там лишь два соответствия: *разориться, пойти прахом*. Тем важнее передать в переводе намерение автора, гальванизирующего эти «выветрившиеся» образные выражения.

¹ К.Д. Приходько. Соотношение фразеологических единиц и нефразеологических словосочетаний одинакового лексико-грамматического состава (на материале современного французского языка). М., 1972. (Канд. дисс.) (Термин «двойная актуализация» предложен Л. М. Болдыревой).

В первой статье Диккенс говорит об английских чиновниках-бюрократах, что они привыкли обвязывать красной тесьмой всякое живое дело, что они готовы опутать этой тесьмой весь мир, за что он и называет их «краснотесемщиками». И в то же время наличие фигуры бюрократа-волочитчика помогает читателю воспринимать двойное — прямое и переносное значение образности, создаваемое двойной актуализацией фразеологии.

Подобным же образом в статье «Свиньи целиком» Диккенс высмеивает «ультра» своего времени, экстремистов в политике и в быту.

Разбавь абсолютную чистоту воды хотя бы чайной ложкой вина или бренди — то есть, простите, алкоголя, — и Добродетель Возрождения бесследно исчезнет. Поставь одного часового у ворот дворца Королевы, и о твоём миролюбии не может быть и речи. Положи тушить в кастрюльку с овощами хотя бы косточку от бараньей отбивной, и никакой Огород не станет для тебя Райским Садам. Берите Свинью целиком, сэр, до последней щетинки, или вы, как и все человечество, никогда не возродитесь для новой жизни.

Контекст не оставляет никаких сомнений, что ни о каком ином переводе выражения *to go the whole hog* в этой статье не может быть речи. Только калька способна передать двойную актуализацию, с помощью которой автор упорно обыгрывает этот образ на протяжении всей статьи.

Наконец, при переводе третьей статьи «Псам на съедение» задача приспособления глагольной формы фразеологизма к нормам русского языка была еще сложнее, чем в предыдущих примерах. Переводчице (Е.В. Коротковой) пришлось проявить большую изобретательность, чтобы примерно в десяти случаях использования Диккенсом фразеологизма *to go to the dogs* найти способ калькированной передачи, каждый раз естественно и свободно входящей в русский текст. Вот несколько примеров:

Я заметил, что с каждым днем все новые и новые несметные ценности становятся достоянием псов.

Кому же достался этот замок со всеми его волшебными аксессуарами? Псам на съедение.

Тут у меня возникает искреннее убеждение в том, что состояние Боба вскоре будет съедено псами.

... независимость эту собаки съели.

В конце концов, ... свистнув собак, сей Актеон... окончательно предает себя им на съедение.

§ 30. Перевод образных ФЕ

При переводе ФЕ с образной основой можно установить определенные закономерности. Главным образом это относится к фразеологическим единствам с «выводимой» внутренней формой. Несколько упрощая вопрос, можно выделить четыре различных способа их передачи, а именно: 1) с полным сохранением иноязычного образа; 2) с частичным изменением образности; 3) с полной заменой образности и 4) со снятием образности.

Первым способом передаются ФЕ самой различной структуры, но имеющие интернациональный характер: застывшие метафоры и перифразы, пословицы и поговорки, крылатые выражения, а также заимствования в русский язык из английского и французского. Например, *dead letter, lettre morte мертвая буква*; *blue stocking, bas bleu синий чулок*; *the lion's share, la part du lion львиная доля*; *body and soul, corps et âme душой и телом* (в русском соответствии обратный порядок); *in the seventh heaven, au septième ciel на седьмом небе*; *to gild (to sugar) the pill, dorer (adoucir) la pilule позолотить (подсластить) пилюлю*; *to play with fire, jouer avec le feu играть с огнем*; *not to see the wood for the trees, les arbres cachent la forêt за деревьями не видеть леса*.

Во всех приведенных выше примерах образ сохраняется в переводе без изменений.

При втором способе образная основа ФЕ в переводе сохраняется, но с определенными изменениями лексического или/и грамматического характера. Заменяться может один из компонентов словосочетания, образный компонент — другим, близким ему, или вспомогательный компонент — любым. Например, *in the dead of night, à la nuit close — глубокой ночью*; *in broad daylight, au grand jour — середь бела дня*; *cannon fodder (food for powder), chair à canon — пушечное мясо* (аналог французской ФЕ); *a diamond of the first water, un diamant de la plus belle eau — бриллиант чистой воды*.

Сохраняется образ, но изменяется грамматическая форма выражения. Например, единственное число в английском и французском, множественное — в русском: *to have the news at first (second) hand, apprendre les nouvelles de la première main — узнать новость из первых (вторых) рук*; *to give a free hand, laisser les mains libres — предоставить свободу действий, развязать руки*.

Английский инфинитив заменяется глаголом в личной форме при переводе ФЕ на русский язык: *not to lie on a bed of roses — (его) нуть не усыпан розами*; *to make one's mouth water — (у него) слюнки потекли*.

Наиболее интересны с творческой точки зрения ФЕ, при переводе которых приходится полностью заменять их образную основу. Конечно, приводимые далее примеры перевода не следует считать

незыблемыми эквивалентами. Чаще всего это словарные соответствия, т.е. примеры так называемого «гнездового» перевода ФЕ, отражающего наиболее распространенное значение ФЕ. Но словари, как уже было указано, наряду с несколькими нормативными переводами дают и примеры «обертонального» перевода, отступающего от «гнездового», в зависимости от контекста и обстановки высказывания. Фразеологическое единство *to take smb. for a ride* может означать в литературно-разговорном стиле речи: *поднять на смех, высмеять, дурачить кого-л.*, а в воровском жаргоне (*cant*): *убить, прикончить* (АРФС). Придерживаясь принципа образной замены, можно было бы передать первое значение — *взять на пушку*, а второе — *укокошить*.

Полная замена образа может быть связана с сохранением экспрессивной окраски, что чаще даже важнее, чем передача функционально-стилистической принадлежности фразеологизма. Следует признать, что такое требование далеко не всегда осуществимо. В каждом языке фразеология является наиболее своеобразной частью словарного состава, и большое количество ФЕ сохраняет определенный национальный колорит. Это национальное своеобразие отражается одновременно и на стилистической, и на экспрессивной стороне ФЕ.

Боксерские термины куда привычнее для английского языка, чем для русского. Поэтому нелегко было бы сохранить образ *бросить губку* в той фразе, где У. Фостер говорит о капитуляции гитлеровских полчищ в мае 1945 года: *Hitler armies thoroughly thrashed by the Russians threw up the sponge*. В русском переводе этот образ заменен приемлемым по стилистической норме русского языка: *Гитлеровские полчища сложили оружие*.

Не следует думать, что использование Фостером данной ФЕ выходит за рамки привычного словоупотребления. Даже у такого тонкого стилиста, как Скотт Фицджеральд, эта ФЕ встречается в авторском повествовании. В новелле «Возвращение в Вавилон», имеющей отчасти автобиографический характер, эта ФЕ встречается в следующем окружении:

Glancing at her husband, she found no help from him, and as abruptly as if it were a matter of no importance, she threw up the sponge.

"Do what you like!" she cried, springing up from her chair. "She's your child. I'm not the person to stand in your way." (F. Scott Fitzgerald. *Babylon Revisited*)

Отец девочки, отданной под опеку сестры его покойной жены, решил начать новую жизнь после периода кутежей, пьянства и деградации. Он хочет забрать с собой дочь в Прагу, где он работает, но опекуна долгое время сопротивляется. И вот внезапно уступает.

Бросив взгляд на мужа и не найдя поддержки, она вдруг махнула рукой и, как будто решался вопрос, не имеющий большого значения, сдалась.

— Делайте как хотите! — воскликнула она, вскочив со стула. — Это ваш ребенок, и я не собираюсь становиться вам поперек дороги.

Конечно, *махнуть рукой* только один из возможных вариантов перевода to throw up the sponge, оправдываемый однородностью образной замены (жест — жестом). В данной ситуации такая замена адекватна.

Полная замена образной основы может считаться адекватной, если она, как уже было указано, точно передает смысл высказывания и соответствует экспрессивно-стилистическому характеру ФЕ и общей тональности подлинника. В этом отношении показательны многие переводы ФЕ в романе Р.П. Уорена «Вся королевская рать».

"It won't be skin off my nose." (R. P. Warren. *All the King's Men*)

— Плевать мне с высокой горы. (Р.П. Уорен. *Вся королевская рать*. Пер. В. Голышева. М., 1965)

...as sure as God made little green apples. (Там же)

...ясно, как божий день. (Там же)

Менее удачно передана следующая ФЕ, так как в переводе утрачен грубовато-вульгарный оттенок подлинника:

Pillsbury kept the pot boiling. (Там же)

Пилсбери трудился в поте лица. (Там же)

Перевод ФЕ со снятием образности — не лучший выход из положения, так как связан с потерей выразительности: a skeleton in the cupboard или in the closet *семейная тайна; неприятность, скрываемая от посторонних* (АРФС); *семейная тайна, тайна, тщательно скрываемая от посторонних* (БАРС). Конечно, «скелет в шкафу» неприемлем ни в каком контексте.

[Сейчас положение изменилось, и калька с английского прижилась в русском языке не только как ФЕ *скелет в шкафу*, но и в виде поговорки: *у каждого есть свой скелет в шкафу*. «Скелет в шкафу» — популярнейший заголовок для газетных статей, фельетонов, рассказов и даже стихов на русском языке. Приведем одну цитату из фельетона, где идиома использована для развернутой метафоры:

Говорят, у каждого есть свой скелет в шкафу. Только у одного это «скелет канарейки», а у другого — «костяк мамонта». Говорят... Правда, при этом не упоминают, что происходит, когда этот скелет внезапно «оживает» и, улыбаясь, вылезает из разошедшегося вместилища: «Здравствуй, это я». (В. Волк. *Скелет из шкафа*. Сайт «Неделя»: <http://www.temnik.com.ua> 03.06.2003).]

Но едва ли можно считать потерей, когда английские фразеологические сращения, образность которых не воспринимается, переводятся экспрессивными словами или словосочетаниями. Например, *riff-raff сброд, подонки общества* (БАРС), *rag-tag and bobtail сброд, подонки общества; шушера* (БАРС). Эти русские соответствия не менее выразительны (если не более), чем английские ФЕ. Возможно, что и добавление *шушера* оправдывается более интенсивным выражением качества во второй ФЕ.

По-видимому, нет особенной потери, когда снимается зашифрованная образность выражений, построенных целиком на числительных. В английском языке это ФЕ типа *at sixes and sevens, to talk nineteen to the dozen*. Первая, согласно АРФС А.В. Кунина, раскрывается как многозначная ФЕ: 1) *находиться в беспорядке; быть в запущенном состоянии*; 2) *расходиться (во мнениях, вкусах)*; 3) *запутаться*.

В языке газеты это выражение чаще всего встречается во втором значении (например, о разногласиях среди американских политических деятелей по вопросу об экономическом соревновании между СССР и США):

At sixes and sevens yesterday were U.S. Vice-President Richard Nixon and U. S. Intelligence boss Allen Dulles to decide what to say about the Soviet Union's economic challenge.

Совершенно противоположные мнения были высказаны вчера вице-президентом США Ричардом Никсоном и главой ЦРУ Алленом Даллесом по вопросу об экономическом соперничестве с Советским Союзом.

Конечно, описательный перевод ФЕ *at sixes and sevens* в данном и подобных случаях не влечет за собой никакой потери. Иное дело, когда образное, пусть даже принадлежащее к категории фразеологических сращений, выражение переводится описательно. В упоминавшемся выше переводе романа Р.П. Уорена можно отметить ряд подобных примеров

It even indicates that Tiny Duffy is an honest man. "Or," I added, "hadn't been able to deliver the goods."

Больше того, это означает, что Крошка Даффи — честный человек. «Или, — добавил я, — не выполнил своих обещаний».

В переводе дан описательный эквивалент: *не выполнить своих обязательств, обещаний*, приводимый в словарях.

Трудно передать образно выражение *to talk nineteen to the dozen говорить, трещать без умолку*. Но, как и во всех случаях снятия образности, у переводчика всегда есть право прибегнуть к приему компенсации (см. § 12).

Далеко не всегда формальная эквивалентность ФЕ дает право на ее использование в переводе. Например, когда ситуация высказывания и речевая характеристика препятствуют этому. Внешне библеизм *sufficient unto the day is the evil thereof* имеет точное соответствие — абсолютный эквивалент: *довлеет дневи злоба его*. Но правильно ли его употребление в следующем примере? Ведь в английском библеизме только одно слово *thereof* является канцеляризмом архаического характера, в то время как в русском эквиваленте все три слова архаичны. В переводе пьесы Дж. Голсуорси «Джой» переводчик решил блеснуть знанием библеизмов и воспроизвел его в первозданном церковно-славянском обличье, хотя в данном контексте он совершенно неуместен. Левер — директор акционерного общества, человек светский. Дела его пошатнулись, но он пытается это скрыть от своей возлюбленной.

Lever makes a movement of discomfiture; suddenly Mrs Gwyn looks at him as though to read his soul.

Mrs Gwyn. I seem to bring you nothing but worry, Morice. Are you tired of me?

Lever. (Meeting her eyes) No, I am not.

Mrs Gwyn. Ah, but would you tell me if you were?

Lever. Sufficient unto the day is the evil thereof. (John Galsworthy. Joy)

Левер делает досадливый жест, миссис Гвин неожиданно смотрит ему в глаза, как бы желая заглянуть ему в душу.

Миссис Гвин: Я доставляю тебе одни неприятности, Морис. Ты, наверно, устал от меня.

Левер (глядя ей в глаза): Нет, ничуть.

Миссис Гвин: Но ты мне скажешь, если почувствуешь, что устал?

Левер (мягко): Довлеет дневи злоба его. (Дж. Голсуорси. Собр. соч., т. 14. Пер. Л. Хвостенко)

Довлеет дневи звучит фальшиво, так мог бы сказать лишь какой-нибудь священнослужитель или человек в футляре. Но и словарное соответствие *каждому времени свойственно свое* здесь могло бы быть понято собеседницей Левера как признание в непостоянстве. Скорее всего он сказал бы: *Каждый день приносит новые заботы и огорчения*, что в сущности очень близко евангельской цитате.

§ 31. Перевод ФЕ, лишенных образной основы

Сложной семантикой отличаются лишенные образности ФЕ, в которых эмоционально-экспрессивное значение сочетается с субъективной оценкой действительности. Эти ФЕ одновременно являются и модально-вводными словами и выражениями. Как правило, они многозначны и полифункциональны. В английском языке это ФЕ типа *for that matter, for the matter of that, if anything*.

Трудность осмысления и перевода этих ФЕ состоит, во-первых, в том, что как фразеологические сращения, они не поддаются анализу, во-вторых, они одновершинны, и их стержневой компонент обычно десемантизирован. И, наконец, что особенно важно, на этой категории фразеологизмов с особой силой сказывается воздействие контекста. Поэтому семантический диапазон таких ФЕ исключительно широк. Например, по АРФС А.В. Кунина, многозначность ФЕ *for that matter (for the matter of that)* раскрывается следующим образом: *что касается этого, в этом отношении; собственно говоря, по правде говоря, можно сказать, в сущности, фактически; да что там говорить; если на то пошло*.

БАРС приводит те же соответствия, что и АРФС, если не считать, что вместо *если на то пошло* новый словарь дает *коли на то пошло*, без всякого основания заменяя *если* устарелым и просторечным союзом *коли*.

[НБАРС приводит еще меньше вариантов: *в сущности, фактически, собственно говоря; что касается этого, в этом отношении*. Одно из самых важных соответствий — *если на то пошло* — там отсутствует.]

Однако и показания обоих словарей не исчерпывают возможностей функционально-семантического и экспрессивного употребления этой ФЕ. Даже из приводимых в АРФС примеров (а их там девять) видно, что есть все основания добавить значения: *кстати, между прочим*, во всяком случае с большей достоверностью, чем не очень характерные обертональные переводы *должен сказать* и *заодно*, не говоря уже о двух примерах, где значение ФЕ вообще не передано.

В конце романа Дж. Брейна «Путь наверх» Джо Лемптон, желая отделаться от своей любовницы, допрашивает ее «с пристрастием» и требует признания в неверности:

"Why didn't you tell me?"

"It didn't seem important. I never asked you about your past — or present, for that matter." (John Braine. *Room at the Top*)

— Почему ты не сказала мне?

— Это не казалось мне важным. Я ведь никогда не спрашивала тебя о твоём прошлом — да и твоём настоящем, если на то пошло. (Джон Брейн. *Путь вверх*. М., 1960)

Здесь точно раскрыта функция модально-вводной ФЕ: говорящая подчеркивает, что она не требует у Джо никаких объяснений и отступов.

В иной функции этот же фразеологизм находит другое отражение в переводе того же романа:

"Our Joe has a huge appetite for everything," Ann Barbly said. "If only he were a little fatter he'd be just like Henry the Eighth."

"You're horrid," Susan said. "I like to see a man eat."

"Henry wasn't famous only for eating," Ann said.

I laughed in her face. "I haven't chopped off anyone's head yet. Or been divorced, for that matter."

— У нашего Джо огромный аппетит решительно на все, — сказала Энн Барбли. — Будь он чуточку пожирнее, вылитый был бы Генрих Восьмой.

— Ты злючка, — сказала Сюзен. — А мне нравится смотреть, как едят мужчины.

— Генрих Восьмой прославился не только своим обжорством, — сказала Энн.

Я рассмеялся ей в лицо.

— Я еще пока никому не отрубил головы. И не был разведен, кстати.

В данном случае *кстати* в обмене колкостями вполне соответствует и характеру говорящего, и ситуации. Джо Лемптон, прикрывая смехом свое раздражение, парирует намеки подруги Сюзен на его «всеядность» (имея любовницу, он добивается руки богатой невесты) сдержанно, как подобает мужчине. *Если на то пошло* было бы слишком большим нажимом. Все дело, конечно, в интонации. И в словечко *кстати* можно вложить достаточную долю ехидства. *Кстати и между прочим* — вводные слова, предваряющие какую-то дополнительную деталь, о которой говорящий еще не упоминал. For that matter может употребляться и в другой функции, также дополняющей высказывание, только в другом плане. Эта ФЕ может предварять в перечне наиболее важный (или важные) из членов перечисления, подчеркивая значение стоящих после нее членов ряда, как в следующем примере:

I recall no author of novel or treatise, or, for that matter sociologist, historian or labor figure, who captured so memorably the condition of the time as Chaplin did in this film. (*The Worker*)

Я не могу назвать ни одного из романистов, критиков или даже социологов, историков или деятелей рабочего движения, кому удалось

бы с такой силой запечатлеть дух того времени, как это сделал в своем фильме Чарли Чаплин. (Речь идет о фильме «Новые времена» — Я. Р.)

Даже, поставленное перед выделенными в подлиннике словами, в достаточной степени подчеркивает значение трех последних членов перечисления.

Особую роль могут выполнять ФЕ в речевых характеристиках. Даже самые тривиальные ФЕ, заклеянные Эриком Партриджем, автором «Словаря штампов», как «засиженные мухами», приобретают острое экспрессивное значение, характеризуя пользующееся ими лицо.

Где найти в русском фразеологическом фонде нечто равноценное? Ответ на этот вопрос можно дать следующим примером:

She gave a good look up to the platform, and then asked,

"How'd you do it?"

"Hair of the dog."

She looked up to the platform again. "Hair, hell," she said, "he must have swallowed the dog." (R. P. Warren. *All the King's Men*)

Она внимательно поглядела на помост и спросила:

— Как это вам удалось?

— Стаканчик на опохмелку — и все дела.

Она снова посмотрела на помост.

— Стаканчик, — сказала она. — Тут бочкой пахнет, а не стаканчиком. (Р.П. Уорен. *Вся королевская рать*)

Ср.: Хлестова: Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна: Бутылками-с, и пребоольшими.

Загорецкий (с жаром): Нет-с, бочками сороковыми. (А.С. Грибоедов. *Горе от ума*)

По существу, это наглядный пример преодоления любых трудностей передачи образной фразеологии при помощи компенсации. Английский образ «волос собаки» ничего не говорит нашему воображению. Равноценным образом в русском языке является «клин клином» (вышибают); возможно также раскрытие образа: *порция вина, чтобы опохмелиться* (АРФС). Обстановка и ситуация высказывания в романе Р.П. Уорена подсказывают в данном случае замену *стаканчика бочкой* явно в порядке компенсации английской образности, может быть, не без влияния реминисценции, связанной с бессмертной комедией Грибоедова. Как и во всех других областях, нет такой трудности перевода фразеологии, которую нельзя было бы преодолеть при помощи компенсации.

Глава шестая. Передача модальности в переводе

§ 32. Логическая и экспрессивная модальность

Пожалуй, нет в английском языке другой лексико-грамматической категории, которая представляла бы больше трудностей в процессе перевода, чем категория модальности. Полифункциональность модальных глаголов и модальных слов, нечеткая дифференциация наклонений и, что важнее всего, несовпадение средств выражения модальности в английском и русском языках — все это нередко служит причиной ошибочного или неточного раскрытия модальности в переводах. В самом понимании модальности еще существует значительный разноречивый.

Установленная впервые Кантом в «Критике чистого разума» шкала модальностей, охватывающая все промежуточные звенья от существования до «не-существования»¹, подверглась значительному сокращению грамматистами. Большинство из них ограничивает категорию модальности субъективным отношением говорящего к своему высказыванию.

Например, по определению Поутсма, модальность — это «личная форма глагола, глагольное сочетание или модальное наречие, с помощью которых говорящий выражает свою точку зрения на степень осуществления действия или состояния, обозначенного сказуемым»².

С другой стороны, Шарль Балли утверждает: «Модальность — это душа предложения. Нет высказывания без модальности». По-видимому, правильна вторая точка зрения, которую разделяют такие советские лингвисты, как академик В.В. Виноградов и А.И. Смирницкий.

В теории и практике перевода задача сводится, главным образом, к передаче субъективной модальности, т.е. точки зрения говорящего на отношение высказывания к действительности.

На диаграмме (рис. 2) показано приблизительное соотношение средств выражения модальности в английском и русском языках. Из диаграммы видно, что «иерархия» модальных средств в этих языках не совпадает: в английском первое место занимают модальные глаголы, тогда как в русском — модальные слова и частицы, которых в русском в несколько раз больше, чем в английском. Использование неличных глагольных форм (инфинитива, герундия, причастия)

¹ См. И. Кант. Критика чистого разума. Пер. с немецкого Н. Лосского. Спб., 1907, с. 159.

² Н. Poutsma. Указ, соч., part II, p. 161.

в качестве средств выражения модальности нуждается в дополнительном исследовании, поскольку оно еще недостаточно изучено грамматистами. Вполне возможно, что неличные формы английского глагола заслуживают более высокого места, чем то, которое они занимают в диаграмме. Взаимозаменяемость модальных средств в двух языках также требует проверки на более обширном материале.

Одинаковое место, которое занимают в диаграмме наклонения русского и английского языков, по-видимому, объясняется их сходным положением в системе каждого из европейских языков. «Как большинство единиц синтаксического уровня, синтаксические наклонения, по-видимому, сходны во всех европейских языках, хотя конкретные формы выражения этих наклонений в разных языках могут быть различными»¹.

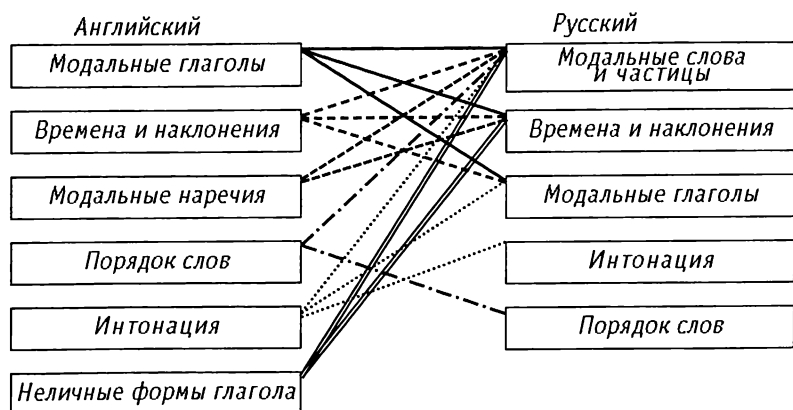

Рис. 2. Соотношение средств выражения модальности в английском и русском языках

¹ Т.Б. Алисова. Дополнительные отношения модуса и диктума. «Вопросы языкознания», 1971, № 1, с. 56.

В письменном переводе, конечно, не следует полагаться на интонацию как на единственное средство выражения модальности. Ведь в английских текстах даже интонационное ударение в прямой речи подчеркивается графически — курсивом. Редкий из современных английских и американских писателей и драматургов не прибегает к курсиву для выделения интонационного рисунка, а порой — и логического ударения. Но это отнюдь не дает права переводчику подменять лексико-грамматическое выражение модальности, требуемое в данном случае нормами русского языка, курсивом. Интонация на письме может придать предложению утвердительную, отрицательную или вопросительную форму. Но не может выразить возможность, предположение или допущение, вероятность или невероятность, или такие тонкие оттенки модальности, как предположение, граничащее с уверенностью, предположение, выраженное в вежливой форме, или допущение, справедливость которого может быть проверена немедленно. Для всех перечисленных оттенков модальности английский и французский языки обладают особыми лексико-грамматическими и фонетическими средствами, часто резко отличающимися от средств, применяемых для этого в русском языке.

Для теории и практики перевода не существенно, выражена ли модальность отдельным глаголом или всем построением высказывания в целом. Несовпадение средств выражения модальности в разных языках дает переводчику право заменять категории модальности и нередко делает эту замену неизбежной. Закономерности замен, в основном, определяются нормами переводящего языка и функцией модальности в данном высказывании. В большинстве случаев переводчику с английского языка приходится решать задачи, относящиеся к категории логической модальности. В этой области английский язык больше отличается от русского, чем французский. Показательно, что в упомянутой работе Вине и Дарбельне, озаглавленной «Сопоставительная стилистика французского и английского языков», глава о модальности (§§ 122—139) содержит анализ только способов выражения логической модальности, не затрагивая ни стиля, ни экспрессии. Разновидности модальных форм рассматриваются авторами по понятийным категориям: долженствование, моральный долг, возможность, вероятность, уверенность, отрицание, сообщение, позволение, приказание.

Хотя книга Вине и Дарбельне, как явствует из подзаголовка, предназначена для переводчиков, но указанное выше распределение материала не соответствует задачам теории и практики перевода. Так, глагол *must* рассматривается в категориях физического и морального долга, вероятности и уверенности, тогда как, несомненно, удобнее и нагляднее было бы сопоставить все его функции в одном месте. Это позволило бы лучше показать, в каких функциях ему соответствует

французский глагол *devoir*, а в каких — другие формы выражения модальности. Сопоставление с третьим языком, русским, еще усложнило бы эту схему. Поэтому в дальнейшем мы будем исходить из формы выражения модальности и через ее функцию выявлять значение и соответствующие ему формы выражения модальности в двух языках.

Своеобразную апологию английских модальных глаголов можно найти у поэта-«лейкиста» Роберта Саути в 7-й главе его книги *“The Doctor”*.

Пусть говорят сколько угодно о достоинствах мертвых языков. Наши вспомогательные глаголы (так Саути называет модальные глаголы — Я.Р.) придают английскому языку такую силу, которая была недостижима для древних языков при всем богатстве их флексий, наклонений, времен.

Услышав рассуждение Саути о воспитании детей, его экономка говорит:

“It ought to be written in a book — certainly it ought.” “It must be written in a book,” — сказал я в ответ на ее ободряющие слова. Я употребил то же время, то же наклонение, но выразил усиление мысли с такой тонкостью, которая вызвала бы зависть и восхищение у греческих и латинских грамматистов.

Несомненно, сочетание близких по функции и значению модальных глаголов позволяет передавать тонкие оттенки смысла. В приведенном примере собеседница поэта говорит о его моральном долге, тогда как он в своем ответе подчеркивает объективную необходимость. *Вам следовало бы описать это в книге,* — сказала она. — *Я обязательно должен это описать.*

Если бы эти глаголы не сопоставлялись, пожалуй, не было бы необходимости их дифференцировать в переводе.

И далее Саути, развивая свою мысль, искусно использует различные глаголы модального значения:

What I say is, do not attempt to force their intellectual growth. Do not feed them with meat till they have teeth to masticate it. There is a great deal which they ought to learn, can learn, and must learn, before they can or ought to understand it. How many questions must you have heard from them which you have felt to be best unanswered, when they were with most dexterity put aside.

Модальный глагол может служить для выражения особого, свойственного ему лишь в определенной ситуации, модального значения. В следующем примере, когда корреспондент сообщает о выступлении представителя Советского Союза в Совете Безопасности ООН, не может быть и речи о привычной функции глагола *seem*, определяющей отношение сказуемого к реальной действительности. Ни одна газета не приняла бы от своего корреспондента сообщения о заседании

Совета Безопасности, где бы говорилось, что такой-то из выступавших, *кажется, сказал*. Выступления в органах ООН протоколируются и становятся достоянием гласности. Очевидно, в данном контексте и при данной обстановке речь может идти лишь о модальности, распространяющейся на возможное или вероятное истолкование высказывания в целом, на истолкование его содержания.

The Soviet delegate, Mr Fedorenko seemed to suggest in a statement recently that Russia was not averse to the General Assembly's discussing problems that were blocked in the Security Council. (*The Guardian*)

Из выступления представителя СССР Федоренко в Совете Безопасности можно заключить, что Советский Союз не будет возражать против обсуждения на Генеральной Ассамблее вопросов, блокированных Советом Безопасности.

Конечно, данная функция глагола *seem* не является наиболее распространенной. Чаше всего такие модальные глаголы, как *seem*, *appear*, определяют отношение к действительности сказуемого, а не дополнения. Такую закономерность можно отметить и во французском языке:

Sa prestance semblait l'avoir prédestiné aux cérémonies officielles.
(R. M. du Gard. *Les Thibault*)

Благодаря своему представительному виду он, казалось, был создан для официальных церемоний. (Роже Мартен дю Гар. *Семья Тибо*. М., 1969)

В приводимых далее примерах мы неоднократно будем сталкиваться с такими явлениями, когда к логической модальности примешиваются и экспрессивные оттенки.

Как отмечает академик В.В. Виноградов, Ф. Брюно совмещает модальность логическую — «возможность, уверенность, очевидность, сомнение, неправдоподобие, невероятность и т. п.» — с синтаксическими и лексическими формами выражения таких «модальностей чувства, как ожидание, надежда, беспокойство, боязнь, изумление, согласие, одобрение, удовлетворение, безразличие, отказ, неудовольствие и т. п.». «Однако, — продолжает В.В. Виноградов, — по моему мнению, вопреки Ф. Брюно и отчасти А.А. Шахматову, которые стояли на почве субъективно-идеалистической психологии, необходимо проводить принципиальную четкую грань между разными эмоциональными формами выражения реакций на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности, хотя обе эти сферы речевых явлений, в которых отражается объективная действительность в ее преломлении в общественном сознании людей, находятся между собой в самом тесном взаимодействии»¹.

¹ В.В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды Института русского языка», т. II, М.—Л., изд-во АН СССР, 1950, с. 49.

Разграничение логической и экспрессивной модальности имеет решающее значение для адекватности перевода. Пожалуй, наиболее конденсированной формой выражения экспрессивной модальности являются междометия. Нет другой категории среди частей речи, которая отличалась бы такой специфичностью и полифункциональностью в каждом языке, как междометие. Рассмотрим в качестве примера смысловую структуру междометия *why*. БАРС отмечает пять следующих функций этого междометия: 1. *удивление*, 2. *нетерпение*, 3. *колебание*, 4. *догадка*, 5. *возражение*. Этот перечень, несомненно, является шагом вперед по сравнению с показаниями «Англо-русского словаря» В.К. Мюллера, где отсутствует 4-я функция — *догадка*, а вместо нее приводится логическая функция — *закключение*, правда, осложненная в иллюстративном примере оттенком сожаления, что вовсе не является обязательным спутником любого умозаключения или вывода. Словарь Мюллера в точности повторяет статью междометия *why* в «Кратком Оксфордском словаре» (“The Concise Oxford Dictionary”), не разграничивающем логических и экспрессивных функций модальности.

Однако причина включения логической функции в общий ряд экспрессивной модальности достаточно ясна из приводимого в словаре Мюллера примера: *since we did not succeed, why, we must try again* *раз мы потерпели неудачу, что ж, надо попытаться снова*. Как и всякое междометие, это *why* подчинено контекстуальной и ситуативной обусловленности, и в данном случае оно служит не только переходом к логическому выводу, заключению (именно переходом, а не самим заключением), но и выражает неохотное согласие, сожаление. С полным основанием вместо *что ж* можно было бы перевести: *ничего не поделаешь* или *ну что ж*. Вообще, даже самый полный словарь не в состоянии учесть все возможности конкретного раскрытия контекстуальных значений модальных слов. Важно наиболее полно обозначить в словаре их функции. Например, БАРС, как и словарь Мюллера, не регистрировал функцию сожаления, досады, а между тем это довольно часто встречающееся употребление *why*:

Young people seem nowadays to expect all kinds of luxuries and indulgencies which were never heard of when I was a boy. Why, my father was a common carpenter, and here you are both of you at public schools costing me ever so many hundreds a year... (Samuel Butler. The Way of All Flesh)

Как видно, нынешние молодые люди требуют роскоши и разных поблажек, о которых никто и не слыхивал, когда я был мальчиком. Да что тут говорить: отец мой был простым плотником; а вы оба учитесь в государственных школах¹ и стоите мне столько-то сот фунтов в год... (С. Бетлер. Жизненный путь. Л., 1938)

¹ «В государственных школах» — ошибочный перевод. См. значение *public school* в БАРС: закрытое частное привилегированное среднее учебное заведение для мальчиков (в Англии).

Да что тут говорить — закономерное соответствие английского *why* в этом контексте и речевой ситуации. Оно вполне согласуется и с манерой говорить, т.е. с речевой характеристикой мистера Понтифекса — отца семейства.

[К сожалению, НБАРС также не фиксирует ни этого соответствия, ни вообще употребления междометия *why* для выражения досады.]

Даже когда вполне возможно подвести английский модальный глагол под определенную смысловую категорию, далеко не всегда легко отразить в переводе ту дополнительную экспрессивную нагрузку, которую он приобретает под воздействием обстановки и речевой ситуации.

Так, глагол *would* в следующем примере как будто бы использован в функции желания, намерения, готовности, но его экспрессивное значение явно доминирует над смысловым, и в переводе необходимо отразить иронию, носителем которой является это *would*.

"Is that your car?" I asked on a sudden impulse.

He nodded. "Yes."

I had an intense desire to say: "It would be." (A. Christie. *Peril at the End House*)

Говорящий встречает после длительной разлуки своего недавно разбогатевшего знакомого, который подводит его к стоянке автомашин. Среди них выделяется одна, особенно роскошная и дорогая.

— Это ваша машина? — вдруг, по наитию, спросил я.

— Да. — Он утвердительно кивнул головой.

«Я так и думал», — чуть было не вырвалось у меня.

Как и в английской фразе, в русском переводе есть недоговоренность, эллиптичность. «Я так и думал, что у вас должна быть машина вроде этой». Но мысль остается невысказанной: *чуть не вырвалось* потому, что предположение о том, что богатому человеку полагается иметь шикарную машину, могло бы обидеть собеседника. Если смысловая функция «*would* + инфинитив» укладывается в рамки категории обычности, повторяемости действия (или состояния), отмечаемой в грамматиках¹, то экспрессивное значение никак нельзя подвести под какие-то твердо установленные раз и навсегда нормы. В приведенном примере именно потому, что *would* передает затаенную, невысказанную мысль, в переводе ироническое *я так и думал* звучит ехидной

¹ См. Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. Грамматика английского языка. М., «Высшая школа», 1965, § 553, с. 331.

насмешкой. Экспрессивное начало преобладает над семантическим. Даже при повторном использовании *would* в его основной смысловой функции экспрессия должна быть четко выражена в переводе.

So he evolved an elaborate plan. The children of slaves would be born free. They would be educated at state expense. When grown, they would be settled in communities of their own, where they would not be constantly reminded of slavery. Free emigrants from Europe would take over Negroes' work in Virginia. (Henry Moskow. *Thomas Jefferson and His World*)

И Джефферсон разработал подробный план. Дети рабов должны рождаться свободными и воспитываться за счет государства. Когда они вырастут, пусть поселяются на новых местах, где ничто им не будет напоминать о происхождении от невольников. И пусть в Виргинии работу негров выполняют иммигранты из Европы.

Свободолюбивые мечты демократа Джефферсона выражены эмоциональным подчеркиванием — пятикратным повтором *would*, и это отражено в переводе.

Модально-экспрессивные средства английского и французского языков еще очень слабо изучены, и потому этот раздел почти не находит отражения в теории перевода.

§ 33. Функциональный принцип передачи модальности в переводе

Модальность в переводе может передаваться теми же средствами, какими она выражена в подлиннике, или другими средствами, или же вовсе не находить формального выражения. Однако и в последнем случае нельзя считать, что она ничем не выражена. Это означает, что отношение высказывания к действительности вытекает из самого содержания высказывания без специального модального «указателя». Иначе говоря, в данном предложении модальность не эксплицитная (открыто выраженная), а имплицитная (подразумеваемая). «Каждая коммуникативная единица соотносится с планом реальности»¹. Как правило, минимальной коммуникативной единицей является предложение.

Очевидно, меньше всего затруднений представляют случаи, когда модальность передается в переводе одинаковыми средствами: наклонениями, модальными глаголами, модальными словами. Но и здесь далеко не всегда можно установить какие-либо формальные соответствия. Так, например: *He must be satisfied. Он должен быть удовлетворен* — двусмысленная формулировка, допускающая два значения:

¹ С.Д. Кацнельсон. Указ. соч., с. 330.

1) его необходимо удовлетворить; 2) он, должно быть, удовлетворен. Глагол *must*, как и другие английские модальные глаголы, может иметь различные функции, и только контекст и обстановка позволяют их разграничить. *She must dye her hair*, конечно, в подавляющем большинстве случаев значит: *Она, должно быть, красит волосы, а не Она должна покрасить волосы*. Утверждать это дает право распространенность крашенных волос даже в начале XIX века, когда эту фразу произносит героиня романа Теккерея «Ярмарка тщеславия».

В английском языке экспрессивную нагрузку часто несет модальный глагол *would*, особенно при передаче действий и состояний, запечатлевшихся в памяти рассказчика в яркой, образной форме. Так он употреблен в переводе рассказа «Живые мощи» И.С. Тургенева, где парализованная крепостная девушка вспоминает о прилете птиц:

It would not fly in, but only fly past the open door, and the little ones would begin to squeak and open their beaks directly.

...только мимо открытой двери пролетит, детки тотчас — ну пищать, да клювы разевать.

Конечно, выразительность русских инфинитивов («ну пищать, да клювы разевать») значительно ослаблена в английском переводе. Во французском переводе можно было бы ожидать формально равноценной передачи аналогичным средством — так называемым «повествовательным инфинитивом» — *Infinitif de narration*, передающим картину быстро сменяющих друг друга и повторяющихся действий. Но во французском переводе этой фразы повествовательный инфинитив не использован.

...au lieu d'entrer elle passait devant la porte ouverte, et voilà les petits qui se mettaient à piauler en ouvrant leurs petits becs.

Переводчик не без основания отказался от применения формально аналогичной структуры, так как она не соответствует русской функционально. Еще у Лафонтена повествовательный инфинитив выражал лишь динамику действия, и даже у Гюго он мог иметь такую же функцию: *Et la foule de rire, surtout les enfants et les jeunes filles*¹.

Однако в языке современной публицистики (особенно в фельетонах и памфлетах) повествовательный инфинитив приобрел прочную репутацию выразителя иронии, насмешки, порицания наряду с подчеркиванием внезапности, неожиданности действия:

Et tous, de Léon Blum à François Mauriac, de concert avec les hommes de main de Truman et de Marshall, de vanter les mérites, la générosité et la bonté d'âme des vautours de Pittsburgh, de Cleveland, de Detroit et de Chicago. (France Nouvelle)

¹ См. René GeorGIN. Difficultés et finesses de notre langue. P., 1952, p. 98.

И все, начиная с Леона Блюма и кончая Франсуа Мориакон, вкупе с подручными Трумэна и Маршалла, давай расхваливать заслуги, щедрость и великодушие коршунов Питсбурга и Кливленда, Детройта и Чикаго.

Давай расхваливать — отчетливое выражение иронической и неодобрительной экспрессии. Такая же функция повествовательного инфинитива присуща его неоднократному использованию в памфлете Поля Лафарга «Право на лень»:

Et cependant un économiste Destut de Tracy, leur repond: « Les nations pauvres, c'est là où le peuple est à son aise; les nations riches, c'est là où il est ordinairement pauvre », et son disciple Cherbulliez de continuer... (Paul Lafargue. *Le droit à la paresse*)

А экономист Дестю де Траси им возражает: «Бедные страны это те, где народ живет в довольстве; богатые страны — это те, где народ, как правило, бедствует». А его ученик Шербюлье подхватывает эту мысль.

Шербюлье доказывает неизбежность эксплуатации человека человеком, и повествовательный инфинитив как бы предваряет вывод, свидетельствующий о том, что ученик превзошел своего учителя.

В другом месте того же памфлета Лафарг с горькой иронией говорит о том, что даже на кризисе и росте безработицы капиталисты наживаются:

Et ces misérables qui ont à peine la force de se tenir debout, vendent douze ou quatorze heures de travail deux fois moins cher que lorsqu'ils avaient du pain sur la planche. Et les philanthropes de l'industrie de profiter des chômages pour fabriquer à meilleur marché. (Там же)

В этом отрывке повествовательный инфинитив снова выступает в двойной функции: неодобрения и динамики действия, И обе функции должны найти отражение в переводе:

И эти несчастные, с трудом держась на ногах от изнеможения, продают свой 12-ти или 14-часовой рабочий день по дешевке, за кусок хлеба, а благотворители-фабриканты рады ухватиться за возможность использовать безработицу, чтобы снизить свои затраты. (Там же)

Рады ухватиться — этим одновременно передаются обе экспрессивные функции повествовательного инфинитива.

Английские модальные глаголы нередко имеют синтаксически обусловленную экспрессивную функцию. Например, *should* в придаточном дополнительном:

It is ironical that war should have succumbed to its own perfected technology. (Prof. Lovett. *War and Peace in the Atomic Age*)

О. Есперсен называет этот модальный глагол в придаточном предложении *retroactive should*, т. е. *should* обратного действия, усилитель эмоции или оценки, выраженный сказуемым главного предложения. Поэтому естественно, что в переводе это *should*, не имеющее, конечно, и тени долженствования, отражается только на значении сказуемого, которое должно быть усилено.

Какая ирония судьбы, что усовершенствование военной техники уничтожило войну.

Основная сложность, одинаково присущая английским и французским модальным глаголам, заключается в их полифункциональности. Именно на этом фиксируют внимание Вине и Дарбельне, авторы «Сопоставительной стилистики французского и английского языков». И *must*, и *devoir* могут выражать и долженствование, и предположение. *I must have been mistaken*, конечно, *Я, должно быть, ошибся*, тогда как *I must make no mistakes* — *Я не должен сделать ошибок*. Во избежание двусмысленности французский язык, по крайней мере в отрицательных предложениях, пользуется порядком слов:

Vous deviez ne pas sortir. Votre absence m'a surpris et désespéré.
(A. France. *Le lis rouge*)

Вы не должны были уходить. Ваше отсутствие удивило меня и привело в отчаяние. (А. Франс. *Красная лилия*. Собр. соч., т. 3. Пер. А.В. Федорова)

Если бы отрицание стояло перед глаголом *devoir*, фразу можно было бы понять: *Вы не собирались, не намеревались уходить*. В английском предложении подобное перемещение отрицания было бы неосуществимо.

Еще более сложную картину дает сопоставление глаголов, выражающих возможность в английском и французском языках. Высказывание *He may come* в упомянутой книге Вине и Дарбельне имеет четыре французских соответствия: *Il peut venir. Il se peut qu'il vienne. Il est possible qu'il vienne. Il viendra peut-être*¹.

Французские параллели различаются не только степенью вероятности (наиболее вероятное — первая), но и стилистической окраской (книжное и более рассудочное — вторая). Но *may* и *might* могут употребляться и в функции уподобления, передачи воображаемой ситуации, причем сама форма сочетания модального глагола со знаменательным еще не позволяет определить ее функцию, которая раскрывается только в контексте, а нередко — с учетом предметной обстановки и речевой ситуации. *He may be living here* может означать и *Он может здесь жить*, и *Можно подумать, что он здесь живет*.

¹ См. J.-P. Vinay, J. Darbelnet. Указ, соч., р. 139.

Одно и то же сочетание *may* или *might* с простым или перфектным инфинитивом может иметь функцию «лишь мысли о возможности, допущения возможности», по определению Д. А. Штелинга, в отличие от *can*, выражающего «реальную возможность, фактическую или умственную способность, умение»¹. Бесспорно, *may* нередко выражает и разрешение, а с отрицанием — запрещение. В цитируемой статье Д.А. Штелинга указаны также варианты первой функции *may* — предположение, проблематичность, догадка, неуверенность, но не упоминается довольно распространенная функция уподобления, выражаемая в русском языке словами *можно подумать, что; как будто; словно*.

She walked slowly to the door, but the colonel stopped to say a word to a Swiss who might have been a local attorney. (W. Somerset Maugham. The Traitor)

Она медленно направилась к двери, но полковник остановился, чтобы перекинуться несколькими словами со швейцарцем, которого можно было принять за местного адвоката.

Совершенно очевидно, что говорящий (автор), впервые увидевший человека, может судить о его профессии только по внешности, обычно более подтянутой и даже щегольской у адвокатов, чем у прокуроров и судебных чиновников. И функция догадки, и функция уподобления здесь должны быть выражены.

В другой обстановке такая же модальная конструкция дает право на более реальное предположение:

"My father was killed in the war."

"Oh! I suppose mine might have been, and my brother."

(John Galsworthy. End of the Chapter)

— Моего отца убили на войне.

— Моего тоже могли убить. И брата!

(Дж. Голсуорси. Конец главы. Л., 1960)

Когда Клер Черрел из-за поломки фар застревает с Тони Крумом ночью в лесу и доверчиво засыпает на его плече, он думает:

Was it credible that she was there against his shoulder, and would be for another six or seven hours? And he shuddered. So still and matter of fact! No sign in her of passion or disturbance; he might have been her brother. (Там же)

Прямо не верится, что она рядом с ним, что голова ее лежит у него на плече и что так будет еще целых шесть-семь часов. Тони вздрогнул. Как все спокойно и прозаично! Ничто в ней не выдает ни страсти, ни волнения, словно он ее брат. *(Там же)*

¹ Д. Штелинг. Наблюдения над переводом предложений с модальным глаголом. «Тетради переводчика», № 3, М., 1966, с. 63.

Следует предусмотреть еще одну функцию, ускользнувшую из поля зрения грамматистов, — действия, бывшего на грани совершения:

He might have lost his temper.

Он чуть было не вышел из себя.

He might have lost his sight.

Он чуть не ослеп.

Но наибольший интерес представляет модальная конструкция, состоящая из «will + перфектный инфинитив», т.е. омонимичная форма перфектного будущего. Сущность ее модального употребления, как это ни странно, не рассматривается в грамматиках английского языка, хотя она пользуется широким распространением и в беллетристике, и в научной литературе. О ее модальной функции прежде всего сигнализирует тот факт, что она передает действия или состояния, относящиеся не к будущему, а к прошедшему времени.

Предположение, граничащее с уверенностью, передается в английском языке формой глагола «will + инфинитив / перфектный инфинитив».

My honourable friends will have heard the tremendous news broadcast throughout the world. (*Speeches in Parliament*)

Мои distinguished друзья, по всей вероятности, уже слышали потрясающую новость, переданную радиостанциями всего мира. (О нападении японских вооруженных сил на Перл-Харбор — Я. Р.)

Однако эта же конструкция распространена и в материалах совсем иного жанра: в научных трудах и в диалогической речи. Можно отметить, что независимо от области употребления эта модальная структура всегда имеет значение уверенного допущения, однако выраженного в вежливой, смягченной форме. Десятки примеров показывают еще одну особенность этой конструкции: истинность выраженного ею предположения может быть проверена немедленно. Это подтверждается и ее сопоставлением с модальным использованием соответствующих форм французского языка — *Conditionnel* и *Futur antérieur*, чьи функции смягченного предположения, поддающегося незамедлительной проверке, отмечены в «Синтаксисе современного французского языка» Ж. и Р. Лебидуа¹.

The reader who has studied the foregoing pages with attention will have obtained a fairly correct notion of the language spoken by our ancestors (O. Jespersen)

Читатель, внимательно проштудировавший предшествующие страницы, должно быть, получил довольно ясное представление о языке, на котором говорили наши предки.

¹ См. G. et R. Le Bidois. *Syntaxe du français moderne*, P., 1935.

Модальная функция структуры подчеркивается тем, что форма, омонимичная «будущему предшествующему», имеет отнесенность к прошедшему или настоящему времени. Аналогичное явление свойственно и русскому языку. Когда, желая придать более вежливую форму вопросу, спрашивают «Не вы ли будете товарищ Иванов?», то и здесь будущее время выражает в вежливой форме предположение, граничащее с уверенностью, притом поддающееся немедленной проверке. Это сочетание функций присутствует и в следующих примерах.

"Several very curious accidents have happened in the last few days. You will have heard — no, perhaps you will not. You only arrived yesterday, did you not!" (A. Christie. *Peril at the End House*)

— За последние дни здесь имели место очень странные происшествия. Вы, должно быть, слышали о них... нет, вероятно, нет, ведь вы приехали только вчера, не так ли?

Эркюль Пуаро спрашивает, отлично зная, что его предположение тут же подтвердится.

В начале пьесы Голсуорси «Семейный человек» отец, глава фирмы, кандидат в мэры города и деспот в своей семье, требует, чтобы ушедшая из дому взрослая дочь вернулась в родной дом и не подрывала его престижа.

Mr Builder. If she's still crazy about Art, she can live at home and go out to study.

Mrs Builder. Her craze was for liberty.

Mr Builder. A few weeks' discomfort soon cures that... She'll have found that out by now. (J. Galsworthy. *A Family Man*)

Билдер. Если она все еще помешана на искусстве, пусть живет дома и ходит куда-нибудь заниматься своей живописью.

Миссис Билдер. Если она и была помешана на чем-нибудь, так это на стремлении к свободе.

Билдер. Несколько недель жизни без привычных удобств быстро излечивают такое помешательство. Теперь она уже сама поняла это. (Дж. Голсуорси. Собр. соч., т. 15)

Поскольку Билдер тут же собирается ехать к дочери, он уверен, что его предположение скоро подтвердится.

Расхождение в средствах и способах выражения модальности в английском и русском языках подчас создает значительные трудности передачи смысла высказывания, не говоря уже об оттенках экспрессивной модальности. Особенно часто такие затруднения возникают при переводе модальных глаголов, используемых в функциях имплицитного порядка. Это функции, определяемые не непосредственным контекстом, а предметной обстановкой и/или речевой ситуацией.

Зависимость приводимых далее примеров от обстановки высказывания объясняется до некоторой степени и эллиптичностью английской диалогической речи, однако сопоставление эллиптического и развернутого предложения с глаголом *should* в одной и той же смысловой функции показывает, что и в том, и в другом случае необходим трансформационный перевод. Только конкретизация значения *should* придаст переводу эффект достоверности, естественности. В следующих примерах прямой перевод не раскрывает смысла, вложенного в вопрос, так как спрашивающий в данной конкретной ситуации не думает о долженствовании.

"Barney James calling," I said. "Is that Mrs Doremus?"

"Yes... I know you," she said. "But you don't know me."

"Should I?" (Vance Bourjaily. *The Man Who Knew Kennedy*)

— Говорит Барни Джеймс,— сказал я в трубку.— Это миссис Доремус?

— Да. Я вас знаю,— сказала она.— А вы меня нет.

— А должен бы знать? (Вэнс Бурджейли. *Человек, который знал Кеннеди*. Пер. М. Лорие, Е. Калашниковой)

В этом превосходном переводе романа вопрос *А должен бы знать?*, обращенный к новой жене старого друга, не создает впечатления естественности. У переводчиц была возможность выбора: либо ограничиться эллиптическим *Правда?*, *Действительно?*, *В самом деле?*, либо более конкретно выразить причину недоумения спрашивающего: *Почему вы так думаете?*. И его собеседница в следующей реплике отвечает именно на последний вопрос: «Да, вы, Барни Джеймс. 19 мая 1939 года вы испортили игру моему брату». Оба варианта перевода трансформационны и оба они — результат приема целостного преобразования.

Мы встречаем *should* в аналогичной функции в рассказе Ирвина Шоу:

"What do you do in the morning?"

"I recover and write poetry."

"Oh," she looked at him doubtfully. "Should I know your name?"

"No," he said, "I always tear it up the next morning." (Irwing Shaw. *Voyage Out, Voyage Home*)

— А что вы делаете по утрам?

— Я прихожу в себя и пишу стихи.

— А... — Она посмотрела на него с сомнением.— Так, возможно, мне знакомо ваше имя?

— Нет, на следующее утро я уничтожаю написанное.

И в этом примере *should* имеет ту же функцию предположения, основанного на том, что спрашивающая могла слышать имя поэта или читать его стихи.

Вполне оправдан был бы и вариант: *Так мне, должно быть, знакомо ваше имя?*, также выражающий предположение.

Функциональный принцип перевода может диктовать замену модального средства даже при наличии аналогичных средств выражения в обоих языках. Такая замена часто оказывается неизбежной, когда в подлиннике сталкиваются два модальных глагола, близких по функции и значению. *Can* и *may*, *must* и *ought to* отличаются друг от друга оттенками значения и нередко не дифференцируются в переводе, когда встречаются каждый отдельно. Однако их сочетание, а тем более противопоставление делает такую дифференциацию абсолютно необходимой.

В упомянутом выше романе В. Бурджейли одиннадцатилетний мальчик просит почтовую марку с только что полученного родителями письма. Но вместо *may I?* он говорит *can I*, и мать поправляет его.

"Can I have the stamp?" Goober asked.

"May I," Helen corrected.

— Дай мне марку,— попросил Губер.

— Пожалуйста,— напомнила Эллен.

Конечно, заменой модального глагола мать как бы дает сыну урок вежливости, и именно эта функция глагола *may* отлично передана в переводе словом *пожалуйста*.

Можно полагать, что употребление модального глагола *can* вместо *may* характерно для речи детей.

[Здесь надо уточнить, что в наши дни в разговорном языке Америки (но не Британии) употребление *can* в вопросе, с которым говорящий обращается за разрешением, стало нормативным в разговорном стиле речи. Использование в этом случае глагола *may* является подчеркнуто вежливым.]

Такую замену мы находим, например, в аналогичной ситуации, и в одном из рассказов Сэлинджера:

"Can I have this?" Ramona said, taking a burned match out of the ashtray.

"May I have this. Yes. Stay out of the street, please." (J. Salinger. *Uncle Wiggily in Connecticut*)

Сэлинджер очень тонко и правдиво воспроизводит особенности живой речи персонажей, и можно не сомневаться в типичности и закономерности такой подмены в обращении маленькой девочки

к матери. В рассказе мать поправляет Рамону, напоминая ей о вежливости. Однако в талантливом переводе этого рассказа Р. Райт-Ковалевой эта замена получила превратное истолкование:

— Можно взять это? — Рамона взяла обгорелую спичку из пепельницы.

— Взять, а не «взять». Бери. На улицу не выходи, слышишь? (Дж. Д. Сэлинджер. *Лапа-растяпа*. Повести. М., 1965)

В речи девочки нет ни малейшего намека на какую-либо неправомерность. Превратно понятая функция замены модального глагола привела к искажению речевой характеристики и применению переводческой компенсации в ложном направлении. Правильней было бы так:

— Я возьму это?

— Пожалуйста.

[Приходится отметить, что и это не вполне удачный вариант. Ведь мать поправляет речь девочки, а в тексте перевода фразу «Пожалуйста» можно понять в одном из двух смыслов: 1) либо что она просто дает ей разрешение (а в оригинале она дает его с оговорками); 2) либо что она требует от девочки добавить к своей просьбе слово *пожалуйста*, но тогда получается неграмотная фраза: «Я возьму это, пожалуйста». Логичней все же было бы поправить девочку иначе:

— Я возьму это?

— «Можно, я возьму». Бери.]

§ 34. Модальные ограничители в переводе

Фонетисты отмечают модальную функцию интонации и внутренней паузы в английском и французском языках. Но ни то, ни другое из проявлений устной речи не находит формального отражения на письме и нередко игнорируется в письменном переводе. Между тем, в русском языке определенная категория модальных слов, которые можно назвать модальными ограничителями, поскольку они указывают на ограничительно-уступительный характер высказывания, как правило, призвана заменять лексическими средствами те модальные оттенки, которые в упомянутых языках выражаются фонетически. Наиболее употребительные модальные ограничители — *хотя, хоть, пусть, даже, хотя бы, уже*.

Вряд ли кто-нибудь ошибется в переводе столь известного изречения, которое приписывают то Людовику XV, то его фаворитке мадам Помпадур: *Après nous le déluge*. (After us the deluge). *После нас хоть потоп*. Без ограничительного *хоть* это звучало бы как предсказание второго всемирного потопа.

Интересно отметить, что когда студенты переводили статью о падении посещаемости кинотеатров в Англии, в которой говорится:

The entertainment tax must be abolished and immediately, of course. There is no argument for its retention a day longer. (*The Daily Worker*)

то только те, для кого русский язык является родным, чувствовали необходимость включения модального ограничителя. Студенты из прибалтийских республик, как правило, переводили:

Налог на зрелищные предприятия должен быть отменен и, конечно, немедленно. Нет никаких оснований для его сохранения на один день.

Такой перевод объясним, если в латышском, эстонском и литовском языках нет необходимости в модальном ограничителе *хоть (даже) на один день*.

Необходимость включения модальных ограничителей может диктоваться и узким, и широким контекстом. Когда в тексте встречается выражение to restore some semblance of, т.е. *восстановить видимость* (например, единства, благополучия, согласия и т. п.), то в переводе, как правило, необходим модальный ограничитель: *хотя бы, пусть хоть*. Например, в книге Коблера о чикагских бандах гангстеров 1920—30-х годов говорится, что после убийства главаря одной из банд "Hymie Weiss tried to restore a semblance of unity of the gang." Разумеется, было бы неверно пренебречь модальным ограничителем и перевести: «Хайми Вейсс пытался восстановить видимость единства банды», так как, очевидно, его целью было восстановление подлинного единства (т.е. «хотя бы видимости единства»).

После провала лидера правого крыла Республиканской партии Барри Голдуотера на президентских выборах 1964 года в статье, опубликованной еженедельником «Ньюсуик» Кеннет Крауфорд писал:

Chairman Roy Bliss finds the tenacity of the Goldwater wing a drag on his effort to restore some semblance of harmony.

По всей вероятности, председатель Рой Блосс был бы не прочь добиться подлинного восстановления единства в партии и добивается «видимости» единства на худой конец.

Председатель Рой Блосс считает, что упорное сопротивление крыла республиканцев, возглавляемого Барри Голдуотером, препятствует его усилиям восстановить хотя бы видимость единства в партии.

В той же статье мы сталкиваемся и со вторым случаем, когда в переводе необходимо включение модального ограничителя.

Needing a share of organized Labor's help in financing and conducting campaigns, they line up against repeal of the union shop prohibition, which the unions want above all else.

Не подлежит сомнению, что республиканцы предпочли бы получить полную, а не частичную поддержку профсоюзов. Следовательно, и в данном случае модальный ограничитель совершенно необходим.

Нуждаясь хотя бы в частичной поддержке профсоюзов для финансирования и проведения своих кампаний, республиканцы выступают против отмены закона о приеме на работу только членов профсоюза, закона, который так защищают профсоюзы.

В приведенном выше перечне модальных ограничителей несколько особняком стоит наречие *уже*. Однако в определенных контекстах его необходимость вполне закономерна. Так, после позорного провала «операции» в заливе Кочинос, осуществленной кубинскими контрреволюционными эмигрантами не без участия ЦРУ, английская газета «Гардиан» в статье с историческим экскурсом писала: “...frustration of hopes of the political exiles by the second President of the United States.” Поскольку в статье была охарактеризована внешняя политика США, начиная чуть ли не с образования США, то приведенную выше фразу вполне можно было бы отнести ко второму президенту США, Генри Адамсу (1797—1801). В действительности автор статьи возлагает часть ответственности за обреченную на провал авантюру на президента Кеннеди, «уже второго президента, который обманул надежды политических эмигрантов», т.е. кубинских эмигрантов. Добавлением одного словечка *уже* двусмысленность высказывания устраняется.

Глава седьмая. Что дают словари переводчику

§ 35. Раскрытие смысловой структуры слова в словарях

В процессе письменного перевода главный помощник — словарь. Когда на пути переводчика возникают трудности, как это было ясно из многих примеров, рассмотренных в предшествующих главах, они возникают в связи с раскрытием значения слова или словосочетания. Естественно, что в подобных случаях переводчик прежде всего обращается к словарю.

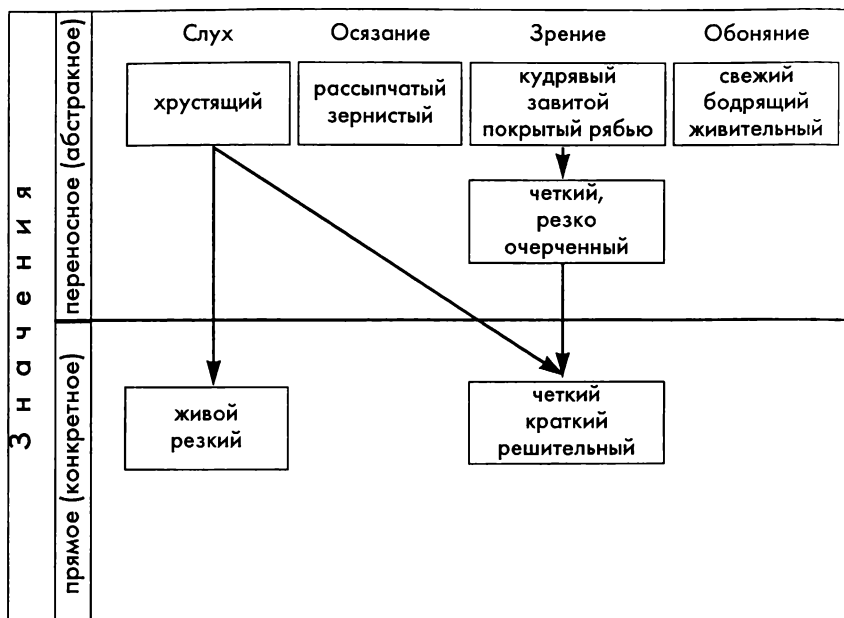
Нередко бывает так, что хотя словарь и не дает контекстуального значения слова, отталкиваясь от определенного нормативного значения, указанного в словаре, можно найти искомое значение. Но чаще всего, особенно когда приходится иметь дело с окказиональным употреблением слова, его контекстуальное значение может быть выведено только из смысловой структуры слова в целом, а не из определенного частичного значения. Под смысловой структурой слова следует понимать не только совокупность его нормативных значений, но и ближайшие синонимы этого слова. Ведь в большинстве случаев как английские толковые, так и параллельные словари для раскрытия значений слов пользуются синонимами.

Многозначность, детально разработанная в больших толковых и переводных словарях, реже затрудняет квалифицированного переводчика, чем слова широкой семантики, слова недифференцированного значения, которых так много в английском и французском языках. Между тем, поскольку такие слова часто не имеют формальных однословных соответствий в русском языке, трудность перевода усугубляется недостаточной разработанностью смысловой структуры этих слов в английской и французской лексикографии.

Смысловая структура слов с широкой семантикой трудно поддается исчерпывающему раскрытию через посредство другого языка. Поэтому двуязычные словари нередко дают весьма приблизительную картину совокупности значений слова с помощью перевода.

Часто переводные словари создают обманчивое впечатление многозначности слова, которое отличается семантической емкостью. Так, существительное *record* в словаре Мюллера представлено 18 русскими соответствиями и около 40 в БАРС.

Всю совокупность значений *record* можно передать формулой: *oral or written testimony of past events*.

Рис. 3. Смысловая структура прилагательного *crisp*.

На схеме (рис. 3) показана смысловая структура слова *crisp*. Все значения этого прилагательного распределяются в рамках четырех физических чувств: зрения, слуха, обоняния и осязания.

Важно учитывать, что к этой категории слов с недифференцированным значением относятся многие широко употребительные прилагательные английского и французского языков, такие как: *little, big, tough, sharp, crisp, petit, grand, fort*. Статью Л. Хорохорина «Некоторые замечания о многозначности и недифференцированности слов в двуязычных словарях»¹ следовало бы дополнить анализом и этих прилагательных, нередко являющихся камнем преткновения в процессе перевода. Кроме того, подробная разработка смысловой структуры во многих случаях приводится бессистемно. Достаточно сопоставить словарные статьи *sharp* и *crisp* с соответствующими французскими *aigu* и *sépi* или английское прилагательное *hollow* с французским *sreux*, чтобы понять, как скупо и бессистемно раскрываются различные значения французских слов даже в новейшем издании «Французско-

¹ См. «Тетради переводчика», № 2, М., 1964, с. 91.

русского словаря» К.А. Ганшиной по сравнению со словарем Мюллера, не говоря уже о БАРС.

[Надо отдать должное словарю НБАРС: в нем подача значений слова *спёр* во многом соответствует схеме, предложенной Я.И. Редкером.]

Отсутствие системы в порядке приведения значений также затрудняет пользование словарем в процессе перевода. Здесь большую помощь мог бы оказать функциональный принцип, примененный, но недостаточно последовательно, составителями БАРС. Например, в статье междометия *why*: 1) *как, ба!* (выражает удивление); 2) *да, ну!* (выражает нетерпение); 3) *пожалуй* (выражает колебание); 4) *да как же! ну конечно!* (выражает догадку); 5) *ведь, да* (выражает возражение).

[В НБАРС подача значений и соответствий слова *why* ничем не отличается от БАРС.]

И эти перечисленные пять функций не исчерпывают всех компонентов смысловой структуры *why*.

Контекстуальное значение иной раз реализуется путем сопоставления показателей лексикографии способом так называемой интерполяции. Это искомое контекстуальное значение, занимающее промежуточное положение между двумя указанными в словаре. Так, например, переводится слово *balance* в высказывании Артура Миллера о Чехове:

It is hard to imagine any playwright reading Chekhov without envying one quality of his plays. It is his balance. (A. Miller. The Shadows of the Gods)

Слово *balance* в БАРС представлено, кроме прямого значения *равновесие*, двумя переносными: 2. *уравновешенность, душевное равновесие, спокойствие*; 3. *пропорциональность, гармоническое сочетание*.

Второе значение относится к личным качествам человека, а третье — к творчеству. Интерполяция между *пропорциональностью* и *гармоничностью* в данном конкретном случае является основой обоих качеств. Это будет *чувство меры*, включающее и *уравновешенность* творческих приемов.

...Это качество пьес Чехова — чувство меры.

Для раскрытия контекстуального значения слова *balance* в приведенном выше примере достаточно было бы заглянуть в один из кратких английских толковых словарей. Например, “Chambers’s Shorter English Dictionary” (1963) дает: *Harmony among the parts of anything (as in a work of art)*; “The Concise Oxford Dictionary” приводит: *(Art) harmony of design and proportion*.

Обычно труднее всего раскрываются контекстуальные значения слов, выражающих абстрактные понятия, особенно когда в русском

языке нет точного соответствия английскому или французскому слову. Решающее значение в таких случаях может иметь знание смысловой структуры слова и/или его места в синонимическом ряду.

Любое контекстуальное значение может возникнуть только из потенциально заложенного в смысловой структуре данного слова. Оно не может возникнуть на пустом месте. Поэтому очень важно для толкового словаря наиболее полно отразить смысловую структуру слов. Конечно, большим подспорьем для переводчика было бы включение узуальных контекстуальных значений и в параллельный словарь. В двухтомном англо-русском словаре (БАРС) сделана такая попытка. Например, в статье *academic* наряду с нормативными значениями даны и контекстуальные, отсутствующие во многих английских и американских толковых словарях: *чисто теоретический, абстрактный, оторванный от практики; традиционный, канонический*.

[Ср. с нашим комментарием на стр. 22 о подаче этого слова в НБАРС.]

Так, например, БАРС приводит нормативные значения прилагательного *cold-blooded*: I. 1) *хладнокровный; бесчувственный, равнодушный*; 2) *безжалостный, жестокий*. Далее словарь дает сочетание: *cold-blooded murder заранее обдуманное, преднамеренное убийство*. Это контекстуальные значения прилагательного. Однако в публицистике можно встретить сочетание *cold-blooded plans, designs*, и в этом контексте *cold-blooded* означает *коварный*. Вероятно, распространение этого значения связано с нежеланием употреблять книжное слово *insidious*.

Контекстуальным значением прилагательного *cowardly* может быть *подлый, гнусный*, между тем БАРС не дает других значений *cowardly* кроме *трусливый, малодушный*. И в нашей прессе можно встретить: *трусливое убийство* вместо *подлое*.

[Приведенные выше замечания о трактовке слов *cold-blooded* и *cowardly* в словаре БАРС в той же мере относятся и к НБАРС.]

Из больших толковых словарей английского языка, дающих контекстуальные значения слов, выделяется 3-е издание словаря “Webster’s New International Dictionary” в двух томах. Это издание, отличающееся от всех предыдущих и последующих изданий этого известного словаря, навлекло на себя резкую критику за якобы излишнее и неоправданное дробление значений. Однако для переводчика это издание представляет большой интерес именно благодаря раскрытию контекстуальных значений.

Подробное раскрытие смысловой структуры слова в 3-м издании словаря Вебстера можно показать на следующем примере:

banish vt

1a
приказать от имени
властей покинуть стра-
ну, в которой данное
лицо находится (обыч-
но свою страну), т.е.
высылать, изгонять

1b
запретить кому-либо
посещать определен-
ный район, место или
людей, т.е. запретить
доступ

1c
выгнать кого-либо,
часто бесцеремонно,
т.е. выпроводить

2a
убрать кого-либо,
особенно с видного
или значительного
поста, т.е. сместить

2b
расправиться с кем-
либо, отделаться от ко-
го-либо особенно гру-
бым и мстительным
образом, т. е. убрать,
выгнать вон

3a
отогнать, избавиться
(от неприятных мыс-
лей, переживаний)

Пожалуй, при столь детальном раскрытии смысловой структуры слова ни одно из возможных дополнительных контекстуальных значений не достигнет переводчика врасплох. БАРС дает только следующие значения: 1. 1) *изгонять, подвергать изгнанию, ссылать, высылать*; 2) (уст.) *объявлять вне закона*; 2. *прогонять, выгонять, выдворять*; 3. *отгонять (мысли и т.д.), избавляться*.

Если даже У. Вайнрайх, критикующий этот словарь за «искусственное дробление значений» в «Международном журнале американской лингвистики»¹, и прав, приведенная выше разветвленная схема значений слова *banish* представляет несомненный интерес. Только языковой практикой можно доказать закономерность включения в статью тех или иных контекстуальных значений, но переводчику все они могут оказать существенную помощь.

Было бы желательно иметь англо-русский словарь, который включал бы все контекстуальные значения, зафиксированные в 3-м издании Вебстера. Отчасти таким словарем и является БАРС. Многие статьи в нем составлены именно по 3-му изданию Вебстера, другие — по более поздним изданиям: «The Random House Dictionary» (1966 г.) и «The American Heritage Dictionary» (1966 г.). Однако при сопоставлении

¹ U. Weinreich. Webster's Third: "A Critique of Its Semantics." "International Journal of American Linguistics", vol. 30, № 4, 1964, pp. 405–409.

смысловой структуры глагола *banish* в переводе на русский язык с английскими значениями мы убеждаемся в неизбежном упрощении этой структуры в переводе, которое вызвано, во-первых, отсутствием точных однословных эквивалентов отдельным английским значениям в русском языке и, во-вторых, необходимостью описательной передачи ряда значений, вследствие чего разные значения в русском переводе разграничиваются недостаточно четко (например, *выпроводить бесцеремонно* и *выгнать вон*). При раскрытии значений многих английских слов со сложной смысловой структурой в англо-русском словаре такие затруднения будут наблюдаться довольно часто. БАРС преодолевает трудности приведением словосочетаний.

«Большой англо-русский словарь» в двух томах, под общим руководством проф. И.Р. Гальперина содержит около 150 тысяч слов. Появление этого словаря, несомненно, окажет большую помощь переводчикам. Новаторское значение этого словаря можно кратко охарактеризовать следующим образом.

1. В словаре широко применяется раскрытие контекстуальных значений посредством приведения устойчивых словосочетаний. Можно сказать, что в известной мере это не словарь вокабул, а словарь словосочетаний.

2. Словарь применяет комбинированную систему раскрытия значений и нередко прибегает к функциональному способу объяснения значений.

3. В словаре проводится установка на адекватный в стилистическом и экспрессивном отношении перевод.

4. Словарь насыщен иллюстративными примерами, показывающими разветвленную многозначность и широту семантического диапазона многих английских слов.

5. Большим достижением является отказ составителей словаря от пометы «сленг» и распределение слов этой категории между тремя слоями: разговорным, просторечным и жаргонным.

В словаре Мюллера приводилось только два контекстуальных значения прилагательного *dramatic*: *актерский*; *деланный*. С меньшим основанием можно считать и первое из значений под цифрой 3) *мелодраматический* контекстуальным, поскольку оно непосредственно вытекает из основного значения. Основных значений два: 1) *драматический*; 2) *драматичный*.

БАРС, помимо всех четырех перечисленных значений, указывает еще восемь, и все они контекстуальны. Важно, что даны они в типичных словосочетаниях, так же, как и основные значения. Такое раскрытие смысловой структуры слова в большой степени облегчает работу

переводчика. Конечно, при наличии данных БАРС буквалистическая передача слова *dramatic* была бы непростительна. Приводим контекстуальные значения *dramatic* в этом словаре:

1. ~ *reading художественное чтение*; ~ *unities (театр.) три единства: времени, места и действия*, ~ *identification перевоплощение*; 4. 1) *волнующий, яркий*; а ~ *improvement in the conditions of work резкое улучшение условий труда*; *success was ~ успех был потрясающим*; *nothing ~ is expected in the near future ничего сенсационного в ближайшее время не ожидается*; ~ *confirmation of a prediction наглядное (яркое) подтверждение предсказания*; 2) *эффектный, бросающийся в глаза*; ~ *collar (hat) эффектны воротник (-ая шляпа)*; *black gloves for a ~ touch черные перчатки, надетые для эффекта*.

Не все приведенные выше переводы идеальны, но главное достоинство этой статьи заключается в тщательном и полном раскрытии смысловой структуры этого семантически сложного и часто встречающегося в прессе и литературе слова.

Эта статья — яркий пример того, каким должен быть словарь для переводчиков. Пусть не все потенциально возможные контекстуальные значения приведены в словаре, да это и нельзя сделать, но, отталкиваясь от указанных, всегда без особого труда можно вывести искомое значение в конкретном тексте.

И все же даже кратковременное пользование словарем в практике перевода обнаруживает недостаток, присущий многим (если не всем) лексикографическим изданиям большого масштаба: отставая от жизни языка, БАРС не включает многие слова и лексикализованные словосочетания, вошедшие в английский язык по меньшей мере десять и более лет тому назад. Эти слова зарегистрированы в толковых словарях или в специальных дополнениях к ним или же встречаются в английской и американской прессе, публицистике и художественной литературе наших дней. Речь идет, конечно, не о неологизмах-однодневках, а о тех словах и словосочетаниях, которые уже примелькались и прочно вошли в язык. Если учесть, что БАРС дает огромное количество специальных терминов из различных отраслей науки и техники, можно было бы ожидать, что в новом словаре будет тщательно учтена общественно-политическая часть английского словаря, в особенности те слова и словосочетания, которые встречаются в английской и американской прессе. Однако в этом отношении БАРС небезупречен. В нем отсутствуют многие общественно-политические термины, реалии и ряд лексикализованных словосочетаний, трудных для перевода.

Нет, например, таких, как *alien corn чуждый элемент* [нет этого выражения и в НБАРС], *act of God стихийное бедствие* [НБАРС дает: *стихийная сила, форс-мажор; стихийное бедствие*], *escapism бегство от действительности* [НБАРС: *эскапизм, стремление уйти от действительности*], *tokenism политика парадного фасада* [НБАРС: *символическое мероприятие; реформа или перестройка, проводимая для видимости*]; *ballot strike бойкот выборов* [в НБАРС это выражение отсутствует, но одно из значений слова *strike* передается как *коллективный отказ от чего-л.*; *бойкот*, что позволяет правильно перевести и словосочетание], *strike ballot голосование по вопросу объявления забастовки* [в НБАРС этого выражения также нет, но оно представляется несвязанным и может быть переведено поэлементно, исходя из данных словаря], *contiguous states основные 48 штатов, non-contiguous states 49-й и 50-й штаты* (Аляска и Гавайские острова) [оба эти выражения отсутствуют и в НБАРС], *line-up очная ставка* [НБАРС регистрирует данное значение, причем несколько точнее: *процедура опознания подозреваемого (стоящего в ряду других лиц)*], *dim-viewer пессимист* [в НБАРС отсутствует], *Pollyanna необоснованный оптимизм* [в НБАРС отсутствует], *witch dance свистопляска* [в НБАРС отсутствует], *talking shop говорильня* [зафиксировано в НБАРС], *theme song лейтмотив* [зафиксировано в НБАРС], *deviationist уклонист* [зафиксировано в НБАРС], *ombudsman чиновник, ведающий рассмотрением жалоб на действия правительственных учреждений* [в НБАРС это слово зарегистрировано, причем не только с объяснительным переводом, но и с транскрипционным соответствием, уже вошедшим в русский язык как политический термин: *омбудсмен*; однако там еще нет нового соответствия, уже официально применяемого в парламентской практике: *уполномоченный по правам человека*].

Почти все из приведенных выше слов и лексикализованных словосочетаний выписаны из газеты «Морнинг стар» за 1966–72 годы, а часть из них, например, последний термин, заимствованный из шведского языка, фигурирует наряду с сотнями общественно-политических неологизмов в специальном добавлении словаря “Chamber’s Shorter English Dictionary” (1963 года).

При переиздании БАРС следовало бы использовать специальные словари неологизмов и, в частности, выходивший после Второй мировой войны журнал “American Speech”, в каждом номере которого был отдел новых слов “Among the new words”.

Нет очень многих неологизмов и неосем, зарегистрированных в диссертации Л. Хахам об общественно-политических неологизмах. В этой работе огромное большинство английских неологизмов проверено на устойчивость по их использованию в переводах на русский язык и по употреблению в оригинальных работах наших публицистов.

[В последнее время издавалось немало словарей английских неологизмов, которые также можно порекомендовать читателю, например "Longman Dictionary of New Words". Из двуязычных пособий особо хочется порекомендовать работу П.Р. Палажченко «Мой несистематический словарь» (М., «Р.Валент», 2002). Автор этой книги, будучи одновременно лингвистом, специалистом по США и опытным переводчиком, именно с точки зрения перевода рассматривает незафиксированные словарями новые значения и оттенки значений многих единиц общественно-политической лексики.]

Как бы совершенен ни был двуязычный словарь, всегда останутся причины, в силу которых квалифицированные и опытные переводчики будут пользоваться английскими толковыми словарями. Во-первых, словник больших толковых словарей, особенно издающихся в США (например, всех словарей, упомянутых на стр. 195–197), содержит много сведений энциклопедического характера, отсутствующих в издаваемых у нас переводных словарях. Во-вторых, и это самое главное, с помощью переводов далеко не всегда можно достаточно точно и полно раскрыть всю совокупность значений английского слова, а иной раз — даже найти точный эквивалент однозначного английского слова. Иногда русские соответствия, даже когда каждое из них вполне оправдано, не дают верного представления о смысловой структуре слова, а нередко это раскрытие важнее для переводчика, чем самый длинный перечень потенциальных значений.

Есть и третья причина, не менее важная, на которую в свое время обратил внимание академик Л.В. Щерба: «... так как русские слова, более или менее удачно переводящие отдельные значения иностранных слов ..., имеют и свои значения и оттенки, которых может и не быть в соответственных иностранных словах, то подлинная физиономия этих последних остается в словарях такого типа совершенно неопределенной»¹. Достаточно привести один пример. БАРС дает три соответствия одному из значений английского прилагательного *late*: *покойный, умерший, усопший*. Но английское *late* — нейтрально в экспрессивном отношении, и газета «Морнинг стар» пишет: *the late Dr Göbbels*. Ни одно из перечисленных соответствий явно здесь не пригодно. Придется сказать: *Недоброй памяти д-р Геббельс*.

Серьезным недостатком всех существующих параллельных словарей является недостаточно полное раскрытие значений старых слов. Под неполным раскрытием имеется в виду не отсутствие контекстуальных значений. Речь идет о значениях, которые получили права

¹ «Русско-французский словарь». Предисловие ко второму изданию. М., «Сов. энциклопедия», 1969, с. 6.

гражданства и укоренились в языке, но по разным причинам все еще не значатся в англо-русских, французско-русских и других параллельных словарях.

Например, прилагательное *cynical* и существительное *cynicism* поныне ни в одном из англо-русских словарей не представлены другими значениями, кроме эквивалентов: *циничный, цинизм*. Только БАРС дает еще один синоним: *циничный, бесстыдный*. [То же самое приводится и в НБАРС.] Однако в английской и американской литературе и публицистике эти слова уже давно употребляются и в значении *скептический, скептицизм*. Именно это значение имеет *cynicism* в следующем примере:

While some of the Western industrial Powers clearly regard the whole enterprise with cynicism, the underdeveloped countries believe that it will oblige the European Common Market, the United States and other world centres of economic power to take their needs in greater consideration. (*The Economist*)

Совершенно очевидно, что в приведенном выше отрывке речь идет о скептическом отношении некоторых западных держав к решению Генеральной Ассамблеи ООН о созыве международной конференции для оздоровления экономики.

Приводим краткую характеристику некоторых английских и французских толковых словарей, представляющих особый интерес для переводчика.

Краткая характеристика английских и американских толковых словарей

[Перечень, приведенный в первом издании книги]

Название словаря	Год издания	Количество слов	Количество страниц	Количество иллюстраций
1. The Shorter Oxford Dictionary	1933	210000	2475	
2. The Concise Oxford Dictionary of Current English	1967	75000	1536	
3. The New Elizabethan Reference Dictionary	1957	33000	1640	
4. Chambers's Shorter English Dictionary	1963	24000	784	Add.*
5. H. C. Wyld. The Universal Dictionary	1957	110000	1447	Add.*
6. The American College Dictionary	1953	132000	1444	3000
7. Funk & Wagnalls New "Standard" Dictionary	1958	213000	1506	
8. Thorndike's New Standard Dictionary	1948	80000		750
9. Webster's New International Dictionary, 3rd ed.	1961	600000	3194	12000
10. Webster's New World Dictionary of the American Language	1957	85000	1600	1500
11. Webster's New Collegiate Dictionary	1957	65000	1000	900
12. The Random House Dictionary	1968	260000	2050	
13. The American Heritage Dictionary	1969	200000	1550	4000

[Обновленные издания последних лет

1. Webster's Third New International Dictionary, Unabridged. Updated ed., 1993. (Издание, включающее в себя корпус издания 1961 года, а также дополнение, содержащее около 14 тысяч новых слов и значений. Словарь выпускается также в электронной версии на компакт-диске под названием Webster's Unabridged).

2. Webster's New World College Dictionary, 4th ed., 50th Anniversary Revision, 2000.

3. The Random House Unabridged Dictionary, 2nd ed., 1993. (Выпускается также в электронной версии на компакт-диске).

4. The American Heritage Dictionary of the English Language, 4th ed. Boston, 2000.

5. The Concise Oxford Dictionary of Current English, 9th ed., 1996. (Выпускается также в электронной версии на компакт-диске).

6. Longman Dictionary of English Language and Culture, 2nd ed., 2001.]

¹ Add. — Addenda

Во всех американских словарях, за исключением Webster's New Collegiate Dictionary, многие словарные статьи сопровождаются синонимическими рядами с объяснением различий между синонимами. Webster's New Collegiate дает списки синонимов без объяснений.

Все остальные словари в приведенном выше списке пользуются синонимами лишь в качестве способа объяснения значений слов.

Простейшие объяснения значений слов дает «Универсальный словарь английского языка» Г.С. Уайльда. Еще более доступен по простоте и конкретности объяснений и наглядности иллюстративных приемов популярный словарь Хорнби.

[Если говорить о средних по объему словарях, представляющих ценность прежде всего в целях изучения английского языка и перевода на английский язык, то в этой категории нужно назвать в первую очередь словари серий Longman и Collins. Эти словари отличаются системностью, четкостью определений и очень продуманным вспомогательным аппаратом. В них иллюстрируется примерами почти каждое значение каждого слова.

Специализированные словари серии Longman полезны и при переводе на русский язык. Так, в словаре Longman Dictionary of English Language and Culture, кроме лексики основного фонда, есть немало культурных реалий, а словарь Longman Dictionary of Phrasal Verbs настолько детализирует и иллюстрирует значения фразовых глаголов, что незаменим, если у переводчика возникают трудности с пониманием глагольного сочетания с предлогом или наречием.

Особого упоминания заслуживает также словарь Collins COBUILD English language dictionary (издается с 1987 г.), примеры в котором основаны на лингвистической базе данных Бирмингемского университета. Также богат на примеры употребления и синонимику единиц основного лексического фонда словарь The Random House Thesaurus (College Edition) (выпускается с 1984 г., в том числе и в электронной версии).]

Французские толковые и синонимические словари

[Перечень, приведенный в первом издании книги]

1. Littré Emile. Dictionnaire de la langue française. 1956—1959, 7 vol. 13 714 pages.
2. Robert Paul. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Les mots et les associations d'idées. 1953—1965, 6 vol. 5000 pages.
3. Robert. Supplément. Rédaction dirigée par Alain Rey et Josette Rey—Debove. 1970, XXI — 514 pages.
4. Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. 1967, 1970 pages.
5. Quillet Aristide. Dictionnaire encyclopédique. Publié sous la direction de Raoul Mortier. 1956—1958, 6 vol. 5929 pages.
6. Dictionnaire Quillet de la langue française. Dictionnaire méthodique et pratique. 1961, 3 vol. 2132 pages.

7. Larousse Pierre. Grand Larousse de la langue française en six volumes. 1972–73. Т. I, 2, 3 (A — Inc). 2619 pages.

8. Dubois Jean, Lagane René, Niobey Georges e. a. Dictionnaire du français contemporain. 1971, XXII + 1223 pages.

9. Bénac Henri. Dictionnaire des synonymes. Conforme au dictionnaire de l'Académie française. 1956, 1026 pages.

10. Bailly René. Dictionnaire des synonymes de la langue française. 1967, 625 pages.

11. Bertaud du Chazaud Henri. Nouveau dictionnaire des synonymes (Les usuels). 1971, VI + 468 pages.

12. Deak E. et Deak S. A Dictionary of Colorful French Slangue and Colloquialisms. An up to-date thesaurus of modern French slang words and colloquial terms and phrases with their American equivalents. 1959, 209 pages.

[Некоторые издания последних лет

1. Le Grand Robert de la langue française, sous la direction d'Alain Rey. 6 vol. 2001.

2. Le Petit Robert de la langue française. 2004.

3. Bertaud du Chazaud Henri. Dictionnaire des synonymes et mots de sens voisins. 2003.

4. Le nouveau dictionnaire des synonymes de Larousse. 1999.]

Словари №№ 5, 6 и 7 [в перечне первого издания книги] имеют энциклопедический характер. Большой словарь Кийе (в меньшей степени — трехтомный) совмещает энциклопедичность и словника, и объяснений с лингвистической установкой ряда статей. В малом Робере содержится некоторое количество фразеологизмов, отсутствующих в шеститомном. Последний наиболее богат фразеологией и иллюстративными примерами. Небольшой словарь Дика включает общеупотребительные разговорные фразеологизмы с их английскими аналогами и содержит курьезные рисунки, иллюстрирующие внутреннюю форму фразеологических оборотов.

§ 36. Фразеология в словарях

Для подачи фразеологии в словарях весьма существенна проблема омонимии и многозначности стержневых слов. Смещение омонимов и многозначности в отношении большинства ФЕ, пожалуй, неизбежное явление, так как даже в наиболее полных и авторитетных французских толковых словарях (Ларусс, Кийе, Робер, Словарь Французской Академии) нередко содержатся противоречивые показания. Такая же картина и в толковых словарях английского языка. Так, например, даже словари одной и той же системы, притом столь прославленной, как Оксфордские, явно не придают значения разграничению омонимии и полисемии. В то время как “The Shorter Oxford Dictionary” приводит шесть омонимов существительного stock, “The Concise Oxford Dictionary” не дает ни одного омонима, считая это слово многозначным. Разумеется, отсюда вовсе не следует, что сама

проблема омонимии стержневых слов во фразеологии снимается. Для переводчика далеко не безразлично, с каким значением опорного слова связана данная ФЕ. Особенно важно установить эту связь в отношении ФЕ, еще не зарегистрированных в словарях, а иной раз уже и не регистрируемых. Это относится и к видоизмененным вариантам ФЕ, не попавшим в словари. Отсутствие указаний на значение стержневого компонента ФЕ, несомненно, является минусом в АРФС А.В. Кунина. Во всех трех изданиях этого словаря фразеология распределена между семнадцатью значениями стержневого слова *word*, между шестнадцатью значениями *world* и тринадцатью — существительного *way*, причем у последнего есть еще омоним, тоже с нерасшифрованным значением.

Подлинная многозначность ФЕ выясняется лишь из фактического употребления ее в разных значениях. Показания двуязычного словаря на этот счет могут быть обманчивыми. Вообще, и полисемия слова, и полисемия фразеологизма не может быть определена посредством перевода на другой язык. Нередко случается, что в русском языке нет эквивалента, т.е. постоянного и равнозначного соответствия, покрывающего значение иноязычной ФЕ. Тогда в словаре появляется ряд соответствий, создающих впечатление мнимой многозначности. И в английском, и во французском языках много ФЕ более широких по своей семантике, чем аналогичные ФЕ в русском языке. Могут спросить, чем же грешат переводные словари, когда дают дифференцированный перевод ФЕ? Вернее, несколько переводов, из которых можно выбрать подходящий в зависимости от контекста.

Беда в том, что в таких случаях переводчик за деревьями не видит леса. Опасность искусственного дробления общего значения иноязычной ФЕ на части заключается в том, что из-за разнородности отдельных соответствий их совокупность не составит целого. Если же приводимые в словаре русские соответствия не покрывают значения целого, это грозит тем, что в определенном конкретном случае переводчик не найдет правильного решения, так как общее целостное значение фразеологизма остается неизвестным.

По данным французских толковых словарей, выражение *faire retour sur soi-même* имеет только одно значение: *задуматься над своим прошлым* (словари Кийе, Робера, Ларусс XX века).

Это значение подтверждается двумя примерами из литературы XIX века в ФРФС. Однако в монографии А. Матьеза о Робеспьере мы сталкиваемся с использованием этого фразеологизма в ином значении:

Puis Robespierre faisait un retour sur lui-même: « A Londres on me dénonce à l'armée française comme un dictateur; les mêmes calomnies ont été répétées à Paris. » (A. Matiez. Autour de Robespierre)

Здесь уже речь идет не о мыслях, а о словах:

Затем Робеспьер сказал несколько слов о себе: «В Лондоне меня избличают перед французской армией как диктатора; эту клевету уже повторяют и в Париже.»

Монография написана Матезом почти сто лет тому назад. Следовательно, это такое же нормативное значение, как и указанное во французских словарях.

По данным французских словарей, обобщенным в ФРФС, фразеологическая единица *sauter le fossé* имеет не менее пяти значений: 1) *отважиться, решиться*; 2) *поддаться соблазну (о девушке)*; 3) *жениться*; 4) *разориться, обанкротиться*; 5) *умереть*. И это наряду с омонимичным нефразеологическим сочетанием: *перепрыгнуть через канаву*. Однако о боксере, решившемся сразиться со знаменитым Мухаммедом Али «L'Humanité» писала: «Il va sauter le fossé», т.е. *Он идет на большой риск*. Не это ли значение является наиболее широким, лежащим в основе всех остальных?

Проверка словарных данных переводческой практикой показывает, что и в области фразеологии лучше всего иметь в словаре, наряду с частичными (или даже полными) эквивалентами, широкое, объемное раскрытие значения ФЕ. Именно оно часто является отправной точкой для нахождения контекстуального значения фразеологизма и для его адекватного перевода.

Трудности при переводе возникают и тогда, когда в словарях нет фразеологического неологизма. Правда, если не учитывать новых сленгизмов, которые чаще всего не имеют прозрачной внутренней формы и являются нарочито зашифрованными, большая часть фразеологических новообразований создается по определенному шаблону. Можно сказать, что неологизмы опровергают распространенное мнение о немоделированности ФЕ. Достаточно просмотреть список фразеологических неологизмов, например, в “Chambers's Shorter English Dictionary” (1963) и его “Additional List of Words and Phrases”, которым открывается этот словарь, чтобы убедиться в том, что и новые устойчивые словосочетания, и новые ФЕ строятся по традиционным структурно-семантическим моделям. Перечислим характерные в этом отношении неологизмы, начинающиеся тремя первыми буквами алфавита:

1) существительное + существительное: *accomodation address*, *action station*, *air lift*, *air bridge*, *baby sitter*, *back seat driver*, *beat generation*, *charge account*, *credit squeeze*;

2) прилагательное (причастие) + существительное: *abominable snowman*, *approved school*, *big noise*, *broken home*, *corrective training*, *closed circuit*;

3) наречные и предложные: *off the cuff*, *off the air*, *under the counter*, *black out*, *buttoned up*.

Многие из этих сочетаний лексикализировались и превратились в сложные слова. Но их расшифровка облегчается структурной близостью к распространенным моделям свободных словосочетаний. Конечно, такие новообразования, как *baby sitter* *приходящая няня* или *back seat driver* *непрошенный советчик*, уже наличием целостного переосмысления должны быть причислены к фразеологии. То же относится к *big noise*, *closed circuit*, *off the cuff*, *black out*, *buttoned up*.

§ 37. Использование синонимических словарей в процессе перевода

На первый взгляд может показаться странным, что даже некоторые опытные мастера художественного перевода пользуются словарями английских синонимов в трудных случаях при подыскании нужного слова. Казалось бы, замена английского слова его синонимом сопряжена с риском нарушения точности перевода. Ведь, очевидно, автор не случайно выбрал определенное слово для выражения своей мысли, а не его синоним. Однако, если учесть сложную смысловую структуру многих английских слов и особенности их контекстуального использования, то станет ясно, почему иной раз наводящее указание на искомое значение переводимого слова может дать только синонимический словарь. Особенно такой словарь, который содержит возможно более полный перечень синонимов. Только словарь, дающий всеобъемлющий ряд идеографических и стилистических синонимов, может предусмотреть вероятное контекстуальное значение слова, не зарегистрированное ни в толковом, ни в двуязычном словаре.

[Из фразеологических словарей английского языка большую помощь переводчику окажут “The Longman Dictionary of English Idioms” (издается с 1979 г. и регулярно обновляется) и “NTC’s American Idioms Dictionary” by Richard A. Spears (издается с 1987 г.). Все ФЕ в этих словарях иллюстрируются примерами.]

Например, в «Социальной истории США» Фернеса упоминаются *the years of social uneasiness*. БАРС приводит следующие вариантные соответствия *uneasiness*: 1. *неудобство*; 2. *беспокойство, тревога*; 3. *неловкость, стесненность*. [Почти то же и в НБАРС] Ясно, что ни одно из указанных значений не подходит для характеристики состояния американского общества в конце XIX века. Первое и третье значения непригодны по смыслу, второе — слишком «сильно» для *uneasiness*. Английские толковые словари (например, “The Random House Dictionary”) дают большей частью синонимическое объяснение: *restlessness*, т.е. *беспокойство*, что, разумеется, «сильнее», чем *uneasiness*. Выручает словарь синонимов Роже. Он помещает это слово в статье *discontent*, как определенную часть этого более широкого понятия и к этому ключевому слову дает синонимы: *worry* и

nervousness, т. е. *озабоченность* и *нервозность*. Суммируя эти показания словаря Роже, можно с уверенностью перевести: «годы социального брожения», что вполне соответствует конкретной обстановке того периода.

Показательный пример использования словаря Роже при переводе эпитета *genial* был приведен в § 15 второй главы. Естественно, что для этой цели не могут служить объяснительные словари синонимов, содержащие подробные объяснения значений слов и различий между синонимами. Достаточно сказать, что словарь синонимов Крэбба дает 3–4, Фернальда — 16 синонимов в ряду, наиболее полный объяснительный словарь синонимов Мерриэм-Вебстера¹ содержит не более семи слов в синонимическом ряду, тогда как серийный словарь Роже дает в среднем 50–60 синонимов.

Изданный впервые в 1852 году “Thesaurus of English Words and Phrases” Питера Роже является, пожалуй, самым распространенным словарем синонимов английского языка. Десятки раз переиздававшийся в различных переработках в Англии и Америке, он выдержал к 1962 году свыше восьмидесяти изданий в первоначальной форме (с доработкой сына и внука составителя) и в наиболее совершенной форме представлен изданием 1970 года под редакцией Роберта Датча².

Словарь Роже — идеографический, или тематический, словарь. Он подразделен на шесть основных разделов: абстрактные отношения, пространство, материя, интеллект, воля, чувства, каждый из которых делится на подотделы. Для того, чтобы облегчить нахождение в словаре нужного слова, вторая половина словаря — 650 страниц — содержит полный алфавитный указатель, причем словник превышает 60 000 единиц. Словарь содержит также фразеологические и фразовые синонимы.

[Неоценимым достоинством словаря Роже является как раз то, что он построен по принципу «от понятия — к слову». Ясно, что именно переводчику часто требуется подыскать подходящее слово к понятию, которое он осознает, но не может точно выразить. Не найдя удовлетворительного варианта в рамках одной части речи, по словарю Роже очень легко перейти к поиску других частей речи с тем же общим смыслом, а также к смежным и антонимическим понятиям.

К сожалению, издание под редакцией Р. Датча затем не подвергалось адекватному обновлению. Весьма неудачным оказался словарь под названием “Roget’s II: The New Thesaurus” (3-е изд. — 1995), в котором составители отказались от идеографического принципа подачи слов,

¹ Merriam-Webster’s Dictionary of Synonyms with Discriminated Synonyms, Analogous and Contrasted Words. Springfield, Mass. Copyright 1951.

² Roget’s Thesaurus of English Words and Phrases, New edition, completely revised and modernised by Robert A. Dutch. Longman, Lnd. First impression, 1970, 1309 pp.

полностью заменив его алфавитным и тем низведя свой словарь до заурядного справочника со списками синонимов.

Более успешный вариант словаря Роже, в котором замечен возврат к исходным принципам автора, осуществлен только в электронном издании под редакцией Барбары Кипфер, доступ к которому можно получить через Интернет¹.]

Еще в 1940 году академик Л.В. Щерба обратил внимание на словарь синонимов Роже, отметив значение этого единственного иностранного лексикографического пособия в своей работе по русской лексикографии². Выше упоминалось о возможности раскрытия через синоним контекстуального значения слова, в особенности слова, отличающегося сложной смысловой структурой. Любопытное соображение в этой связи мы находим у Г. Фаулера³.

В статье “Vague Words”, появившейся во втором издании его “Modern English Usage”, он рассматривает шесть категорий слов «расплывчатого значения», которые вместе с тем являются «модными словечками». К первой категории он относит модные заменители более точных и определенных слов. Например, *alternative* вместо *other*, *appropriate* вместо *proper*, *impact* вместо *blow*, *issue* вместо *question*, *to implement* вместо *to carry out* и т.д.

Ко второй категории отнесены «ученые» слова книжного стиля, вроде *allergic*, *ambience*, *ambivalent*, *global*, *idiosyncrasy*, *protagonist*, *stream-lined*, *seminal* и т.д.

Третья категория представлена неологизмами, которые волею моды вытесняют давно существующие названия тех же понятий. Например, *blueprint* вместо *plan*; *break-through* вместо *achievement*; *ceiling* вместо *limit*; *liquidate* вместо *destroy*; *reaction* вместо *opinion*; *optimistic* вместо *hopeful*; *redundant* вместо *superfluous*; *significant* вместо *important*; *sabotage* вместо *wreck*; *target* вместо *objective* и т.д.

Этот перечень показывает, что в ряде случаев замена ничего не дает ни в смысловом, ни в стилистическом отношении. Может быть, и в русском языке различаются только слова *потолок* и *предел*, *реакция* и *мнение*, *знаменательный* и *важный*. Но большинство приводимых в довольно длинном списке слов этой категории ничем не отличаются от заменяемых ими предшественников.

Рассмотренные сопоставления показывают, что менее точное и определенное слово закономерно может быть заменено его синонимом. То же относится и к остальным категориям, выделенным Фаулером, т.е. к перифразам и другим средствам «риторического

¹ Roget's Interactive Thesaurus. First Edition (v. 1.0.0), edited by Barbara Ann Kipfer. Longman, Lexico Publishing Group, LLC, 2003.

² См. «Известия Академии наук». ОЛЯ, 1940, № 3.

³ H. W. Fowler's Modern English Usage. 2nd ed. Revised by Sir Ernest Gower. N.Y.—Oxford, 1965.

украшательства». Правда, здесь мы сталкиваемся с фактором стиля, и Фаулер прав лишь в отношении таких образных средств, которые уже настолько выдохлись и стерлись от неумеренного употребления, что при случайном применении не требуют отражения в переводе. Следовательно, в подобных случаях замена «модных» слов в переводе закономерна.

Словарь Роже дает очень широкие возможности выбора синонима, помогающего найти русское соответствие трудно переводимому слову. Сколько раз озадачивало переводчиков определение *dramatic*, и как часто буквальный перевод *драматический* выдавал с головой незадачливого толмача. Достаточно вспомнить о «драматической поездке» американского президента в пострадавшие от наводнения районы.

И для разграничения стилистических синонимов, и для характеристики слов вообще используются стилистические пометы. Эти пометы служат большим подспорьем для переводчика, особенно же пометы экспрессивного ряда, составляющие следующую разветвленную систему: *вежливое, возвышенное, вульгарное, грубое, ироническое, ласкательное, неодобрительное, презрительное, пренебрежительное, усиленное, шутовское, эвфемизм* (см. БАРС). В словаре Мюллера не было помет: *вежливое, вульгарное, возвышенное, усиленное*. Вполне обоснована установка составителей БАРС снабжать стилистической пометой даже те слова, стилистические особенности которых отражаются в переводах. Переводчику не в меньшей степени, чем читателю, важно знать функционально-стилистическую и экспрессивную характеристику иноязычного слова, чтобы правильно понять «замысел автора, использующего стилистическое своеобразие слова в определенных целях» (БАРС, Введение, с. 14).

Выше уже показано на конкретных примерах, что в процессе перевода экспрессивное начало господствует над функционально-стилистическим. Это отнюдь не опровергает критерия, положенного в основу определения полноценного (адекватного) перевода А.В.Федоровым: «Полноценный перевод означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему»¹. Если говорить о переводе в целом, то, несомненно, в нем должна быть выдержана стилевая доминанта оригинала. Это не противоречит тому, что в отдельных частностях не будут (да и не могут быть) переданы функционально-стилистические особенности слов и выражений, что особенно часто наблюдается при переводе английских жаргонизмов и французских арготизмов. Передается их экспрессивное значение: грубоватая, грубая или вульгарная экспрессия. Общее стилистическое соответствие подлиннику восстанавливается компенсацией.

¹ А.В. Федоров. Указ. соч., с. 151.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ АВТОРА

Может показаться, что обилие конкретных примеров, иллюстрирующих ту или иную отдельную проблему теории перевода, противоречит неоднократно подчеркнутому в данной книге комплексному характеру процесса и, следовательно, теории перевода. Но это лишь внешнее противоречие. Не говоря о лексико-грамматических и фразеологических проблемах перевода, даже наиболее сложные экспрессивно-стилистические вопросы могут быть рассмотрены в микротексте (в сравнительно кратких отрывках текста). По словам А.В. Федорова, «своеобразие стиля очень часто раскрывается и в пределах небольших отрывков, где оно бывает настолько резко выражено, что возникает возможность составить по части представление о целом. На этой возможности основывается вообще научное использование даже небольших цитат-примеров, в яркой, во всяком случае типической форме, показывающих те особенности, какие отличают произведение или творчество автора»¹.

Следует также учесть, что подавляющее большинство примеров в этих очерках взято из работ мастеров советской школы перевода: М.П. Богословской, Н.А. Волжиной, Н. Галь, В.П. Голышева, Н.Л. Дарузес, Е.Д. Калашниковой, М.Ф. Лорие, Р. Райт-Ковалевой, Т.А. Озерской, О.П. Холмской, В.А. Хинкиса. Представители старшего поколения из них вошли в состав «могучей кучки» переводчиков, названных так основателем советской школы перевода Иваном Александровичем Кашкиным. Даже в переводе отдельных фраз и отрывков можно проследить связь части со всем литературным целым, зависимость решения частной переводческой задачи от всего идейно-художественного замысла автора. И это положение относится не только к примерам из художественной литературы. Этот вывод распространяется и на примеры из переводов текстов других жанров, в частности, на широко использованный в книге, мастерски выполненный М.Ф. Лорие перевод автобиографической монографии У. Сомерсета Моэма «Подводя итоги».

Приемы лексических и грамматических трансформаций, составляющие основное ядро теории закономерных соответствий, по сути дела, соответствуют приемам «лексико-синтаксического перефразирования» в книге «Перевод и лингвистика» А.Д. Швейцера и сближаются с оригинальной концепцией В.Н. Комиссарова в его теории уровней эквивалентности («Слово о переводе»). Можно отметить, что и в работах, не имеющих отношения к теории перевода,

¹ А.В. Федоров. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., «Высшая школа», 1971, с. 67.

высказывалась мысль о переводческих трансформациях. Так, например, К.Г. Крушельницкая писала: «Преобразования языковых единиц издавна применялись как эффективный прием... при изучении языка родного и, особенно, иностранного, а также при переводе»¹.

Трудно согласиться с распространившейся в последнее время за рубежом и у нас тенденцией рассматривать теорию (или «модель» перевода) лишь в одном из ее аспектов и выделять теории денотативную, семантическую, реалистическую, трансформационную, ситуативную. Даже разделанные по всем правилам искусства говяжьей туши, висящие на крючках в мясной лавке, не дают представления о живой корове. Так и расчлененные на отдельные аспекты перевода теории никак не складываются в сложный комплекс, образующий подлинную теорию и практику перевода.

«Жизнь отчетливо указывает на две категории людей: художников и мыслителей», писал великий знаток человеческой природы И.П. Павлов. «Художники (писатели, музыканты, живописцы и т.д.) захватывают действительность целиком, сполна, живую действительность, без всякого дробления, без всякого разъединения. Другие — мыслители — именно дробят ее и тем как бы умерщвляют ее, делая из нее какой-то временный скелет, а затем только постепенно как бы снова собирают ее части и стараются таким образом оживить, что вполне им все-таки так и не удается»².

Переводчик занимает промежуточное положение между мыслителем и художником, и в процессе поэтапного воссоздания подлинника ему не приходится оголять свой объект до скелетообразного состояния. Так и теория закономерных соответствий, расчленяя процесс перевода на отдельные звенья, только тогда оправдывает себя, когда на каждом этапе ориентирует переводчика на целостное и всеобъемлющее восприятие воспроизводимого им оригинала.

¹ К.Г. Крушельницкая. Трансформационный метод и проблема значения. «Иностранные языки в высшей школе». М., «Высшая школа», 1964, с. 3.

² И.П. Павлов. Полн. собр. соч., т. III, кн. 2-я. М.-Л., 1951.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алисова Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума. «Вопросы языкознания», 1971, № 1.
- Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., Изд-во Ленингр. Гос. ун-та, 1963.
- Апресян Ю. Д. О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики. «Вопросы языкознания», 1971, № 1.
- Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод. «Тетради переводчика», № 6, М., «Международные отношения», 1969.
- Бархударов Л. С. Общелингвистическое значение теории перевода. В сб.: «Теория и критика перевода». Л., Изд-во Ленингр. Гос. ун-та, 1962.
- Бархударов Л. С., Рещер Я. И. Курс лекций по теории перевода. М., Изд-во ИМГПИИЯ, 1968.
- Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. «Вопросы языкознания», 1955, № 1.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., Учпедгиз, 1947.
- Виноградов В. В. Язык Пушкина. М., «Academia», 1935.
- Гак В. Г. Беседы о французском слове. М., «ИМО», 1966.
- Гак В. Г. О моделях языкового синтеза. «Иностранные языки в школе», 1969, № 4.
- Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. В сб.: «Семантическая структура слова. Психологические исследования». М., «Наука», 1971.
- Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки сопоставительного изучения французского и русского языков. М., «Высшая школа», 1965.
- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.
- Горский Д. П. Логика. Учебное пособие для пед.институтов. Институт философии Академии наук СССР. М., Учпедгиз, 1958.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., Изд-во иностранной литературы, 1968.
- Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., Изд-во иностранной литературы, 1958.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М., «Наука», 1972.
- Кашкин И. А. Для читателя-современника. Статьи и исследования. М., «Советский писатель», 1968.
- Комиссаров В. Н. Лингвистические модели процесса перевода. «Тетради переводчика», № 9, М., «Международные отношения», 1972.
- Комиссаров В. Н. Слово о переводе. (Очерк лингвистического учения о переводе). М., «Международные отношения». 1973.

Комиссаров В., Рецкер Я., Тархов В. Пособие по переводу с английского языка на русский. Часть I. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1960; Часть II. М., «Высшая школа», 1965.

Крушельницкая К. Г. Трансформационный метод и проблема значения. «Иностранные языки в высшей школе». Тематический сборник. М., «Высшая школа», 1964.

Кунин А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря (докт. дисс.). М., 1964.

Кунин А. В. Английская фразеология. М., «Высшая школа», 1970.

Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания. М., «Международные отношения», 1972.

Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полное собр. соч., т. 12.

«Логика». Под ред. Д.П. Горского и П.В. Таванца. М., Госполитиздат, 1956.

Назарян А. Образные сравнения французского языка. М., «Наука», 1965.

Найда Ю. А. Наука перевода. «Вопросы языкознания», 1970, № 4.

«Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., «Наука», 1972.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. Харьков, 1888.

Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М., «Высшая школа», 1964.

Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык. В сб.: «Вопросы теории и методики учебного перевода». М., Изд-во Академии пед. наук СССР, 1950.

Рецкер Я. И. Стилистико-грамматическое значение абсолютных конструкций в современном английском языке (канд. дисс.). М., 1953.

Рецкер Я. И. Теория и практика перевода. Пособие по переводу с английского языка. Лекции для заочного обучения. М., 1956.

Рецкер Я. И. Задачи сопоставительного анализа перевода. В сб.: «Теория и критика перевода». Л., Изд-во Ленингр. Гос. ун-та, 1962.

Рецкер Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский. Л., «Просвещение», 1973.

Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1957.

Степанов Ю. Французская стилистика. М., «Высшая школа», 1965.

Федоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., «Высшая школа», 1971.

Федоров А. В., Кузнецова Н. Н., Морозова Е. Н., Цыганова И. А. Немецко-русские языковые параллели. Сопоставительные очерки по вопросам словообразования и синтаксиса немецкого и русского языков. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1961.

Чуковский К. И. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. М., «Искусство», 1964.

Швейцер А. Д. К вопросу об анализе грамматических явлений при переводе. «Тетради переводчика», М., «ИМО», 1963.

Швейцер А. Д. О проблемах лингвистического изучения процесса перевода. «Вопросы языкознания», 1970, № 4.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., Военное издательство Министерства обороны, 1973.

Ярцева В. Н. Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке. Л., Изд-во Ленингр. Гос. ун-та, 1940.

Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М., «Наука», 1969.

Abbot A. E. A Shakespearian Grammar. Lnd., 1929.

Agricola, Erhard. Syntaktische Mehrdeutigkeit (Polysyntaktizität) bei der Analyse des Deutschen und des Englischen. Berlin, 1968.

Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation. Lnd., Oxford University Press, 1965.

Defoe Daniel. History of the Plague in London. Preface, N. Y., 1894.

Franz Wilhelm. Die Sprache Shakespeares in Vers und Prosa, 4te Auflage. Halle/Saale, 1939.

Jespersen Otto. Analytic Syntax. Copenhagen, 1937.

Koessler M., Deroquigny J. Les faux amis ou les pièges du vocabulaire anglais. P., 1961.

Las Vergnas Raymond. La langue qui ne meurt pas. «Les nouvelles littéraires», 6 février 1947.

Le Bidois G. et R. Syntaxe du français moderne. T. I, P., 1967.

Lombard Alf. Les constructions nominales dans la langue française. Upsala, s. a.

Malblanc Alfred. Stylistique comparée du français et de l'allemand. 2e édition, P., 1963.

Nida E., Taber Ch. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1969.

Olivier René, Miltz Hans—Manfred. Französische idiomatische Redewendungen. Locutions françaises. Leipzig, 1970.

Poutsma H. A Grammar of Late Modern English. Part I. The Sentence. Groningen, 1904.

Quirk Randolph. The Use of English. Lnd., 1962.

Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. Nouvelle édition revue et corrigée. P., 1965.

Дополнения к списку литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., «Международные отношения», 1975.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., «Высшая школа», 1986.

Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. Изд. 2-е. М., «Интердиалект», 1999.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., «Р. Валент», 2001.

Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. М., «Р.Валент», 2003.

Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М., «ЧеРо», 1999.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., ЭТС, 2001.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., «Высшая школа», 1990.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., «Московский лицей», 1996.

Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь. М., «Р.Валент», 2002.

Перевод — средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика. М., «Прогресс», 1987.

Рецкер Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. Изд. 3-е, доп. М., «Просвещение», 1982.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Изд. 4-е, перераб. и доп. М., «Высшая школа», 1983.

Флорин С. Муки переводческие: Практика перевода. М., «Высшая школа», 1983.

Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., «Наука», 1988.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВКЛАД Я.И. РЕЦКЕРА В ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ ПЕРЕВОДА¹

В 1950 г. вышел сборник статей «Теория и методика учебного перевода», в котором была напечатана статья опытного переводчика и преподавателя перевода Я.И. Рецкера «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык». Эта статья положила начало становлению лингвистической теории перевода в России, хотя сам ее автор не ставил перед собой столь значительной задачи и исходил не из каких-либо общетеоретических соображений, а из наблюдений за собственной практикой и творчеством других переводчиков-профессионалов.

Большой интерес представляло не только содержание статьи, но и сам подход к переводческой проблематике, который имплицитно полемизировал со многими распространенными мнениями о невозможности или нецелесообразности создания общей теории перевода. Основные возражения подобного рода сводились к нескольким постулатам. Во-первых, высказывались сомнения в возможности каких-либо обобщений в области перевода, поскольку каждый переводчик по-своему решает стоящие перед ним задачи, а перевод — это сугубо индивидуальное творчество, которое не может быть предметом теоретического анализа. Я.И. Рецкер показал, что в разных переводах можно обнаружить общие закономерности, использование одних и тех же соответствий и переводческих приемов, что ни в коей мере не лишает перевод творческого характера. Во-вторых, многие полагали, что переводческая деятельность настолько многообразна, что не может быть общей теории перевода, которая рассматривала бы перевод как единый объект исследования и изучала бы основные закономерности всех видов перевода — от перевода литературного произведения до перевода инструкции по использованию пылесоса. А в своей статье Я.И. Рецкер говорил о существовании закономерных соответствий в разных видах переводов с разных языков. В-третьих, большинство теоретиков и переводчиков-практиков полагали, что языкознание мало что может дать для теоретического осмысления переводческой деятельности, поскольку переводчик имеет дело не с системами языков, а с содержанием конкретных текстов. Конечно, он использует два языка, подобно тому как композитор использует нотную запись, но это лишь техническое средство, играющее второстепенную роль. У Я.И. Рецкера, напротив, в самом начале статьи утверждалось, что перевод нуждается в прочной лингвистической основе и что такой основой должно быть сравнительное изучение языковых явлений и установление определенных соответствий между языком подлинника и языком перевода. Подобную формулировку нельзя считать удачной: в статье сопоставлялись не языки, а отрывки исходных текстов и их переводы, но подчеркивание роли лингвистики имело принципиальное значение. Существенно также, что наличие закономерных соответствий доказывалось путем сопоставления отдельных единиц в текстах оригинала и перевода — слов и словосочетаний, что демонстрировало продуктивность как сопоставительно-переводческого метода анализа, так и вообще описания перевода в лингвистических терминах.

¹ Впервые статья была опубликована в сборнике Всероссийского центра переводов «Перевод: традиции и современные технологии». М., 2002.

Я.И. Рещер попытался разработать классификацию переводческих соответствий, которая не отличалась последовательностью и удачной терминологией, однако была первой заявкой на создание теории соответствий как одного из разделов теоретического перевода. В последующем сам автор этой классификации и другие теоретики перевода внесли в нее ряд уточнений и изменений, но новаторский характер статьи не вызывает сомнения.

В классификации предлагалось различать три типа закономерных соответствий. Соответствия первого типа именовались «эквиваленты» и определялись как «постоянные и равнозначные». И определение, и сам термин не вполне удачны (эквивалентами в теории перевода нередко называются любые соответствия — и регулярные, и окказиональные), но ясно, что имеются в виду хорошо известные случаи, когда независимо от контекста определенные единицы языка оригинала всегда (или точнее, почти всегда) переводятся одними и теми же единицами языка перевода. Я.И. Рещер иллюстрировал этот тип соответствий, главным образом, примерами переводов политических терминов, но сюда же можно было отнести и другие термины, собственные имена и названия, а также ряд других слов и словосочетаний, имеющих единичные соответствия.

Второй тип соответствий составляли так называемые «аналоги». Здесь речь шла о том, что у многих единиц языка оригинала имеются несколько соответствий в языке перевода, из которых переводчик должен делать выбор, исходя из требований контекста. Автор статьи называл это переводом по аналогии путем выбора одного из возможных синонимов. Подобные соответствия могли обнаруживаться как в лексике, так и в фразеологии и в синтаксисе.

Третий тип соответствий, которые именовались «адекватными заменами», явно выпадал из предложенной классификации, поскольку здесь речь шла не о каких-то регулярных соотношениях между единицами оригинала и перевода, а об отсутствии таких соответствий или о невозможности их применения в конкретном переводе. В этих случаях, по мнению Я.И. Рещера, переводчик должен оторваться от словарных и фразовых соответствий и искать решение задачи, исходя из целого: из содержания, идейной направленности и стиля подлинника, хотя и здесь могут быть известные закономерности. Легко убедиться, что термин «закономерный» неодинаково используется в применении к первым двум и третьему типу соответствий.

Предложив свою классификацию закономерных соответствий, автор статьи связал ее с действиями переводчика в процессе перевода и с методикой обучения будущих переводчиков. Он предположил, что в сознании переводчика прежде всего появляются соответствующие эквиваленты, затем идет процесс нахождения аналогичных конструкций и лексических и фразеологических аналогов, и после этого для элементов фразы, не раскрытых эквивалентами и аналогами, переводчик пользуется приемами адекватной замены. Аналогичным образом, на первом этапе обучения переводчиков их следует ознакомить с максимальным количеством эквивалентов, затем перейти к развитию умения находить аналогии, а на третьем этапе заниматься адекватными заменами. Одновременно Я.И. Рещер говорил о трех приемах перевода: нахождение эквивалентов, аналогов и адекватных замен. Термин «прием перевода» (порой не в столь широком значении) используется во многих более поздних работах по теории перевода.

Несколько разделов статьи посвящено примерам использования переводчиком указанных типов закономерных соответствий. Рассматриваются лексические,

фразеологические, синтаксические и ритмико-синтаксические соответствия. В каждом из этих разделов можно найти много интересных наблюдений, хотя между ними часто отсутствует связь, и они не сводятся в последовательную концепцию. Можно также отметить, что значительное место в их содержании занимают примеры того, что автор называет «незакономерным установлением эквивалентов», и других видов буквализмов. Эти примеры должны показать, что существование закономерных соответствий отнюдь не означает, что их можно автоматически использовать в любых случаях, и не лишает перевод его творческого характера.

Заключительная часть статьи посвящена применению при переводе адекватных замен как средства достижения адекватности. Автор подчеркивает, что использование таких приемов перевода требует тщательного учета содержания, идейной направленности, стиля и экспрессии всего текста в целом. Предлагается различать четыре приема адекватной замены: а) конкретизация недифференцированных и абстрактных понятий, б) логическое развитие понятий, в) антонимический перевод и г) компенсация.

Таким образом, в статье были не только сформулированы основы теории переводческих соответствий, но и описаны некоторые типичные преобразования в процессе перевода, осуществляемые переводчиком, что намечало один из возможных подходов к изучению недоступного для непосредственного наблюдения переводческого процесса.

В 1974 г. Я.И. Рецкер опубликовал монографию «Теория перевода и переводческая практика», где он несколько упорядочил свою концепцию и уточнил терминологию. За 24 года, отделявших эту книгу от статьи, появился целый ряд работ по лингвистической теории перевода как в России, так и за рубежом. В основном, авторы этих работ выдвигали свои теоретические положения вне связи с «теорией закономерных соответствий», хотя их исходные установки были созвучны идеям статьи Я.И. Рецкера от 1950 г. Вместе с тем некоторые из них пытались использовать и усовершенствовать эту теорию, а другие подвергали ее критике. Наиболее серьезными замечаниями, помимо упреков в непоследовательности и неудачной терминологии, были указания на нормативный характер и недостаточную лингвистическую обоснованность положений статьи. Эта критика во многом отразилась на содержании книги. В ней рассматривается широкий круг переводческих проблем, описывается целый ряд собственно лингвистических аспектов перевода и особое внимание уделяется подчеркиванию творческого характера действий переводчика, что, по мнению автора, опровергает обвинения в нормативности его теории. Можно заметить, что для Я.И. Рецкера нормативность предполагает существование каких-то обязательных правил, которые навязывают переводчику определенные действия. Более широкое понимание нормативности, которое мы находим у некоторых переводоведов, охватывает все концепции, формулирующие требования, которым должен удовлетворять хороший (адекватный, эквивалентный, полноценный, правильный и т. п.) перевод.

Первые две главы книги посвящены уточнению прежней классификации закономерных соответствий. Я.И. Рецкер по-прежнему относит к особому виду таких соответствий творческие приемы перевода, которые раньше назывались у него «контекстуальными заменами». Теперь они именуются «переводческие трансформации» и рассматриваются отдельно от других видов соответствий (в отдельной главе). Таким образом в новых терминах три вида соответствий включают: (1) эк-

вивалентные соответствия, (2) вариантные и контекстуальные соответствия и (3) все виды переводческих трансформаций. При этом подчеркивается, что эквивалентные соответствия относятся к сфере языка, а два последние — к сфере речи. Остается неясным, имеют ли в виду пути выявления соответствий (при сопоставлении единиц двух языков или при сопоставлении текстов перевода с их оригиналами) или их фиксирование в двуязычных словарях. Поскольку многие вариантные соответствия тоже можно найти в словаре, их вряд ли можно отграничивать от эквивалентов по этому признаку. Кроме того, в книге приводится много примеров, когда словарные соответствия образуются и закрепляются с помощью переводческих трансформаций, что еще больше затрудняет безоговорочное отнесение того или иного вида соответствий к сфере языка или речи. При этом, как мы уже отмечали, в центре внимания автора постоянно находится процесс выбора переводчиком варианта перевода и различные факторы, влияющие на этот процесс, поэтому различия между отдельными видами соответствий выступают не столь отчетливо. Подчеркивается, что в реальном переводческом процессе все соответствия носят функциональный характер, а количество и качество факторов, составляющих основу функциональных соответствий, зависят от жанра переводимого материала. Критерием правильности выбора средств для достижения адекватности перевода оказывается, с одной стороны, «соответствие частице действительности, описанной в оригинале», а, с другой стороны, «приближение полученного результата к воздействию оригинала». Подобное определение одного из центральных понятий теории перевода, очевидно, не затрагивает известные случаи, когда для достижения аналогичного воздействия необходимо описать в переводе совсем иную «частицу действительности».

В разделе, посвященном эквивалентным соответствиям, приводятся примеры становления таких соответствий как у отдельных слов, так и у словосочетаний. Часть раздела содержит критику (не вполне убедительную) утверждения Дж. Кэтфорда, что при переводе на исходный язык (ИЯ) и на переводящий язык (ПЯ) тексты не могут иметь одно и то же значение. Я.И. Рещкер полагает, что это положение ошибочно, поскольку в приводимом Кэтфордом примере, где нет эквивалента, содержание оригинала вполне адекватно передано с помощью вариантных соответствий. Нетрудно заметить, что Кэтфорд говорит не о невозможности эквивалентного перевода, а о том, что при переводе значения единиц одного языка не воссоздаются, а заменяются значениями единиц другого языка.

Небольшой раздел, посвященный вариантным соответствиям, приводит то же определение этого термина, которое ранее принадлежало аналогам, и кроме ряда примеров не содержит каких-либо новых положений. Можно лишь отметить сделанное мимоходом замечание, что наличие у слова нескольких соответствий не свидетельствует еще о его многозначности. Именование переводческих соответствий значениями иноязычного слова встречается у многих авторов, и сам Я.И. Рещкер порой грешит этим. Между тем само понятие вариантного соответствия предполагает существование нескольких слов, регулярно используемых для передачи одного и того же значения исходного слова.

Характеристика эквивалентных и вариантных соответствий дополняется в книге еще двумя разделами, где автор рассматривает вопрос о передаче в переводе контекстуальных значений и проблему «единицы перевода». Контекстуальные значения, по мнению автора, вызывают необходимость поиска способов перевода, наиболее соответствующих контексту. Я.И. Рещкер предлагает различать узually-

ные (повторяющиеся) и окказиональные контекстуальные значения и указывает, что и те и другие часто отсутствуют в словарях, хотя данные словаря могут помочь определить такое значение из контекста. Как всегда приводятся интересные и убедительные примеры из переводческой практики, хотя порой в них не проводится достаточно четко различия между разными переводами в двуязычном словаре и разными значениями иноязычного слова. Фактически приводимые примеры свидетельствуют о том, что поиск окказиональных соответствий может оказаться необходимым независимо от того, отражает ли двуязычный словарь подлинную или мнимую многозначность исходного слова.

Обратясь к проблеме «единицы перевода», которая, казалось бы, тоже связана с какими-то устойчивыми отношениями между единицами двух языков, как и переводческие соответствия, Я.И. Рецкер отрицает возможность и целесообразность выделения подобной единицы, по крайней мере для письменного перевода. Он указывает, что в процессе письменного перевода единицей перевода может быть и слово, и словосочетание, и синтагма, и целое предложение. Определения этого понятия не приводятся, но из рассуждений автора можно сделать вывод, что под единицей перевода он понимает единицу оригинала, достаточную для того, чтобы выбрать необходимый вариант перевода. И Я.И. Рецкер убедительно показывает, что для принятия правильного решения переводчику может потребоваться не только целый текст, но и затекстовая ситуация. Как известно, в работах других авторов предлагались иные способы выделения единицы перевода, но целесообразность использования этого понятия в теории и практике перевода остается дискуссионной.

В связи с проблемой единицы перевода рассматривается и столь распространенное в теории перевода понятие «буквальный перевод». Я.И. Рецкер полагает, что буквализмы возникают вследствие неправильного выбора такой единицы в качестве соответствия единице оригинала. Он выделяет два источника буквального перевода: этимологический и семантический. Под этимологическим имеются в виду «ложные друзья переводчика», т.е. слова в двух языках, сходные по форме, но различные по значению. Семантический буквализм состоит в неуместном использовании переводчиком наиболее распространенного значения слова вместо контекстуального или перевод фразеологизма на основе отдельных значений его компонентов. Приводимые немногочисленные примеры не исчерпывают всех случаев буквализма, трактовка этой проблемы носит фрагментарный характер, и автор явно не ставил перед собой задачу всесторонне ее рассматривать.

Несколько фрагментарно и содержание небольшого раздела, завершающего первую главу книги и посвященного роли в переводе таких составных частей так называемого экстралингвистического контекста, как предметная обстановка и речевая ситуация. Под предметной обстановкой понимается время и место, к которым относится высказывание, т.е. часть того, что у других авторов обычно называется описываемой ситуацией. Хотя перевод еще не рассматривался Я.И. Рецкером как коммуникативный процесс, он уже говорит здесь о необходимости учитывать речевую ситуацию, т.е. отражение личности автора, отражение источника, в котором опубликован переводимый материал, отражение адресата и назначение переводимого материала, ожидаемый эффект, который он должен произвести на читателя или слушателя. В разделе кратко характеризуются эти факторы и приводятся примеры их влияния на выбор варианта перевода.

Вторая глава книги посвящена описанию третьего типа закономерных соответствий, которые ранее именовались адекватными заменами. По-прежнему в их трактовке можно отметить некоторую непоследовательность. С одной стороны, речь идет об окказиональных способах перевода, используемых переводчиком только в связи с конкретными условиями индивидуального контекста и не фиксируемых в словарях. В таких случаях переводчик может отказаться от имеющихся эквивалентов или аналогов и прибегнуть к одному из творческих приемов. С другой стороны, Я.И. Рецкер рассматривает эти приемы как один из путей создания словарных соответствий, когда окказиональное решение закрепляется в переводческой практике и перестает быть таковым. В качестве примеров подобных соответствий приводятся, главным образом, общепринятые переводы устойчивых (фразеологических) словосочетаний, когда отношения между исходными единицами и их соответствиями в другом языке более или менее совпадают с тем или иным способом создания окказиональных соответствий.

Творческие приемы перевода рассматриваются теперь как способы раскрытия контекстуальных значений в переводе, которые также подчиняются определенным логико-семантическим закономерностям. В главе описываются подобные приемы в области лексики, и здесь Я.И. Рецкер во многом по-новому трактует положения, которые приводились им ранее. В соответствии с концепциями ряда переводоведов, чьи работы были к тому времени уже опубликованы, адекватные замены теперь называются лексическими трансформациями и соотносятся с формально-логическими категориями. Всего выделяются семь разновидностей лексических трансформаций: дифференциация значений, конкретизация значений, генерализация значений, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование и компенсация потерь в процессе перевода. В основе этих трансформаций лежат логические категории подчинения, противоречия, перекрещивания и внеположенности, которые, как и сами трансформации, являются универсальными и наблюдаются при переводе с любого языка на любой. Затем в отдельных разделах главы дается краткая характеристика указанным видам трансформаций.

Первые три вида трансформаций объясняются как преобразования, основанные на формально-логическом отношении подчинения. При этом отмечается, что дифференциация и конкретизация значения часто используются совместно. Использование таких приемов иллюстрируется убедительными примерами реальных переводов с английского и французского языков на русский. Здесь и применение конкретизации в связи с отсутствием в русском языке слова с таким же общим значением, как в исходном языке (например, вынужденная конкретизация при переводе английских слов *meal* или *moutn*), и примеры контекстуальной конкретизации, когда обнаруживается, что английский и французский языки широко используют слова с более общим значением при описании конкретных ситуаций (ср. *He ordered a drink* — Он заказал виски), и необходимость использования в переводе более общего слова, когда в исходном языке есть только более частные наименования (например, английские *foot* и *leg*, *hand* и *arm* и т.п.).

Прежний прием логического развития именуется теперь «смысловым развитием» и также получает более подробное обоснование. Он соотносится с формально-логической категорией перекрещивания и определяется как замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним. Приводятся примеры как вынужденного, так и факультативного использования этого приема переводчиками. Следует отметить, что определение приема не вполне соответствует

его реальному содержанию и явно продиктовано желанием автора включить прием в число преобразований именно лексических единиц. Фактически же в большинстве случаев смысловое развитие (или смысловая модуляция, как этот прием называется у других авторов) влечет за собой преобразование не значения отдельного слова, а способа описания ситуации (ср. например, приводимый Я.И. Рецкером пример: *Many South African sanctuaries are readily reached from Johannesburg* = До многих южноафриканских заповедников рукой подать от Йоганнесбурга).

Прием антонимического перевода трактуется в этой главе в общем так же, как и раньше, если не считать, что теперь он соотнесен с формально-логической категорией противоречивости. В отличие от предыдущих определений, где речь шла о преобразовании значений, прием антонимического перевода определяется как замена какого-либо понятия, выраженного в подлиннике, противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой всего высказывания для сохранения неизменного плана содержания. Под перестройкой высказывания в большинстве случаев понимается замена утвердительного предложения отрицательным или отрицательного — утвердительным. Регулярное использование этого приема переводчиками иллюстрируется убедительными примерами, но само определение показывает, что речь идет не о чисто лексической, а о лексико-грамматической трансформации. Кроме того, формулировка «сохранение плана содержания» может быть понята как требование тождественности содержания перевода и оригинала, что, как правило, недостижимо. В ряде случаев противоположность понятия трактуется очень широко, и принадлежность перевода к антонимическому связывается лишь с заменой формы предложения, а между переводом и оригиналом существуют скорее отношения не противоречивости, а перекрещивания (ср. приводимый пример: *The woman at the other end asked to hang on* — Женщина на другом конце провода попросила его не класть трубку).

Последние два приема — целостного преобразования и компенсации — объясняются как проявление логической категории внеположенности. Фактически здесь между переводом и оригиналом нельзя обнаружить никакой логической связи. В качестве примеров целостного преобразования приводятся многочисленные разговорные формулы, применяемые разными языками в сходных ситуациях. Во многих случаях нет основания утверждать, что подобные формулы были созданы переводчиками в результате какого-либо преобразования оригинала, хотя в переводе они и заменяют друг друга. Формулы приветствия, расставания, благодарности и т.п. явно возникли в языках независимо от переводческой деятельности. Прием целостного преобразования не получает у Я.И. Рецкера достаточно убедительного обоснования. Аналогично обстоит дело с приемом компенсации. Предполагается различать семантическую и стилистическую компенсацию, а сама компенсация определяется как замена непередаваемого элемента подлинника элементом иного порядка, где это представляется удобным по условиям русского языка. Такое широкое определение делает порой невозможным отличить компенсацию от других видов контекстуальных замен, когда также в переводе используются элементы иного порядка. Об этом свидетельствуют и приводимые в разделе иллюстрации. Так, утверждается, что с помощью семантической компенсации переводится безэквивалентная лексика и в качестве примеров приводится замена в переводе «зимних каникул» на «рождественские праздники», фирменного названия непромокаемого плаща «Бэрбери» на более общее нарицательное «макинтош» (типичный случай генерализации) или использование в одном и том же тексте двух разных соответ-

ствий английскому слову *convict* («заключенный» и «беглый каторжник»). Более удачно иллюстрируется применение стилистической компенсации. Здесь приводятся примеры замены грамматических и фонетических особенностей лондонского диалекта «кокни», которые нельзя воспроизвести в переводе средствами русского просторечия. К сожалению, в разделе явно недостаточное внимание уделено передаче игры слов, где компенсация является основным способом перевода.

Органичным завершением второй главы служит ее последний раздел, озаглавленный «О переводческом эксперименте». В нем Я.И. Рецкер удачно использует многочисленные студенческие переводы одних и тех же текстов для подтверждения реальности существования выделенных им типов соответствий в переводческой практике. Сопоставлялись работы студентов разных курсов, как знакомых с теорией закономерных соответствий, так и не знакомых с ней. Во всех случаях отмечалось использование многими переводчиками однотипных соответствий, что свидетельствовало о закономерности определенных совпадений в переводах. Этот эксперимент позволил Я.И. Рецкеру в качестве эксперта на судебном процессе доказать необоснованность обвинения одной из переводчиц в плагиате на основании того, что в ее переводе были некоторые совпадения с переводом, ранее выполненным другим переводчиком.

Анализ большого числа переводов позволил Я.И. Рецкеру утверждать, что существование закономерных соответствий подтверждается лексическими совпадениями, обнаруживаемыми во многих переводах. Это справедливо как в отношении эквивалентов и вариантных соответствий, так и для использования разными переводчиками одних и тех же видов контекстуальных замен. Правда, при использовании наиболее сложных приемов, таких, как смысловое развитие, целостное преобразование и компенсация, процент совпадений оказался незначительным. Представляется, что определенную роль в подобном результате сыграли и не вполне удачные определения этих приемов, не дающие четких критериев для их выделения в конкретных переводах.

Учитывая, что в ряде работ по теории перевода, в частности в трудах известного переводоведа Ю. Найды, большое внимание уделяется грамматическим трансформациям, Я.И. Рецкер посвятил этому вопросу отдельную большую главу. И здесь он выступает прежде всего не как теоретик, а как переводчик-практик. Я.И. Рецкер не занимается обсуждением правомерности использования в теории перевода положений трансформационной грамматики, а рассматривает многочисленные факторы, влияющие на выбор грамматической формы перевода. Грамматические трансформации получают у него весьма общее определение как преобразования структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами ПЯ. Сколько-нибудь подробной классификации таких преобразований не предлагается, указывается лишь, что могут заменяться и члены предложения и части речи. Затем перечисляются факторы, которые могут влиять на применение грамматических трансформаций, такие, как синтаксическая функция предложения, его лексическое наполнение, смысловая структура, контекст (окружение) предложения и его экспрессивно-стилистическая функция. А далее в главе приводится богатый фактический материал, демонстрирующий многочисленные случаи изменения структуры предложения при переводе по самым различным причинам. Попутно делаются некоторые замечания общего характера, хотя и не формулирующие особых теоретических обобщений. Так, отмечается необходимость трансформации, когда

подлежащим английского предложения является абстрактное понятие, регулярность замены английских и французских существительных русскими глаголами, а прилагательных — наречиями.

Заключительная часть главы не имеет прямого отношения к грамматическим трансформациям, но в ней мы находим очень интересные и полезные рекомендации для переводчиков с английского языка на русский. Здесь рассматриваются трудности перевода английских компаративных и абсолютных конструкций, которые часто вызывают ошибки даже у опытных переводчиков. Тонкий анализ и многочисленные убедительные примеры делают эту часть главы образцом рассмотрения проблематики частной теории перевода (хотя способы передачи значения некоторых типов абсолютных конструкций иллюстрируются также примерами французо-русских переводов).

При анализе грамматических проблем перевода автор книги уделил должное внимание экспрессивно-стилистическим значениям анализируемых форм и структур. Тем не менее, он счел целесообразным посвятить экспрессивно-стилистическим основам перевода отдельную (четвертую) главу книги. Как всегда у Я.И. Рецкера в главе приводятся интересные примеры из переводческой практики, хотя сами термины «экспрессия» и «стиль» не получают в ней четкого определения и автор не проводит различия между экспрессивностью и эмоциональностью, функциональным стилем и стилем экспрессивным и некоторыми видами коннотативных и прагматических значений. Его по-прежнему заботит не столько лингвистическая корректность выдвигаемых положений, сколько их связь с переводческой практикой. И на основе наблюдений за этой практикой делается вывод, что при переводе экспрессивно-стилистически нейтральных слов оригинала в русском языке регулярно выбираются более экспрессивные варианты. При этом обычно используется и прием конкретизации. Предлагается различать экспрессивно-эмоциональную и экспрессивно-прагматическую конкретизацию. Первый тип конкретизации иллюстрируется как примерами из двуязычного словаря (например, к английскому глаголу *to go* даются экспрессивные соответствия «податься, рухнуть, сломаться, расколотся»), так и примерами из опубликованных английских и французских переводов, например: “*She was able to get every ounce of humour out of the semicolon* — *Из точки с запятой она умела выжать весь юмор до последней капли*». Экспрессивно-прагматическая конкретизация связывается с тем, что в русском языке предъявляются относительно более высокие требования к логичности и завершенности высказывания. В приводимых примерах конкретизацией достигается законченность мысли, выраженной в оригинале более обобщенно: “*The tire bumped on gravel, sketched across the road, crashed into a barrier and popped me like a cork onto pavement*. — *Колесо наскочило на кучу щебня, свернуло вбок, перескочило через дорогу, с размаху стукнулось обо что-то, и я вылетел на мостовую, как пробка из бутылки*». (Хотя в оригинале нет ни «кучи», ни «бутылки», правомерность таких добавлений не вызывает сомнения, но большая экспрессивность русского предложения далеко не очевидна).

Пятая глава книги посвящена переводу фразеологических единиц. Я.И. Рецкер уделял много внимания фразеологии, был составителем французо-русского фразеологического словаря, постоянно обращался к переводу фразеологических единиц при характеристике отдельных видов закономерных соответствий. И в этом разделе книги мы не находим каких-либо новых теоретических положений. Основ-

ная цель автора заключается в том, чтобы показать многообразие употреблений фразеологизмов в различных контекстах, их богатый экспрессивный потенциал и невозможность полагаться только на данные словаря при выборе варианта перевода. В связи с этим рассматриваются особенности употребления и перевода фразеологизмов в текстах различных функциональных стилей, случаи двойной актуализации (обыгрывания образа в развернутой метафоре), существование в области фразеологии «ложных друзей переводчика». Предлагается различать четыре способа передачи в переводе образного стержня фразеологизма: сохранение образа, частичное изменение образа, полное изменение образа и несохранение образа. В каждом случае приводятся немногочисленные примеры без подробного описания особенностей применения каждого из указанных способов перевода. И здесь упор делается на необходимость творческого подхода переводчика к своей работе, учета специфики конкретного контекста, его смысловых и экспрессивных функций. Хотя цитируются и некоторые лингвистические классификации фразеологических единиц, но они не играют существенной роли при рассмотрении собственно переводческих проблем.

Много интересного материала найдет переводчик-практик и в предпоследней главе книги, где речь идет о передаче модальности в переводе. На хорошо подобранных примерах демонстрируется несовпадение в способах выражения логической и экспрессивной модальности в разных языках, анализируются тонкие модальные оттенки, передаваемые в английском и французском языках модальными глаголами, а в русском — модальными словами и частицами, сопоставляются данные словарей с реальными модальными значениями в текстах разного типа. При этом обнаруживается целый ряд особенностей употребления модальных средств, которые не упоминаются ни в словарях, ни в грамматиках соответствующих языков. Лишний раз подтверждается, что не только лингвистика может внести большой вклад в изучение перевода, но и изучение перевода может много пользы принести самой лингвистике.

Сугубо практической направленностью отличается и последняя глава книги, которая посвящена работе переводчика с двуязычными и толковыми словарями. Здесь описываются способы раскрытия в словаре значений слов и фразеологизмов, дается краткая характеристика основных английских и французских толковых словарей, демонстрируется полезность использования синонимических словарей.

В заключение этого краткого обзора книги «Теория перевода и переводческая практика» можно отметить, что ее содержание полностью соответствует ее названию. Если теоретическая часть книги, в основном, развивает ранее высказанные автором положения теории закономерных соответствий, то ее практический материал отличается богатством и оригинальностью и в значительной степени закладывает основы для разработки частных теорий перевода с английского и французского языков на русский.

В целом, важность вклада Я.И. Рещкера в развитие лингвистической теории перевода не вызывает сомнения. Несмотря на терминологические и классификационные недочеты, вполне естественные в новаторской работе, его основные идеи были подхвачены многими отечественными переводоведами, и переводоведение в России во многом «вышло из Рещкера».

Не платил ни за любовь, ни за славу

(О Якове Иосифовиче Рецкере)¹

Для инъязовцев моего поколения, чьи студенческие годы пришлось на начало 70-х годов, Яков Иосифович Рецкер (1897–1984) был живой классик науки о переводе. Мы сдавали экзамены по его книгам, пользовались его словарями, и этот же человек — неторопливый, улыбчивый, немного ссутулившийся старик — приходил в наши маленькие группы, терпеливо и доброжелательно проводя повседневные занятия по практике перевода. Я думаю, многие мои однокурсники только потом осознали, как же исключительно нам повезло, — мы учились у блестящей плеяды ученых и переводчиков первой величины! И как же глупы мы были, что не ловили и не записывали каждое их слово, что иной раз прогуливали их бесценные уроки.

Однако главным, что привлекало в этом человеке, были, пожалуй, даже не его научные достижения, не составленные им блестящие двуязычные словари, не его увлекательные книжки и статьи. Самым потрясающим было осознание того, что ты слышишь и видишь человека из неведомой, давно ушедшей эпохи — чудом сохранившийся реликт старой российской интеллигенции с присущей только ей высотой ума, духа и нравственных принципов, что было смутно знакомо разве только по старым книгам. Одного из последних могикан.

Яков Иосифович обладал фантастической эрудицией. Для него абсолютно естественно было процитировать в разговоре по-французски изречение маркизы Помпадур (сопровожаемое точной датой), стихи Гёте по-немецки, строфу из Данте по-итальянски и фразу из Чосера или Ирвина Шоу по-английски. Он действительно глубоко знал четыре иностранных языка, не считая классических. В молодости превосходно держался в седле, владел оружием и приемами бокса. (Впрочем, и в старости, как мне рассказывали в его семье, применил как-то апперкот против оскорбившего его жену хулигана.) И до конца жизни любил отдыхать за игрой на фортепиано.

Кроме эрудиции и разносторонности таланта, Якова Иосифовича отличала страстная увлеченность работой, стремление выполнить ее предельно глубоко и тщательно. Это отнимало, конечно, много времени, и, может быть, поэтому число написанных им трудов не так уж велико. Например, на свою кандидатскую диссертацию он потратил, как он рассказывал, десять лет — значительно больше того срока, за который был возведено высотное здание у Красных Ворот (ему почему-то запомнилось это строительство).

Образцом добросовестнейшей работы было его участие в уникальном судебном деле о плагиате. В конце 50-х годов переводчик романа К. Причард «Золотые мили» обвинил другую (и гораздо более сильную) переводчицу этого же романа в плагиате. «Авторитетные», но малокомпетентные в вопросах перевода филологи из МГУ подтвердили нелепые притязания первого переводчика, опираясь на ряд текстуальных совпадений. При обжаловании дела в суде более высокой инстанции в качестве эксперта предложили выступить Я. И. Рецкеру.

¹ Статья опубликована в журнале «Столпотворение» № 8/9 2003 г. Это полный вариант статьи, ранее опубликованной с сокращениями в сборнике «Тетради переводчика», вып. 24 (М., 1999).

Проведя колоссальную исследовательскую работу по анализу других произведений, переводившихся несколько раз, а также поставив своего рода «следственный» эксперимент по переводу спорных отрывков, в котором принимали участие 52 студента переводческого факультета Института иностранных языков, Яков Иосифович доказал, что совпадения, ставшие предметом спора, носят закономерный характер. На основании этой экспертизы суд отверг вздорные обвинения истца¹. Не правда ли, редкий случай, когда абстрактная, казалось бы, научная концепция — разработанная Я.И. Рещкером теория закономерных соответствий — не только оказалась вполне применимой на практике, но и принесла реальные плоды: защитила честь и достоинство оклеветанного человека.

Однако Якову Иосифовичу абсолютно чуждо было желание покрасоваться своими обширнейшими знаниями и способностями — даже с самыми слабыми студентами он общался на равных, никогда не «давя» интеллектом и, по-видимому, совершенно искренне предполагая, что известное ему знают и его собеседники — ну, может быть, что-то подзабыли. В аудитории его невозможно было представить себе раздраженным, отчитывающим нерадивых или издевающимся над отстающими (признаемся себе: некоторые «педагоги» не могут удержаться от этого). К своим студентам он относился с неизменно доброй, ровной благожелательностью и, по-моему, даже слишком их идеализировал. Он никогда не ругал нас, а наоборот, иной раз излишне хвалил. Теперь я понимаю, что он просто любил студентов — всех — и свое дело.

Как-то, работая уже преподавателем, я пригласил в гости к Якову Иосифовичу, уже давно находившемуся на пенсии, двух студентов, которые писали под моим руководством дипломные работы. (Хотелось поделиться с ними тем наслаждением, которое я испытывал от общения с ним, да и сам он очень любил молодежь.) Поинтересовавшись у одного из студентов, на какую тему он пишет диплом, Яков Иосифович заметил: «Моя диссертация до некоторой степени близка к вашей». Этими словами он уравнивал свою глубочайшую научную диссертацию, о которой я уже упоминал, со скромной студенческой работой. Я не знаю другого примера, когда преподаватель относился бы к студентам столь уважительно.

Но Яков Иосифович не был безобидным добрячком. Его ирония могла быть хлесткой, когда дело касалось, скажем так, не очень совестливых людей. Однажды я рассказал ему о том, как меня вызвали к нашему декану — даме, сладострастно тиранившей многих молодых сотрудников факультета. Улыбаясь, как удав кролику, она объявила мне, что поручает очередную «общественную нагрузку» — в духе неприятных обязательств тех лет: надо было то ли ехать на картошку в колхоз, то ли участвовать в «народном контроле». Мотивация была при этом такая: «Вот вы все (т.е. рядовые преподаватели) небось хотите, чтоб начальство вас любило. А за любовь надо платить».

Услышав от меня рассказ об этом эпизоде, Яков Иосифович засмеялся: «Что же вы не спросили, почему она берет в час?». Уверен, что он-то в подобных обстоятельствах не удержался бы от этой реплики.

¹ Об этом Я.И. Рещкер увлекательно рассказал в статье «Плагиа́т или самостоя́тельный перево́д?» («Тетради переводчика». Вып. 1. М., 1963, журнал переводчиков «Мосты» №2 М., 2004). В сокращенном виде статья напечатана также в качестве приложения в работе: Д.И. Ермолович «Введение в профессиональный перевод». (М, Изд-во РОУ, 1996).

Как верно заметил Дмитрий Сергеевич Лихачев, интеллигентные люди вызывают злобу у некоторых неинтеллигентных людей просто потому, что последние не в состоянии притвориться первыми. Злой человек может на время прикинуться добрым, посредственность может долго и старательно напускать на себя умный вид, но изобразить интеллигентность невозможно ни на секунду. Вот и у Якова Иосифовича были свои недоброжелатели. Они, естественно, не могли допустить присвоения ему докторской степени по совокупности научных работ, и он так и остался «всего лишь» доцентом, кандидатом филологических наук.

А в 1981 году одна переводчица ни с того ни с сего вдруг обрушилась с критикой на составленный под редакцией Я.И. Рецкера «Французско-русский фразеологический словарь», вышедший еще в 1963 году — на 19 лет раньше. Оперативно, ничего не скажешь. Эта дама опубликовала статью, в которой муссировала выкопанные в толстенном словаре две-три неточности типа «быть почти готовым» вместо «быть вполне готовым», и возмущалась тем, что «весьма условную пользу приносит этот словарь переводчикам с русского на французский язык»¹. Помилуйте, да ведь это словарь для перевода как раз в обратную сторону, посмотрите на его заголовки!

Ларчик открывался просто: из той же статьи явствовало, что знакомая этой дамы никак не может добиться опубликования собственного русско-французского фразеологического словаря, неоконченную рукопись которого автор статьи расхваливала на все лады (кстати, тот словарь так и не был издан). Логика примитивна до того, что почти вызывает слезы умиления: не получается у самой — надо обругать другого. Уверен, эта статейка легла позорным пятном на репутацию упомянутой переводчицы.

Между тем крупнейший французский специалист по фразеологии Ален Рей не поспешил в предисловии к собственному словарю на эпитет «превосходный» (*excellent*)² в отношении словаря под редакцией Я.И. Рецкера. До последних дней жизни Яков Иосифович работал над новым исправленным и дополненным изданием этого словаря, но завершить этот труд не успел.

Однако формальные свидетельства заслуг и комплименты не слишком заботили Якова Иосифовича. Вспоминаю один рассказанный им эпизод. У Рецкера было немало публикаций, но почти не было статей в таком специфическом издании, как сборники трудов института. «Специфика» эта состояла в том, что, хотя формально издание статей в таких сборниках считалось бесплатным для авторов, на самом деле с них собирали деньги на какие-то издательские расходы и для принудительного выкупа экземпляров сборника, которые каждый автор потом уже был волен реализовывать как может.

Якову Иосифовичу предложили дать статью в сборник, но когда потребовали денег, он удивился — как же так, автору еще допустимо не платить, но нельзя брать с него деньги за его же труд. Люди, привыкшие изображать одно, а делать другое, не поняли. «Ну, тогда, — рассказывал Яков Иосифович, — я сказал им так: “Даже за любовь я никогда не платил. А за славу платить тем более не собираюсь!”».

¹ «Мастерство перевода. 1979». Сб. 12-й (М.: «Советский писатель», 1981, с. 331).

² Alain Rey, Sophie Chantreau. Dictionnaire des expressions et locutions. Preface. Paris: Robert, 1979, 1993, p. X.

Я вспоминаю, как после кончины Рецкера пришел на прием к проректору, профессору К., с просьбой утвердить текст некролога, который должен был появиться в газете от имени института. Проректор пробежал глазами слова «скончался выдающийся ученый...» — и ревниво причмокнул: «“Выдающийся” — не слишком ли сильное слово?» Его рука потянулась к перу: «Напишем “видный”» — и внесла правку. У них была строгая номенклатура — на вершине пьедестала “известный”, потом “выдающийся”, а в самом низу “видный” (ты как бы виден, но из ряда других не выдаешься). В своем искусственно ранжированном мире на верхних ступеньках они воображали только себя и ни с кем не хотели делиться.

Ну что ж, это и в самом деле был видный человек. И лучшие его работы остались на виду: учебники и пособия, интереснейшая монография «Теория перевода и переводческая практика», прекрасные словари «Французско-русский фразеологический» и «Итальянско-русский фразеологический», вышедшие под его редакцией переводы сочинений Теккерея и Диккенса, собственные переводы французских и немецких книг. И, что не менее важно, ученики, которые с гордостью говорят: «Я учился у самого Рецкера». Про многих ли «выдающихся» скажут так?

Автору этих заметок посчастливилось не только учиться переводу у Якова Иосифовича Рецкера в Институте иностранных языков, но и (смею надеяться) познакомиться с ним и его семьей. Я бывал у него дома и несколько раз приносил магнитофон, чтобы записать на пленку некоторые из его историй и воспоминаний, возникавших в ходе наших бесед за чаем или ужином. Магнитофонные записи были сделаны в начале лета 1984 года, незадолго до кончины Якова Иосифовича. Кроме того, уже после его смерти, обнаружилось несколько страниц воспоминаний, записанных его собственными рукой.

Интересные на мой взгляд фрагменты этих записей и устных рассказов я решил предложить вниманию читателей, снабдив пояснениями (они набраны курсивом и заключены в квадратные скобки). Материал подвергнут некоторой перекomпоновке, в целях тематического единства компонентов, и незначительной редакторской правке, но так, чтобы сохранить атмосферу живой беседы. Однако я не выверял записи на предмет точности дат, имен и фактов — читателю не следует рассматривать воспоминания в домашнем кругу, за чашкой чая, о событиях более чем шестидесятилетней (на тот момент) давности как историографический источник. Я ставил задачу донести до читателя не описание событий, а, насколько возможно, представление о самом рассказчике. Хочется надеяться, что читатель услышит в них хотя бы слабый отзвук живого голоса этого уникального человека. Записи были просмотрены вдовой Я.И.Рецкера — Нежданой Даниловной Янович и публикуются с ее согласия.

Из воспоминаний и рассказов Я.И. Рецкера

[Крах музыкальной карьеры]

Трудно сказать теперь, что послужило главной причиной моего поступления в Михайловское артиллерийское училище — скорее всего, крах моей музыкальной карьеры. В конце апреля, когда я готовил к выпуску 1-й концерт Шопена (ми минор), в консерватории этот же концерт играла Юлия Френкель, вернувшаяся из Германии, где она занималась с Есиповой. Мой профессор Владимир Николаевич Дроздов, послушав Юлю, спешно заменил мне Шопена первым до-мажорным концертом Бетховена, который не вдохновлял меня. При прослушивании 1-й части А.К. Глазунов сказал мне: «Музыкальность у вас отличная, но вот пианизма я не замечаю. Не перейти ли вам на композиторский или дирижерский факультет?» Я забрал свои бумаги и уехал в Таганрог.

К этому времени уже выяснилось, что оба мои любимые двоюродные брата мамы Давид и Леон убиты на германском фронте. Перед отъездом из Питера я переговорил с генералом Михаилом Михайловичем Челюскиным, приходившим по воскресеньям к дядюшке Семену Леонидовичу Рашковичу, директору Санитарно-технического института, играть в вист. Он командовал артиллерией на румынском фронте и находился в столице на лечении. Узнав о моем желании бить немцев, он посоветовал мне избрать артиллерию как наиболее эффективное оружие и поступить в Михайловское училище. Он обещал мне персональное назначение в одну из его бригад. Действительно, по окончании училища я получил назначение в 69-й мортирный дивизион, который осенью 1917 года стоял недалеко от Ясс. Конечно, в 19 лет, возможно, и меня охватил патриотический дурман и преклонение перед героизмом бельгийцев и французов.

[В Михайловском артиллерийском училище]

В училище всё началось с переключки и распределения всего 11-го ускоренного выпуска (около 50 человек) по трем батареям. Я попал в 3-е отделение 1-й батареи. В нашу 1-ю батарею Михайловского артиллерийского брали тех, кто умеет держаться в седле.

День начинался в 6.30 утра гимнастикой на турнике, параллелях и прыжках через кобылу и козла. Зал был прекрасно оборудован, и мне не стоило большого труда привыкнуть к шишкам и синякам после первых неудачных прыжков: в гимнастическом зале были тюфяки, а в манеже — опилки. Хотя в Питере уже чувствовалось продовольственные ограничения, в училище кормили вкусно, но не очень обильно. Помню, получив первое увольнение в город, я простоял час в очереди у магазина Крафт за шоколадом. Удивительно вкусны были сочные котлеты, и дежурство на кухне притягивало возможностью съесть лишнюю котлету под видом пробы.

В актовом зале стоял Бехштейновский рояль, и очень скоро в моем отделении выделилась группа музицирующих по вечерам. Это были: Скрябин (племянник композитора), светлейший князь Дадияни-Дедешклиани, сын наказного атамана Войска Донского фон Граббе и я. Дадияни прекрасно импровизировал и отличался большей музыкальностью, чем Скрябин и особенно фон Граббе. Я играл больше всех: повторял по горячим следам свой консерваторский репертуар.

[Чем больше всего гордился Яков Иосифович и как он защищал свою честь]

Из винтовки я не умел стрелять, потому что артиллеристам выдавали только наганы (пистолеты) и шашки. Ну, а когда я стал фейерверкером, я уже получил коня, его звали Омск. Дали мне по воле вахмистра такого самого трясучего, высококого на длинных ногах. Вообще это было послушное и очень выносливое гнедое, как и все кони в батарее, животное. Каждая батарея имела обязательно своего цвета лошадей. В 1-й батарее все были гнедые, во 2-й батарее были серые или с яблоками, а моя была темно-гнедая. Ежедневная процедура мытья мылом и водой со скребком вскоре приучила его ко мне, но езда на нем в манеже и позже на маневрах стоила мне немало шишек и мук.

Высокий рост и длинные ноги Омска позволяли ему легко брать препятствия при рубке глиняной бабы. В момент прыжка нужно было сделать вращательное движение шашкой вокруг головы и снять верхний слой глины. Один раз я упал с коня после команды «На коня становись!» Упал неудачно, зацепившись левой ногой за стремя, и конь протащил меня по земле, содрав со спины кожу.

Всегда присутствовавший на занятиях в манеже наш комбат примерно через 20 дней после начала вольтижировки сказал: «Юнкер Рецкер, надеть стремяна и мундштучный повод». Я был первым в батарее, удостоившимся такой чести, и был, пожалуй, даже более горд этим, чем когда в 1953 году получил звание кандидата наук.

Мне легко было даже делать ножницы и на легком галопе с левой ноги вскакивать в седло. Сказалась привычка к езде на казачьем, английском и кавалерийском седле, начиная с семи лет. Картину занятий ездой и еще более вольтижировкой в манеже сильно портил несчастный Шатхан. Когда он, как куль с картофелем, свалился с коня, юнкер Макаревич закричал: «*Браво, Нахамкес!*», хотя сам не бог весть как держался в седле. Антисемитские выходки Макаревича метили вообще во всех евреев.

Не помню, по какому поводу, но я в присутствии товарищей вызвал Макаревича на поединок, пригрозив дать ему пощечину. Дадияни и Граббе были моими секундантами. Был бой на кулаках без перчаток. Владея апперкотом с 1911 года, я через две минуты сбил его с ног, и когда мои секунданты объяснили, что произошло, штабс-капитан Масич оставил дело без последствий. (При первом же знакомстве с батареей комбат Масич предостерег против любых черносотенных выходок.) Не помню, чтобы после этого мне приходилось слышать антисемитские выпады. Особенно после маневров, где два первые места в батарее по стрельбе завоевали два еврея: Шапиро (намного опередивший остальных по меткости попадания) и я.

[Летние сборы 1917 года]

Из теоретических предметов, которые нам преподавали, я помню только курс артиллерии и высшей математики, вернее, теории вероятностей. Эта теория тесно связана с пристрелкой орудия. Читал ее профессор-генерал Глазенап. Интересна была и съемка местности, но на практике, во время лагерных сборов, когда мы выходили попарно с планшетом и рейкой. Летом 1917 года мы были в лагерях почти два месяца — август и сентябрь — в Красном Селе.

В училище существовала 12-балльная система оценок. Когда мне удалось получить высший балл — 11 по артиллерии — я получил увольнение из Красного

Села в одно из воскресений сентября. Стояла дождливая холодная погода. Возвращаясь к 10 часам — вечерней переключке — из Питера, я в последнюю минуту вскочил на ступеньки заднего вагона отходящего поезда, но дверь оказалась на запоре. Только на крутом повороте состава я увидел, что попал не в дачный, а в скорый поезд, который в Красном Селе не останавливается. Сколько я ни стучал кулаком свободной руки и эфесом шашки в дверь, никто мне ее не открыл. Я оцепенел от холода примерно за полчаса езды на ступеньке, когда увидел вдали наши палатки. К счастью, поезд замедлил ход на крутом повороте, и я спрыгнул в мокрую траву и отделался испугом и легким ушибом.

Незадолго до 20 августа, чуть ли не в день выступления в лагеря (мне помнится, что все происходило на плацу училища) генерал Карачан построил все три батареи и сказал, что желающие пойти в поход на защиту Временного правительства навстречу Дикой дивизии, наступающей на Петроград для установления военной диктатуры под командованием генерала Краснова, должны выйти из строя вперед. Все 3-е отделение моей 1-й батареи вышло вперед, за исключением Виктора Перцева, который заявил, что он как большевик защищать Временное правительство не намерен. Из рядов раздалось *трус!*, но он не поехал. Почти сутки я не покидал седла, набив себе кровавые шишки, без горячей пищи и под холодным дождем. На другое утро нас спешили у Средней Рогатки. Разведка прикрывавшего нас пехотного полка донесла, что дикие, чеченцы, побратались с пехотой и отказались наступать на Петроград. После этого похода я на сутки попал в лазарет к доктору Чисовичу, тоже уроженцу Таганрога.

[Политика вторгается в жизнь]

Я чуждался политики и не читал газет. Отвращение к политике мне внушили два зрелища: одно в цирке Чинизелли, другое в Таврическом дворце. Митинг в цирке произвел на меня гнуснейшее впечатление наглым поведением большинства выступавших. В Таврическом дворце выступали делегаты английских профсоюзов в поддержку дальнейшего участия России в войне, но их речи покрывались ревом большевистских оппонентов — вернее, заглушались.

Уже само поведение большевиков вызывало во мне негодование, не говоря об их лозунгах. Слишком хорошо я знал историю Французской революции, чтобы не предвидеть, что у нас гражданская война унесет не 10—15 тысяч жертв, а в десять или сто раз больше, в том числе цвет русской интеллигенции, и откроет путь грядущему хаму.

Но от политики в 1917 году уйти было нельзя. Как-то у меня, помню, страшно разболелся зуб. Хотя у нас при училище был врач, но зубного врача не было. Меня отпустили к зубному врачу — в моем отделении был сын зубного врача Фрейденштейн. Помню, отец Фрейденштейна жил на Литейном проспекте, и я приехал к нему вечером после занятий.

А в Михайловском артиллерийском в 1-й батарее был очень красивый и тоже совершенно обрусевший еврей — Юрий Каннегизер. Ему только должно было исполниться девятнадцать лет, он очень рано окончил гимназию и тоже хорошо ездил верхом. И я застал у Фрейденштейна Каннегизера. С большим негодованием он говорил о большевиках, которые рвутся к власти, не набрав более 17% голосов на выборах в Учредительное собрание, тогда как эсеры и меньшевики получили около половины голосов, в том числе и в армии, которая тоже голосовала. (Выборы были примерно в 20-х числах сентября, всего за месяц-полтора до Октябрьской ре-

волюции.) Большевистских вожakov пропустил в запломбированном вагоне через Германию Вильгельм II, чтобы они разложили русскую армию и дали немцам взять Россию голыми руками.

Каннегизер говорил и о том, что на Выборгской стороне избивают газетчиков, продающих любые газеты, даже «Нашу жизнь» Горького, которая против большевиков. Он говорил, что это делают молодцы с заводов и подосланные; что сам он эсер, но не может купить газету, которая объединяет эсеров и так называемых трудовиков (Керенский как раз принадлежал не к эсерам, а к трудовикам), что ему придется покупать эту газету только в центре, когда он получает отпуск.

Каннегизер страшно возмущался, что 2 июля устроили выступление под лозунгом «Долой министров-капиталистов, вся власть Советам!». Тогда действительно была свалка, я был у тетки (это было в воскресенье) и видел из окна, как казаки с нагайками разгоняли толпу, а из толпы раздались выстрелы (у казаков, по-моему, не было, кроме шашек и нагаек, никакого огнестрельного оружия). Одна пуля попала к нам в окно на третьем этаже и застряла в стене.

[Кто убил Урицкого]

Каннегизер знал все мелочи о политике, а я вообще понятия не имел, какая разница между большевиками, меньшевиками, эсерами... Газет я не читал. По вечерам со Скрыбным играл иногда в четыре руки, иногда он отдельно, я отдельно...

Каннегизер несколько презрительно на меня посмотрел, когда я спросил: «А какая, собственно, разница между эсерами и меньшевиками? Вот я понимаю, что большевики хотят опрокинуть правительство. Ну, и сейчас вот выборы в Государственную думу...».

Он говорит: «За кого вы будете голосовать?». Я говорю: «Я не знаю». — «Голосуйте за эсеров, голосуйте за тех, кто является прямыми наследниками народовольцев и людей, которые проливали кровь в то время, как Ленин и большевики сидели за границей и писали разные мудреные статьи. В конце концов, прямыми преемниками народовольцев являются эсеры». Он даже мне назвал номер их списка.

В конце концов, я голосовал за трудовиков, потому что там были портреты этих людей, я помню — мне понравились лица. И потом, я видел, как Керенский встречал Кропоткина в апреле на Финляндском вокзале.

Когда, уже в 1918 году, Урицкий расстрелял первую партию арестованных эсеров — очевидно, правых эсеров — и кое-кого из меньшевиков, этот Каннегизер на велосипеде приехал на Миллионную в штаб, где заседали чека, проник в кабинет к Урицкому и в упор его застрелил.

Интересно то, что он сумел выбежать, сесть на велосипед и помчаться к Зимней канавке — туда, где Пушкинский Дом. Там для него была приготовлена тайная квартира. Если б он успел еще проехать каких-нибудь десять шагов... Но он услышал за собой стук мотоциклиста, бросил велосипед, побежал во двор, по пожарной лестнице взобрался куда-то на чердак, а чердака на крышу. Улица Миллионная узкая. Напротив, когда окружили дом, какая-то горничная сказала, что она видит человека на крыше. Он не смог перепрыгнуть на следующую крышу — там, очевидно, был большой промежуток. По-моему, я читал уже в Константинополе подробности о том, как его схватили, как его пытали, как его хотели заставить, чтоб он выдал сообщников, хотя действовал он в одиночку. Короче говоря, после Урицкого этим делом уже занимался Дзержинский, и его или расстреляли, или просто замучили.

[Воскресенье 22 октября 1917 года]

В то воскресенье наша 1-я батарея продолжала уже не менее двух недель нести охрану Зимнего дворца в Екатерининских покоях. Где-то совсем рядом еще шли заседания Временного правительства. Моя койка стояла возле койки Виктора Осиповича Пердева, который 20 августа отказался выступить против генерала Краснова в защиту Временного правительства, заявив, что он — за власть Советов. Меня он невзлюбил за мой политический индифферентизм. На его вопрос, за какую партию я буду голосовать в Учредительное собрание, я ответил: За партию Рахманинова и Скрябина. Его особенно раздражало то, что по вечерам я часто музицировал со Скрябиным и Дадияни.

Утром, перед строевыми занятиями, командир отделения штабс-капитан Мясич прочитал список дежурных по Главному штабу. Моя очередь была от 12 ночи до трех. В 12 часов я рапортовал о прибытии на дежурство начальнику петроградского гарнизона полковнику Полковникову и стал в дверях его кабинета с шашкой наголо. У полковника был совершенно голый череп замысловатой формы: кажется, такие черепа называются долихоцефалами (продолговатыми).

Почти сразу после того, как я заступил на дежурство, его адъютант доложил о приходе делегаций от полков гарнизона. Полковник приказал впускать по одному представителю от каждого полка. Первым появился представитель Преображенского гвардейского полка со значком музыкантской команды на погонах.

Он рапортовал: Господин полковник, защищать Временное правительство не будем. Вся власть Советам.

За ним появился выборный представитель лейб-гвардии Измайловского полка, тоже из музыкантской команды. Он повторил дословно заявление предыдущего оратора. За ним пошел посланец от Семеновского (или какого-то) пехотного полка со странным названием вроде пиротехнического. Последнего полковник принял, даже не вставая. Несмотря на холод, он вытирал со лба пот. В час ночи, если не позже, раздался телефонный звонок: князь Голицын требовал прислать отряд для разгона толпы, громившей склад оружия на Петроградской стороне. Конечно, никого послать было нельзя. Телефонные звонки раздавались часто, и по лицу полковника я понимал, что вести неутешительные. Падение Временного правительства состоялось, по существу, уже ночью 23 октября.

Утром был получен приказ начальника артиллерии генерала Карачана: обе наши батареи были выведены из Зимнего дворца и вернулись в Михайловское училище.

[О назначении, полученном после Октябрьской революции]

Мне исполнилось 20 лет как раз через три дня после Октябрьской революции. По старому стилю 25 октября, в среду, было свергнуто Временное правительство, а в воскресенье 29-го мне исполнилось 20 лет.

В Городской думе нам выдавали офицерские свидетельства. У меня было заказано полное обмундирование у самого лучшего портного — и сапоги, и бекеша. Помню, мама мне прислала дюжину егерского белья — такое очень тонкое немецкое шерстяное белье, — потому что это было уже начало зимы, хотя погода была еще довольно теплая. А я получил назначение в 69-й мортирный дивизион, которым командовал генерал-лейтенант Михаил Михайлович Челюскин, который знал меня лично, потому что бывал у моей тетки. Я имел персональное назначение.

Я получил его примерно через две недели после революции, когда сидел почти безвыходно у тетки на Невском, 23, но мне дали знать, что производство в офицеры мы получаем в Городской думе. Ну, вы знаете, дума находится на Исаакиевской площади, угловое здание...

Когда нам выдали это удостоверение, то сказали, что прежде, чем отправляться в часть, надо в Главном штабе узнать, где находится эта часть. Я в штатском пошел в главный штаб, где сидел какой-то большевик, который мне сказал, что часть эта на румынском фронте, но с румынского фронта уже солдаты бегут. «Никакой батареи вы там не найдете».

В городской думе, где сидели бывшие члены Государственной думы и избранные в Учредительное собрание (там же большинство было не большевики), мне выдали такое удостоверение: «Прапорщик такой-то направляется в распоряжение главнокомандующего вооруженными силами на юге России», то есть Деникина...

Я сказал, что хочу отправиться домой в Таганрог. А в это время Таганрог уже был занят Деникиным. Мне сказали так: «Когда вы доедете до Украины, бумажки этой не показывайте. На Украине сейчас гетман Скоропадский».

Когда я приехал в Таганрог, то порвал эту бумажку, конечно, потому что я никак в Белой армии служить не собирался.

[Почему Я.И. Рецкер не собирался служить в Белой армии]

По дороге, когда я ехал в Таганрог, у меня началась испанка. Это было уже примерно за Курском. Там в это время была неразбериха. Еще советская власть не была установлена, но между Белгородом и Курском уже не знали, какая власть.

Я лежал в вагоне 3-го или 4-го класса на самой верхней полке, где вещи кладут, в бреду и слышал, как вошел какой-то офицер и спросил: «Жидов нет тут?» Это уже были белые.

Когда эти офицеры вошли, они вот что делали: хватали евреев, на полном ходу выбрасывали их, а тех, кто сопротивлялся, убивали — большей частью закалывали, чтобы не тратить патроны. У нас в купе не было евреев, были все русские, которые про меня сказали: «Слушайте, какой же он еврей, когда он офицер?». Меня обыскали, достали документы и оставили в покое. А из соседнего купе вытащили какого-то еврея с бородой и его дочь... Ну, они, во-первых, изнасиловали дочь, а потом обоих убили. Так что я понял вообще, что такое белые, еще в декабре 1917 года.

[Едва не попал под расстрел в Таганроге]

[Таганрог был родиной Я.И. Рецкера. Там жил его отец — богатый коммерсант, компаньоном которого был Григорий Самойлович Фельдман, отец актрисы Фаины Раневской. С самой Фаиной Григорьевной Яков Иосифович был также хорошо знаком и поддерживал с ней отношения в Москве.]

Я приехал в Таганрог. Ну, революция начинается с того, что разбивают замки у тюрем и выпускают всех уголовников. Так что первое, что сделали еще в феврале 1917 года мой отец и мой beau frere, женатый на моей сестре, Бесчинский, — купили девятизарядные бельгийские револьверы. Они были и у меня, и я сидел и, как Пушкин, стрелял в форточку с дивана. Довольно большая комната, и вот старался... правда, из винчестера мы учились стрелять в бутылку, положенную так, чтобы пробить дно, и я это делал с 15 шагов.

[Кто-то донес новым властям, что из дома якобы стреляют в толпу, и к Якову Иосифовичу явились солдаты во главе с красным комиссаром, арестовали его и повели на расстрел.] Моя сестра Женя все время бежала за комиссаром, который шел впереди, бросалась к нему в ноги и говорила, что я вовсе не мог стрелять в толпу, потому что у меня нет никакого оружия, кроме шашки, которая висела над кроватью. И просила, чтобы меня повели к коменданту города.

А комендантом города был Зайцев, которого когда-то, в 1905 году, укрывал мой отец. И он меня узнал, велел тому комиссару уйти, а мне говорит: «Бери билет в Харьков и немедленно уезжай». Я прямо оттуда пошел на вокзал и уехал в Харьков.

[Власти в Таганроге сменяют друг друга]

[Через какое-то время Яков Иосифович снова вернулся в Таганрог.] В Таганроге было пехотное училище, где было 240 человек. Они давали присягу Временному правительству и считали, что должны защищать его до последней капли крови. В декабре юнкера из этого училища засели на спирто-водочном заводе... У них было, кажется, два пулемета или даже один. А три тысячи солдат осаждали их несколько дней, причем когда некоторые из юнкеров поняли, что рано или поздно они погибнут, то они стали выбегать и прятаться в домах. И хотя наша Александровская улица, где мы жили, по крайней мере, на две версты от этого завода, пули все время летали.

После того как перебили всех этих юнкеров, большевики продержались недолго. 1 мая 1918 года в Таганрог вошли немецкие войска. После Брестского договора они заняли всю Украину, Донбасс и часть Северного Кавказа. Минеральные Воды, Кисловодск — все было занято немцами. По-моему, они вошли в город без выстрела, потому что большевистские части все были оттянуты куда-то — может быть, к Царицыну. В то время уже, по-моему, началась Царицынская кампания.

Ну а немцы первым делом открыли большой книжный магазин, где были книги на английском, французском, немецком языках. Может быть, были расстрелы большевиков, но все это было как будто бы совершенно без выстрелов. Они никого не трогали — во всяком случае, из буржуазии. Помню такой случай. У нас была очень смазливая горничная, и какой-то немецкий солдат за ней увивался. Она не могла понять, что он ей говорит по-немецки, так она ему кричала всё: «Громче, громче!», и он ей что-то такое любезное говорил.

В том же 1918 году, когда в ноябре произошла революция в Германии, немецкие войска ушли. На смену им пришел Деникин. Его ординарцы ездили по городу, увидели наш дом и сказали: «В 24 часа очистить. Здесь будет штаб Деникина». У отца был другой дом, даже два дома. И мы переехали с Александровской улицы на Николаевскую, там был флигель и двухэтажный дом.

[1918 год в Ростове]

Потом была такая опасность. В декабре 1918 года белые объявили призыв, и все чуть ли не с 18-летнего возраста до, кажется, 40 лет должны были попасть в Белую армию. Как этого избежать? Отец вспомнил, что он в Петербурге познакомился с действительным тайным советником, особой 3-го класса — Артуром Федоровичем Вейсом, который был шталмейстером при царском дворе.

И вот отец узнал, что Артур Федорович находится в Ростове, и поехал в Ростов к дядьке, а дядька был миллионер и вообще с большими связями: у него было отделение конторы даже в Харбине. Он имел монополию на продажу табачных изделий двух самых крупных фабрик, одной из них — Осмолова. (Осмолов, кроме того, был большим меценатом. Лучший театр в Харькове — драматический — был Осмоловский.)

И вот я помню, как сейчас, отец вызывает меня в Ростов. Я приезжаю, и у дядьки сидит этот Артур Федорович Вейс. Он мне говорит: «Вам, конечно, не поздоровится в Белой армии, там очень не любят евреев. Но я вам устрою: я дам вам бумагу, что вы прикомандированы ко мне — вы владеете английским языком — в качестве переводчика. А мы ждем прибытия в Новороссийск английской медицинской помощи. Но на всякий случай держитесь как можно дальше от всякого контроля, а уж если понадобится, покажете эту бумагу, что вы прикомандированы ко мне, а я являюсь представителем Деникина по связи с иностранцами».

[Первая работа переводчиком]

Я прожил все лето 1918 года в Краснодаре. И только один раз меня вызвали в Новороссийск: прибыл английский транспорт. На этом транспорте был полковник Биддл — Colonel Biddle, Assistant Director, Medical Service. Он спросил меня, офицер я или нет. Я сказал, что нет, я еще — как это называется у них — superintendent, или «подофицер». Знаете, курица не птица, а прапорщик — не офицер. Он был удивлен, что в 21 год я еще не полный офицер и что я не воюю. Но я ему сказал, что у меня плоскостопие, и вообще я имел белый билет. И я в качестве переводчика принимал перевязочные материалы, шприцы, все, что нужно для раненых. Причем мои родители так за меня волновались, что отец, и мать, и сестра Женя, которая была на четыре года моложе меня, — все приехали в Новороссийск.

В это время как раз подошел наш [то есть принадлежавший компании отца] пароход. У меня уже был роман с Людмилой, и отец и мать, которым она очень понравилась — ей было тогда 19 лет, — сказали: «Ничего хорошего ждать нельзя. Белые, конечно, будут разбиты, потому что у них офицерские полки, и они сражаются сто человек против тысячи, а то и против нескольких тысяч. Садитесь на пароход и езжайте за границу. Пароход уйдет в Англию». Но, конечно, я на это не решился. Я не собирался жениться в 21 год.

Кстати, в Краснодаре выступал Вертинский и оркестр Кусевицкого — тот самый оркестр, который потом целиком переехал в Америку. Там Рахманинов выступал, Яша Хейфиц, Горовиц и так далее. В Советской музыкальной энциклопедии большая статья о Сергее Кусевицком. В Краснодаре его оркестр числился как оркестр командующего вооруженными силами на юге России, то есть Деникина. Знаете, надо было марку, марку иметь.

[Арест отца Я.И. Рецкера и отца Ф.Г. Раневской; переезд в Ростов]

Когда мы приехали в Таганрог, папу и его компаньона Григория Самойловича Фельдмана, отца Раневской, немедленно арестовали большевики. Посадили их в товарный вагон, и представитель ревкома явился к маме и сказал: «Мы их освободим, но только нам нужно сто тысяч. Вот вам срок — 24 часа». Денег не было, но у мамы были, кажется, какие-то бриллианты. В общем, достали по 50 тысяч мы и

семья Фельдмана. Помню, как я и мама поехали на вокзал. На запасных путях стоял этот вагон. Отец и Фельдман сидели, хохотали. Стоял один часовой. Их никто не трогал. И, в общем, их освободили.

Но поскольку отец знал, что это только первый раз, что это будет повторяться неоднократно, — решили уехать в Ростов. (У дядьки там был дом.) В это время началась эпидемия сыпного тифа. А отец для того, чтобы перевезти в Ростов какие-то вещички, не смог найти для багажа другой кареты, кроме санитарной. В этой санитарной карете его и укусила вошь — он заболел тифом.

А у меня было что-то вроде рецидива той же самой испанки. Кажется, два или три дня температура была выше сорока, и я все время бредил. В то время в Ростове были крупные врачи: профессор Завадский, которого вызвали к отцу, и профессор Игнатовский, которого вызвали ко мне. Игнатовский выслушал меня и сказал: «Никаких инъекций. Такое сердце выдержит какую угодно температуру. Я отвечаю за него».

[Происшествие с физиологическим раствором и кончина отца]

В Ростове в то время были еще белые, а в Батайске уже были красные. Значит, вот Ростов, Дон — а тут Батайск. И из Батайска обстреливали. Ядра попадали в дома, большей частью частные.

Когда я оправился от испанки, отец умирал. Это было 24 января 1920 года. Как раз за день до этого части дивизии Жлобы вступили в Ростов. Я помню, Жения (сестра) и ее муж поехали доставать для него физиологический раствор. Это было очень трудно. В то время на улицах еще чуть ли не шла стрельба. Ну, они достали извозчика, поехали в какую-то аптеку, достали бутыл с физиологическим раствором. Но когда они ее везли, их остановили красноармейцы. И когда они увидели бутыл — большую, с прозрачной жидкостью, то решили, что это водка. Не говоря ни слова, они разбили горлышко, ну, а когда отхлебнули — поняли, что это не то, что им нужно. Но раствор уже нельзя было использовать. И больше не было такого раствора.

Я помню, около пяти часов утра меня разбудили и сказали, что отец безнадёжен. Мы пошли к нему и стояли у его кровати на коленях. Его чуть ли не последние слова были: «Лишь бы не умереть». Ему исполнилось за день до этого 47 лет.

[Почему Я.И. Рецкер пошел служить в Красную армию]

В 20-м году, через две или три недели после того, как я поправился, я решил, что, поскольку меня только один раз вели под расстрел красные, а белые хотели убить два раза, я пойду служить в Красную армию. Я пришел в красноармейский штаб — это был Заамурский конный полк. Попросил, чтобы меня пустили к командиру. Мне говорят, что командира нет, а есть комиссар. Помню фамилию его — Антзерский.

Я вошел к нему и говорю, что я окончил Михайловское артиллерийское и хочу в артиллерию. Он говорит: нет. Я ему дал свидетельство об окончании Михайловского артиллерийского, которое я хранил в сапоге. Он взял его, порвал, говорит: «Об этом забудь. Пойдешь рядовым в пехоту». Потом спохватился: «Хорошо ездить? А ну, вахмистр, проверь его!». Ну, вахмистр меня повел (это было за кладбищем, почти в степи), посадил на коня и на корде заставил меня делать ножницы

(вот так пересесть). Потом командовал, я помню, так смешно: «Га-ло-пэм! С левой ноги!» И я должен был на ходу прыгнуть на лошадь. Первый раз я перепрыгнул через нее, а второй раз все-таки сел.

Да, еще была команда: «Рубку, рубку!». Рубка была такая: надо было через какой-то плетень перепрыгнуть и срубить деревцо, которое там стояло. Я вспомнил то, чему нас как раз учили в Михайловском, — и срубил. Короче говоря, я выдержал экзамен и был зачислен в 3-й эскадрон. Причем докладывать надо было так: «Товарищ командир! Молодой солдат Рецкер явился!». Не было другого, понимаете, нельзя было сказать «новобранец» или что-нибудь, а — «молодой солдат». Потом переименовали нас в бойцов.

[Тиф и ящур]

Через две или три недели (причем эти недели я жил в казарме) я там заразился тифом. Ну, и меня отправили в эвакупункт №90 13-й армии, а тем временем весь этот Заамурский конный влился в дивизию Жлобы и был направлен куда-то между Воронежем и Тамбовом. В это время генерал Мамонтов совершил далекий рейд, в результате которого 13-я армия была целиком истреблена. Она была окружена и попала, можно сказать, в мешок. (Мне уже потом рассказывали.)

А в апреле 1921 года с моря высадились врангелевцы. Это была кучка, может быть, в 200-300 офицеров, однако, не разобравшись (это было ночью), весь таганрогский гарнизон бежал, а эвакупункт на 1200 мест эвакуировался. Эвакуация была такая, что не успели всех погрузить. Тяжелораненых оставили там...

Нас погрузили в теплушки, думали, что удастся доехать до Ростова, где были красные... А по дороге, у станции Морская, оказался разобранный железнодорожный путь. Ночью белые казаки окружили вагоны и стреляли. Нам был приказ: «Ложись!». Была солома, мы вот так лежали, уткнувшись. У меня была не фуражка, а папачка... это еще был апрель и довольно холодный. Она была прострелена.

Там все-таки были, кажется, два пулемета, и, в общем, отогнали белых конников. У них был небольшой отряд — вероятно, самостоятельность казачья. Но они поубивали лошадей. Я помню, это было ужасное переживание: хотя задний вагон был чуть ли не четвертым от нас, мы слышали, как несчастные умирающие лошади орут — уже не ржут, а издают какой-то невероятный крик.

Но этим не кончилось дело. Утром мы в станции Морской пошли искать какой-нибудь еды. Увидели хороший такой хутор, вошли. Мужчин не было, была только хозяйка. Она вынесла нам крынку молока. Мы были страшно голодные — мы сутки ничего не ели, не пили. Все выпили этого молока. На другой день у всех, кто пил это молоко, был ящур. Ужасная болезнь. Вся слизистая оболочка покрывается язвами. Сильный жар.

Нас повернули обратно в Таганрог, потому что этих офицеров или побросали в море, или поубивали. Это была совершенно безумная вылазка. Они не могли захватить главных сил, которые стояли довольно далеко от моря, они ворвались только в ближайшие приморские кварталы... Правда, были грабежи, насилия... У меня сложилось такое убеждение все-таки, что никакой другой власти, кроме советской, быть не может.

И когда я уже выздоровел от ящура, я остался работать на эвакупункте в качестве статистика, или, как мне написали в воинском билете, «статиста» эвакупункта. При переосвидетельствовании врачи страшно хохотали, когда увидели, что

мне написали, что я статист. Но выдали мне новый воинский билет, в котором было написано, что с января 20-го по июль 21-го я служил в Красной армии, демобилизован как студент.

[Учеба реферированию у Бухарина]

[После демобилизации из Красной армии Яков Иосифович поступил на юридический факультет Киевского университета, откуда ушел со 2-го курса. Причиной его ухода стала тогдашняя практика «правосудия», с которой он не мог примириться, — он стал свидетелем того, как по судебному приговору преступника освободили от наказания «по причине пролетарского происхождения». Высшее образование Я.И. Реузер завершил позже, окончив Литературный институт им. Горького.]

В 20-х годах Яков Иосифович работал переводчиком, и в какой-то период своей жизни он оказался референтом у Николая Ивановича Бухарина.]

Бухарин мне поручил реферировать материалы по трестам и синдикатам — вообще всё, что было о монополиях в английских, американских журналах... Я считался референтом, но не умел еще писать рефераты, и он меня научил. Научил очень оригинально. Сказал: «Возьмите 3-й том Маркса-Энгельса, там есть на 20-ти страницах реферат воспоминаний бывшего монтаньяра — “Борьба монтаньяров с жиро-ндистами” Левассёра. Возьмите книгу Левассёра, прочитайте и вы увидите, что с ней сделал Маркс. И придите, скажите мне, почему это называется не конспектом, а рефератом».

Я прочитал и наткнулся на фразу Левассёра, где он пишет, что это был, конечно, террор с его, так сказать, эксцессами, что «многие из нас были против, но мы чувствовали, что это неизбежно». Вместо этого Маркс написал: «Если бы революционный террор 1893—94 гг. был остановлен, то революция была бы задушена». Это было оправдание революционного террора, и таков был вывод Маркса. Когда я пришел к Николаю Ивановичу и показал вот эту фразу, он похлопал меня по плечу и говорит: «Теперь посвящаю вас в референты».

[О некоторых учениках]

В 1938-40 годах я работал в ГИТИСе. Моей аспиранткой была Можаровская — дочь писателя Василия Григорьевича Яна (Янчевецкий его фамилия). А в 1940 году открылись курсы переводчиков ЦК партии. Это же курсы были специально для того, чтобы переводчиков готовить к войне. Понимаете? Она сказала, что такого преподавателя, который может вести два языка — и английский, и французский — найти трудно, что она меня будет рекомендовать туда, и я подал бумаги. Я попал на восточный факультет, где первый язык был японский, китайский, хинди [или] урду, а второй — французский или английский. Я преподавал и тот и другой язык.

С началом войны обучавшихся там сорок с чем-то человек, причем половина из них были девушки, перевели в Фергану в Военный институт иностранных языков, который потом был переведен в Ставрополь-на-Волге, теперь это Тольятти. Ставрополь ведь находится на левом, азиатском берегу за Волгой, а Жигули — высокий берег — на европейской стороне. Я переплывал Волгу у Жигулей туда и обратно.

Из слушателей этих курсов недавно по телевидению жена видела Михаила Степановича Капицу — он первый от нашего министерства иностранных дел ездил в Китай. Он был первым нашим послом в Пакистане. У него хинди, урду, по-моему, он потом изучал не то японский, не то даже китайский. Это был один из самых способных моих учеников.

Ну, а когда было 25-летие Военного института в Доме Красной армии, он ко мне подошел, вспомнил меня и танцевал с моей женой, по-моему, что-то вроде опере'a. Он великолепно танцует.

Очень хорошие были девушки. Две — я даже запомнил их фамилии: Лаушкина и Раушкина — обе прекрасно танцевали. Одну отправили в наше посольство в Парагвай, а другую в Уругвай.

[Об абсолютных конструкциях]

Моя диссертация называлась «Стилистико-грамматическое значение абсолютных конструкций в английском языке».

В ней была большая историческая глава, которую я начал с XIV века. Я показал, что у Чосера даже в переводах с латинского философа Боэция ни один *ablativus absolutus* не переведен абсолютной конструкцией. Был в V веке у Феодосия, императора Восточной Римской империи, его советник Боэций, которого за какую-то крамолу приговорили к смертной казни. Сидя в тюрьме, он написал сочинение *De consolatione philosophiae* — «Об утешении философией». Эту вещь переводили Чосер и Елизавета I, которая знала вообще чуть ли не семь языков, в том числе древнегреческий и древнееврейский. Это была очень образованная женщина. *The Virgin Queen*. И еще я проанализировал перевод, сделанный в XIX веке.

Сначала в английском языке в таких конструкциях был косвенный падеж — не *nominative absolute*, как в современном языке, а что-то вроде родительного. В русском был дательный самостоятельный: «Солнцу восходящу, прииде Володимир до Киеву» (в летописи). И у Козьмы Пруtkова еще есть эти абсолютные конструкции, которым Ломоносов предвещал «великую будущность в русском языке». У Пруtkова было: «Сидючи на крыльце, ко мне подошел молодой красивый...» — не помню, кажется граф. Ну, а у Толстого: «Накурившись, между солдатами завязался разговор».

Что ж, и Ломоносовы могут ошибаться.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	3
П.Р. Палажченко. Вступительное слово	3
Предисловие автора	6

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Основы теории закономерных соответствий	10
§ 1. Общие положения	10
§ 2. Эквивалентные соответствия	13
§ 3. Вариантные соответствия	18
§ 4. Раскрытие контекстуальных значений в переводе	21
§ 5. О так называемой «единице перевода»	27
§ 6. О природе и опасности буквального перевода	32
§ 7. Предметная обстановка и речевая ситуация.	37

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. Лексические трансформации и формально-логические категории	45
§ 8. Общие положения	45
§ 9. Приемы дифференциации, конкретизации и генерализации и формально-логическая категория подчинения	46
§ 10. Прием смыслового развития и формально-логическая категория перекрещивания	51
§ 11. Прием антонимического перевода и формально-логическая категория противоречивости	54
§ 12. Приемы целостного преобразования и компенсации и формально-логическая категория внеположенности	59
II. О переводческом эксперименте	69
§ 13. Общие положения	69
§ 14. Экспериментальная проверка закономерности контекстуальных значений	71
§ 15. Экспериментальная проверка закономерности лексических и грамматических трансформаций	72
§ 16. Экспериментальная проверка учета установки на получателя перевода	76

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Грамматические трансформации и перевод некоторых синтаксических конструкций	81
§ 17. Грамматическая форма и синтаксическая конструкция	81
§ 18. Грамматические трансформации	84

§ 19. Амбивалентность синтаксических конструкций	92
§ 20. Зависимость перевода компаративной конструкции от жанра переводимого материала	102
§ 21. Перевод абсолютных конструкций	106
§ 22. Экспрессивная функция абсолютных конструкций	114
§ 23. Анаколупф и его отражение в переводе	122

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Экспрессивно-стилистическая основа перевода	130
§ 24. Стиль и экспрессия	130
§ 25. Экспрессивная конкретизация при переводе на русский язык	133
§ 26. Экспрессивно-прагматическая конкретизация	139

ГЛАВА ПЯТАЯ

Перевод фразеологических единиц	143
§ 27. Общие положения	143
§ 28. Экспрессивность фразеологических единиц и ее отражение в лексикографии и переводе	151
§ 29. Экспрессивное использование ФЕ посредством двойной актуализации	155
§ 30. Перевод образных ФЕ	158
§ 31. Перевод ФЕ, лишенных образной основы	163

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Передача модальности в переводе	166
§ 32. Логическая и экспрессивная модальность	166
§ 33. Функциональный принцип передачи модальности в переводе	173
§ 34. Модальные ограничители в переводе	182

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Что дают словари переводчику	185
§ 35. Раскрытие смысловой структуры слова в словарях	185
§ 36. Фразеология в словарях	197
§ 37. Использование синонимических словарей в процессе перевода	200

Заключение автора	204
--------------------------------	-----

Список литературы	206
--------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.Н. Комиссаров. Вклад Я.И. Рецкера в лингвистическую теорию перевода	213
Д.И. Ермолович. Не платил ни за любовь, ни за славу (О Я.И. Рецкере)	223
Из воспоминаний и рассказов Я.И. Рецкера	227

*Издательство «Р.Валент» планирует
новую серию «НАШЕ НАСЛЕДИЕ»
с современными комментариями.*

*В нее войдут работы виднейших
отечественных переводоведов, а также
избранные страницы из «Тетрадей
переводчиков».*

*В этом важном деле издательство не хотело
бы принимать решение о публикации тех
или иных авторов без заинтересованных и
авторитетных советчиков.*

*Мы с благодарностью примем
ваши пожелания.*

Рецкер Яков Иосифович

Теория перевода и переводческая практика

Очерки лингвистической теории перевода

Дополнения и комментарии Ермоловича Дмитрия Ивановича
3-е издание, стереотип.

Ответственный редактор

Редакторы

Компьютерная верстка

Корректор

В.Р. Колесниченко

Н.Г. Богомолова, В.П. Кочин

В.В. Колесниченко

А.В. Иванова

Подписано в печать 14.09.2007 г. Печать офсетная.

Формат 60х90 1/16. Объем 15,25 п.л.

Тираж 1000. Заказ 2446.

ООО «Р.Валент»: 105062, Москва, Подсосенский пер. д. 23, стр. 5.

Тел./факс 916 6703, 109 6391

e-mail: rvalent@online.ru; rvalent@yandex.ru

www.rvalent.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в Калужской типографии стандартов
248006, Калуга, ул. Московская, 256. ПЛР № 040138.

Яков Иосифович Рецкер (1897–1984) – выдающийся советский лингвист, переводчик и лексикограф, классик науки о переводе. Много лет он преподавал теорию и практику перевода с английского и других языков сначала в Институте военных переводчиков, а впоследствии – в Московском институте иностранных языков имени М. Тореца (ныне МГЛУ).

Научные интересы Я.И. Рецкера были очень разносторонними. Он издал ряд учебников и пособий по переводу, реферированию, составил фундаментальный «Французско-русский фразеологический словарь» (1963). Этапной для отечественного переводоведения, наряду с трудами А.В. Федорова, В.Н. Комиссарова, Л.С. Бархударова, А.Д. Швейцера и других авторов, стала его книга «Теория перевода и переводческая практика» (1974).

Вы держите в руках новое издание этой книги с современными дополнениями и комментариями профессора Д.И. Ермоловича, ученика Я.И. Рецкера, отражающими современное состояние науки о переводе. В книгу включены также записанные им личные воспоминания Я.И. Рецкера.

В состав книги вошла статья другого выдающегося российского переводоведа В.Н. Комиссарова, коллеги Я.И. Рецкера и его соавтора по одному из первых отечественных учебников по переводу, о вкладе Я.И. Рецкера в лингвистическую теорию перевода.

№ 355.00

978-5-93439-2384

Библиотека лингвиста